

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра новых медиа и теории коммуникации

**«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»: новые медиа и
политические коммуникации**

Москва

2015

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

На ход представленного исследования и логику его изложения значительно повлияли работы Томаса Куна, который заложил основания новейшей парадигмальной науки западного образца. В своем блестящем труде «Структура научных революций» Томас Кун убедительно показывал, что устаревшие теории в принципе нельзя считать ненаучными только на том основании, что они были отброшены историей. Но это, в свою очередь, логически приводит нас к отказу от рассмотрения истории науки и самой сути науки как простого прироста знания. В своей работе Кун заложил основы парадигмальной научной матрицы, которая противостояла глубоко арахичным, линейным и хронологически описательным научным практикам (серьезнее все это сказалось на гуманитарной сфере: достаточно сравнить любой учебник по истории XIX или первой половины XX века с «Историей русской революции» Ричарда Пайпса). В соответствии с концепцией Куна, установившаяся парадигма определяет методологию, круг проблем и качество их решений. Именно по этой причине работы сконцентрированы вокруг понятия «новой нормальности». Та среда, которую мы пытаемся сформулировать и описать в данной работе, не поддается описанию и формулированию, поскольку во многом противоречит наработанным научным методикам XX века:

«Однако в последние годы некоторым историкам науки становится все более и более трудным выполнять те функции, которые им предписывает концепция развития науки через накопление. Взяв на себя роль регистраторов накопления научного знания, они обнаруживают, что чем дальше продвигается исследование, тем труднее, а отнюдь не легче бывает ответить на некоторые вопросы, например о том, когда был открыт кислород или кто первый обнаружил сохранение энергии. Постепенно у некоторых из них усиливается подозрение, что такие вопросы просто неверно сформулированы

и развитие науки – это, возможно, вовсе не простое накопление отдельных открытий и изобретений». ¹

Будучи фундаментально децентрализованной и склонной к постоянному самоперепрограммированию, «новая нормальность» поддается только парадигмальному описанию, выраженному далее в метафорах. В противном случае, попытки анализа более традиционными способами будут представлять собой бесчисленные интерпретации и модификации ad hoc уже имеющихся теорий. Созданные во имя элиминирования всё чаще возникающих противоречий, они на деле будут плодить только новые тавтологии и контрпримеры. Мы же убеждены в том, что та революционная ситуация, которая происходит последние десятилетия в мире коммуникации, подразумевает и использование тех революционных научных методик, которые зарождались параллельно с такой ситуацией.

¹ Т.Кун, Структура научных революций - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 20

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мы имеем дело с новой реальностью, «новой нормальностью».² Представляя собой специфический тип дискурсивной среды, где важнейшее место занимает коммуникация, она артикулировалась по трем направлениям: собственно философская артикуляция, историческая и артикуляция научная.

«Новая нормальность» заключается в совершенно ином значении и месте, которое занимают средства массовой коммуникации в современной цивилизации. Это положение центральное и определяющее. Те процессы, проводниками которых СМК являются, представляют собой важный элемент в мироустройстве наших дней. В то же время, выбранный термин во многом условен. В представленном исследовании он используется с целью избежать идеологического влияния теоретиков информационного общества и не увязнуть в терминологических войнах между ними, а также рассмотреть и развить наработки их описательных научных парадигм.

«Новая нормальность» и ее практическая реализация в современной цивилизации будет рассмотрена в данной работе сквозь призму взаимодействия новой коммуникационной реальности и ее политического измерения, уже начавшего трансформации под влиянием новой системной логики. Также будут изучены основные изменения источников власти в современном обществе, в становлении которых именно коммуникация играет критически важную роль.

«Коммуникация», таким образом, является центральным концептом данной работы. Под «коммуникацией», которая была перенесена в фокус научных теорий и разработок в первой половине XX в., в представленном исследовании понимается синтез трех селекций: информации, сообщения,

² Термин «новая нормальность» активно использовался Федеральной Резервной системой США для описания принципиально новой фазы мировой экономики во время финансового кризиса 2008 г.

понимания. Первая селекция, при этом, выступает дифференциацией, изменяющей систему, создающей другую дифференциацию. На основе данного концепта выводятся понятия «инфопотока», «дискурса» и «нарратива» - основных моделей политической коммуникационной борьбы в «новой нормальности». Именно нарративный подход к политической борьбе и политическим конфликтам создает наиболее удачную основу для анализа последних, помогает проанализировать фундаментально новый источник власти – способность формировать общественное мнение – который диссонирует с властью репрезентации, значительно усложняя регулирование внешней политики. Данный подход использует наработки Н.Лумана, согласно которому лишь коммуникация может осуществлять коммуникацию: «Всегда есть люди, индивидуумы, субъекты, которые действуют и, соответственно, вступают в коммуникацию. В противоположность этому я бы хотел предположить, что только коммуникация может осуществлять коммуникацию и что лишь в такой сети коммуникации производится то, что мы понимаем под «действием».³

В то же время в сфере внутренней политики власти все так же необходимо выстраивать отношения с той частью общества, которая была социализована новыми медиа. То же самое – но в еще более радикальной постановке вопроса – касается и сферы внешней политики и международных отношений, в которой российское руководство имеет дело с руководством развитых западных стран, представители политического истеблишмента которых также проходили социализацию в этой новой коммуникационной реальности. Кто-то - вынужденно, кто-то - добровольно, но так или иначе все они также имеют дело со своими избирателями, с которыми приходится говорить на одном языке, языке «новой нормальности».

³ М.Вебер. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 456-534.

Внешняя политика в силу своей более глобальной и властной роли в отношении политики внутренней, носит характер символический и ритуальный – и в этом смысле на нее распространяются те характеристики, которые сформулировал М.Кастельс⁴ в своей концепции глобально-информационального общества. Другими словами, в сфере внешней политики действует принцип бинарного включения. И для решения любого политического вопроса – в данном случае, речь идет о сирийском и украинском конфликтах - государство сталкивается с необходимостью символически и ритуально репрезентовать свою принадлежность к «новой нормальности». В противном случае, диалог будет происходить на языке разных коммуникационных моделей и никогда не приведет к желаемому финалу.

Таким образом, российское политическое руководство вынуждено осваивать в утилитарном ключе правила игры «новой нормальности». Конфликт этого освоения усугубляется не только региональной спецификой России, но еще и тем, что область политики по своим фундаментальным качествам является архаичной сферой деятельности. И пересекаясь с полем «новой нормальности», она вынуждена трансформироваться, чтобы сглаживать конфликт устаревшего и современного.

В новой коммуникационной реальности главным политическим механизмом и источником власти является коммуникация. Этот источник во многом противостоит традиционным институтам власти, полномочия которых основывается на репрезентации. Все решения, принятые в рамках «новой нормальности», должны быть артикулированы, презентованы и легитимизированы. Оформленные подобным образом решения являются описательными нарративами, которые формируют общественное мнение. За

⁴ М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php

проведения этих решений в реальность стоит политическая коммуникация, которая получила новое актуализированное звучание в современной цивилизации.

Актуальность данного исследования определяется не только тем, что интернет становится все более распространенной технологией во всем мире и все больше СМИ переходит в виртуальное онлайн-пространство. Сама практическая часть представленного исследования – а это анализ крупных геополитических конфликтов 2013 и 2014-2015 гг. – показывает, что информационно-коммуникационная составляющая политических процессов приобретает все большее значение для возникновения новых коммуникативных практик российского политического руководства, характеризуется возрастающей ролью коммуникации в сфере политики, возникновением новых форматов политической коммуникации в России.

Степень разработанности темы. На данный момент ключевым отечественным исследованием, посвященным влиянию медийных технологий на область политики, является работа И. И. Засурского⁵. Отдельные аспекты рассматривались и другими исследователями. Так, А. И. Соловьев⁶ изучал изменение коммуникационных процессов в политике на фоне возникновения и развития интернета, Е.Лавренчук⁷ освещал системную логику коммуникации под влиянием социальных сетей.

За рубежом указанной проблемой занимаются Т. ван Дейк⁸, писавший о репрезентации доминирования в языке и коммуникации, М.Кастельс⁹,

5 И.Засурский. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в 90-е годы. – М.: Изд-во МГУ, 2001

6 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004.

7 Е.Лавренчук. АУТОПОЙЕЗИС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ. URL: https://docs.google.com/document/d/13kGPoYohL5RjJdVICor_Xf3RZ3LXzHoIwxUzvOjb3zM/edit?pli=1

8 Т.ван Дейк, Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013

9 М.Castells. Communication power. Oxford University Press, 2009

осуществивший первую попытку проанализировать политику и властные отношения с позиций коммуникативистики.

Научная новизна работы определяется тем, что при довольно высоком уровне изучения политических коммуникаций, новых медиа, а также их взаимодействия, проблема влияния новых источников власти и коммуникационных практик на политические, а также на менталитет политических акторов, остается практически незатронутой.

Теоретической базой данного исследования послужили работы зарубежных и отечественных ученых. Для анализа вопросов, касающихся коммуникации, были изучены работы Е. Л. Вартановой¹⁰, Э. Тоффлера¹¹, М. Маклюэна¹², Ю. Хабермаса¹³. В работе был также задействован труд М. М. Лукиной и И. Д. Фомичевой, посвященный интернет-СМИ¹⁴, разработки Г. Лебона¹⁵ и У. Липпмана¹⁶, освещавшие психологические аспекты воздействия коммуникации на формирование общественного сознания. Для анализа культуры политических коммуникаций России и США были изучены работы З. Бжезинского¹⁷, Г. Киссинджера¹⁸, С. Коновченко и А. Киселева¹⁹.

Объектом исследования выступает качественная трансформация

10 *Е.Вартанова. МЕДИАЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2003.*

11 *Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009*

12 *М.Маклюэн. Понимание медиа: Внешние расширения человека. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/makl2/*

13 *Ю.Хабермас. Моральное сознание и коммуникативное действие. URL: <http://www.twirpx.com/file/57914/>*

14 *М.Лукина, И.Фомичева. СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005*

15 *Г.Лебон. Психология народов и масс. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lebon_PsNar/Index.php*

16 *У.Липпман. Общественное мнение. URL: <http://socioline.ru/book/uolter-lippman-obschestvennoe-mnenie>*

17 *З. Бжезинский. ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА (Господство Америки и его геостратегические императивы). URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf*

18 *Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/46/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika_zdravogo_smysla.html](http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/46/Kissindzher_-_Ponyat_Putina._Politika_zdravogo_smysla.html)*

19 *С.Коновченко, А.Киселев. Информационная политика в России. Монография. – М.: РАГС, 2004.*

источников власти, процессов и культуры политических коммуникаций под давлением «новой нормальности».

Предметом исследования являются политические коммуникации России в двух крупных геополитических – сирийском и украинском–конфликтах, которые неизбежно протекают в русле «новой нормальности».

Хронологические рамки исследования не являются замкнутыми: если в случае сирийского конфликта мы можем ограничиться второй половиной 2013 г., то в случае с конфликтом украинским мы можем говорить о его политической незавершенности.

Научная гипотеза данной работы опирается на теорию коммуникации М. Кастельса и заключается в том, что источник власти в «новой нормальности» состоит в способности формировать общественное мнение, что приводит к растущему диссонансу между властью репрезентации (представительства) и властью коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

- Возрастающее напряжение между традиционными и новыми коммуникационными каналами регулирования политических конфликтов подтверждается развитием сирийского и украинского кризисов.
- С учетом указанной трансформации источников власти, форма коммуникационного воздействия начинает превалировать над его содержанием.
- На фоне этой тенденции и медиа, и политические акторы начинают применять неформальные массовые коммуникационные техники, которые оказываются самыми эффективными каналами информационного воздействия.
- Применение таких техник, учитывающих горизонтальный принцип распространения информации в сети, его скорость и

мгновенную обратную связь со стороны реципиентов, значительно увеличивает эффективность как медийной, так и политической коммуникации.

- Реализация описанной тенденции особенно характерна для политических конфликтов и прослеживается на примере сирийского и украинского кризисов.

Цель данной работы – проследить на примерах сирийского и украинского кризисов роль новых медиа в политических конфликтах и подтвердить или опровергнуть тезис о том, что растущий диссонанс между традиционными институтами власти и коммуникативной средой новых медиа объясняет природу таких конфликтов.

В связи с поставленной в данной работе целью возникает ряд **задач**, которые необходимо решить на страницах предложенного исследования:

- Изучить теоретическую (философскую, научную и историческую) артикуляцию «новой нормальности».
- Рассмотреть основные положения политической коммуникативистики и выявить те трансформации, которые произошли в этой науке под давлением все возрастающей информатизации общества.
- Определить основные актуальные характеристики культуры политических коммуникаций США и России.
- Проанализировать сирийский и украинский геополитические конфликты на предмет взаимопроникновения «новой нормальности» и политических коммуникаций.
- Установить зависимость между включением России в современный коммуникационный дискурс и ее способностью формировать общественное мнение, а также изменениями ее культуры политических коммуникаций

В работе использовались следующие **методы исследования**: описательный, сравнительный, классификационный. Помимо этого, методологическая база исследования определяется рядом подходов: структурно-функциональным (позволяет рассмотреть медиапространство и пространство политики как скоординированное взаимодействие элементов), системным (позволяет рассмотреть социально-политический и медийный кластеры как систему, постоянно взаимодействующую с глобальным информациональным обществом), социально-информациологическим (позволяет анализировать политические процессы во взаимодействии с массовыми информационными процессами с учетом происходящим трансформаций), сравнительно-историческим и нормативным (позволяет дать набор рекомендаций для проведения грамотной информационной государственной политики с учетом выведенных из данной работы положений).

Эмпирическая база исследования включает в себя медийную составляющую сирийского и украинского конфликтов.

Структура работы обусловлены обозначенными целями и задачами исследования.

Первая глава работы посвящена изучению «новой нормальности» по линии философской, научной и исторической артикуляции. Полностью понять геометрию нового сетевого мироустройства можно только ознакомившись со всеми линиями. В главе рассматривается два исторических истока «новой нормальности», включая взлет контркультурных движений Америки 1960-х гг., их вклад в развитие Интернета, а также коммерциализацию последнего – именно в этом пространстве сегодня и разворачивается дискурс «новой нормальности». В третьем разделе можно ознакомиться с американским опытом вторжения в этот дискурс.

Вторая глава посвящена анализу практической реализации указанных

выше тенденций в современном мире. Кроме изучения политической коммуникации как научной школы и изменений источников властных отношений, в данной главе также рассматривается культура и взгляды внешнеполитических коммуникаций России и США, которые являются ключевыми фигурами сирийского и украинского конфликтов, чье взаимодействие влияет на решение или эскалацию данных конфликтов.

В **третьей главе** изучено взаимодействие современных, новых медиа и политической коммуникации на примере участия России в сирийском и украинском конфликтах. В случае первого практическим материалом для изучения станет статья Владимира Путина для *New York Times*, а также весь комплекс коммуникационных мер по разрешению кризиса, получивший название «план Путина». В случае украинского конфликта рассмотрены самые крупные речи Владимира Путина, посвященные украинскому вопросу в 2014 году, комплекс коммуникационных инициатив по его разрешению, а также проведено их сравнение с «мюнхенской речью» Владимира Путина с целью анализа эволюции коммуникационного потенциала России во внешней политике. Помимо этого, даны описания обоих конфликтов с учетом изученных ранее теорией и научных школ с целью показать специфику каждого случая.

В данной главе также рассматривается зависимость успешного формирования общественного мнения через внедрение описательных нарративов в повестку дня от степени освоения коммуникационных практик, принятых в информационном обществе.

ГЛАВА I. ПОЯВЛЕНИЕ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

«Этот габитус существования в пространстве, распространяющийся у отдельных людей на поступки и мысли, осанку и умонастроение, охватывает в существовании целых культур всю совокупность жизненных выражений высшего порядка, как-то: выбор определенных видов искусства (объемной пластики, фрески эллинами, контрапункта, масляной живописи на Западе) и решительное отклонение других (пластики арабами), склонность к эсотерике (Индия) или популярности (античность), к речи (античность) или письменности (Китай, Запад), где выражения эти оказываются формами духовной коммуникации, типом соответствующих чаяний, административных систем, способов общения и поведенческих норм. Все великие личности антики образуют одну довлеющую себе группу, душевный габитус которой строго отличается от габитуса всех значительных людей арабской или западной группы. Если сравнить даже Гёте или Рафаэля с античными людьми, то Гераклит, Софокл, Платон, Алкивиад, Фемистокл, Гораций, Тиберий тотчас же сойдутся в одно уникальное семейство. <...> В завоеванной Гранаде еще долго чувствовалась душа арабских городов, Багдада и Каира, тогда как в Мадриде Филиппа II налицо уже все физиогномические признаки облика современного города, вроде Лондона и Парижа. <...> Даже и градостроительство — то ли из смутного влечения, как в готике, то ли сознательно, как со времен Александра и Наполеона, — повторяет в первом случае принцип лейбницевской математики бесконечного пространства, а во втором — принцип евклидовых разобщенных тел».²⁰

20 О. Шпенглер. Закат Европы. – М.: "Мысль", 1993. — С.267

1.1 Философская артикуляция «новой нормальности»

*Интерпретация мало-помалу должна уступить место дискурсу нового типа;
его целью будет не раскрытие какой-то одной, «истинной» структуры,
но установление игры множества структур; говоря точнее,
объектом новой теории должны стать сами отношения, связывающие эти сочетающиеся
друг с другом структуры и подчиняющиеся неизвестным пока правилам*²¹

L'écriture de l'événement. In: «Communications»

Barthes R.

Понятие «постмодерн» многозначно, оно используется для обозначения своеобразной ситуации в политике, социологии, художественном творчестве, то есть, почти во всех сферах бытия и человеческой деятельности. Постмодерн как социологическое и философское измерение времени ярко прослеживается в сфере современной политики, современного искусства и современной философии.

Главный объект постмодерна – Текст с большой буквы, поэтому, среди прочего, он сосредоточен на критике метарассказа, или метаистории, т.е., власти единой повествовательной стратегии, парадигмы – научной, философской или художественной.

Проблема Текста в постмодерне вытекает из проблемы языкового сознания в постструктурализме. Она выстраивалась вокруг тезиса «*loquor ergo sum*» («говорю, значит, существую»). Постструктуралисты, для которых мир был действительным бытием письменности, сводили человека к сумме текстов, совокупность которая аккумулировалась в мир культуры. И раз ничего не существует вне текста, то и человек находится «внутри текста». Однако это не значит, что постмодернистская трактовка сознания человека сводится к текстуализации: речь, скорее, идет о нарративизации,

²¹ Р.Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. - М., Прогресс, 1989. – С.41

описательных ресурсах человека по отношению к его опыту.

Постмодерн интересен нам, в первую очередь, как концепт, предполагающий определенную фазовую модель развития истории. Однако важно озвучить два тезиса, которые повлияли на структуру и логику данного раздела нашего исследования:

А) Постмодерн выстраивает себя на осмыслении и вообще отталкивается от предшествующих фаз, будучи внутренне глубоко зависим от периода «классики». В силу этого, раздел начнется с рассмотрения фаз премодерна и модерна.

Б) Рассматривая премодерн и модерн, философы постмодерна интерпретировали их в соответствии со своими убеждениями и взглядами, расставляли соответствующие акценты и вычитывали своих предшественников отнюдь не классическим способом. Целью данного раздела ставится не классическое прочтение философов античности или средневековья, но описание философской артикуляции «новой нормальности» - по этому соображению мы с воодушевлением будем следовать интерпретации постмодерна.

Стремясь получить цельное и синтетическое представление об истории философской мысли, мы подойдем к поставленной задаче генетически, поскольку такой подход может дать пусть не исчерпывающую и не каждым явлением подтвержденную, но внятную и обозримую картину трехфазовой модели постмодерна. На достоверность такого подхода «указывает сама современная западная мысль, хотя и весьма парадоксальным образом. Почти каждый крупный представитель буржуазной философии XX столетия специально фиксирует свое критико-полемическое отношение к буржуазной философской культуре классического периода. Демонстративный отказ от философской классики при сохранении скрытой внутренней зависимости от нее (явление, достаточно хорошо известное из анализа модернистских

движений в любой сфере культуры) – таково, на наш взгляд, исходное отношение, позволяющее понять, в чем состоит историческая, "смысло-временная" целостность современной буржуазной философии». ²²

Для удобства мы рассмотрим основные черты каждой фазы, подробнее остановимся на философах постмодерна и их концепциях, которыми они обогатили современную философскую мысль – и, наконец, покажем, каким образом функционирует эта фазовая модель, как она разворачивается в истории и переходит от объяснения мира к игре с Текстом. Видение истории как поэтапная цепочка преמודерн – модерн – постмодерн – это не хронологическое, а социо-философское измерение времени. Поэтому описание цепочки будет также осуществляться через описание основных социо-философских дискурсов каждого этапа.

Отличительная особенность преמודерна – в том, что он удивляется (в том смысле, который вкладывали в это действие Платон и Аристотель, где удивление = выход из привычного) смертности. Люди рождались и умирали как времена года – и снова рождались, заключенные в циклическое время античности. Весь мир был един и сакрален, бытийности и субъектов попросту не существовало. Мир отличался неделимостью и еще не познал дуализма следующей эпохи. Это отражалось и в обычной жизни, в которой не было жесткой социальной дифференциации.

В своем историческом измерении преמודерн распадается на архаичное и традиционное общества.

Архаичное общество – это общество охотников и собирателей, общество инициации.

И Платон и Аристотель начинаются с опыта сакрального, опыта столкновения с чудом. Вот как описывает сущностный характер

²² М.Мамардашвили, Э.Соловьев, В.Швырев. КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ ДВЕ ЭПОХИ В РАЗВИТИИ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ.

URL: <http://psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 13.12.2014)

сократической инициации Платона Эдуард Шюре:

«Светлый образ Сократа, умирающего за истину и беседующего в свой смертный час с учениками о бессмертии души, запечатлелся в уме Платона, как самое прекрасное из зрелищ и как самая святая из всех мистерий. Это было его первым великим посвящением. Позднее он изучал физику и метафизику и много других наук; но он навсегда остался учеником Сократа. Он передал нам его живой образ, влагая в уста своего учителя сокровища своей собственной мысли». ²³

Философский мир архаичного общества не знает религии и теологии, в жизнь человека включена смерть, в тело – дух, всё гармонично и едино. К примеру, в пифагорейском союзе воедино сливались музыка, математика, философия – и синтезируясь в обобщенное, абстрактно выраженное знание, все эти направления выполняли функцию медитативной практики, очищающую душу и подготавливающую адепта к узреванию истины. Любопытно, что, по Пифагору, философия не может открыть истину, она может только помочь мудрецу подготовиться к встрече с небесным откровением.

И что наиболее важно отметить на данном этапе – мир не знает зла. Даже рациональнейший Аристотель трактует зло как малую степень добра – и не решается двинуться дальше.

Традиционное общество начинается с вкушения запретного плода яблока знания о разделении добра и зла. Едва появляется эта расщелина – и время начинается разверзать бездну между сакральным верхом и профанным низом. Ведь если существует зло – оно не может быть от Небес? И если существует добро – то оно может быть только от Них?

Возникает понятие креационизма, где сакральное творит профанное,

²³ Э. Шюре. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. URL: http://www.e-reading.ws/chapter.php/131450/48/Shyure_-_Velikie_posvyashchennye._Ocherk_ezoterizma_religiii.html (дата обращения: 03.12.2014)

роль последнего при этом отведена тварному миру. В традиционном обществе мы уже наблюдаем возникновение и постепенное доминирование теизма, который может допускать как наличие нескольких творцов и правителей (политеизм), так и только одного, Единого творца (монотеизм). В целом, однако, эпоха проходит под знаком монотеизации (Люцифер, например, падает именно как тварь, возомнившая себя Богом – божественное изобилие постепенно сужается до монотеизма).

Любопытно отметить, что в мифогенной концепции греческая философия представлена двумя традициями: гомеров-гесиодовской и орфико-пифагорейской. Из их онтологической разницы вытекала и радикальная различность по социальной направленности: если последняя принадлежала к мистико-эзотерической традиции (действительно схватываемое познание доступно только инициированным, избранным, посвященным человеческим единицам) той эпохи, которая трактуется в рамках нашей концепции как архаичная, то первая является, по сути, профанной традицией, религией всех (и не принадлежит философскому измерению). Мир уже не воспринимается как что-то сакральное, он расколдован, он увидел зло в себе. Он уже не сакрален, он сакрализован, носит постепенно высыхающую печать сакрального.

Онтологическая раздвоенность на сакральное и профанное привела и к возникновению социальной стратификации, где: Бог противопоставлен миру, власть – народу, мужчина – женщине. Меняется и представление о времени: блаженный античный циклизм сменяется устремленной в один конец темпоральной стрелой времени, направление которой трактуется большинством учений (к примеру, установившимся позднее христианством) негативно. История представляется ожиданием страшного суда, время становится процессом засыпания бога. Таким образом, концепция энтропии появилась не в XIX веке, она была заложена уже в самом монотеизме.

Именно поэтому только монотеистические религии авраамического толка (иудаизм, христианство, ислам) обладают возможностью перехода к модерну.

В средневековой картине мира сакральное еще явно присутствует в профанном во имя поддержания порядка, при котором более высокие ступени бытия лучше организованы, чем низшие – такая трактовка взаимоотношений сакрального и профанного получила название «теизм». При этом сакральное проявляет себя в тварном через чудеса (активное вмешательство Бога в мир). Но уже в средневековых спорах о будущем христианства (среди самых выдающихся контактных точек дискуссий следует особо отметить средневековый спор об универсалиях) постепенно прорисовывалось торжество Аристотеля над Платоном, классификации и разделения над синтезом. Проблема существования универсалий – правил, которые ограничивают присутствие Бога в мире, осмыслялась в направлениях реализма и номинализма, каждое из которых предложило свое решение этого вопроса: «интеллектуализм» (Фома Аквинский) и «волюнтаризм» (Уильям Оккам) соответственно.

По утверждению Людмилы Яковлевой, суть интеллектуализма в том, что «Бог не может преступить через логику существующих в Нем универсалий, общих понятий, которые оборачиваются для сотворенного мира логикой необходимости, законосообразности земных событий, кои человек должен познать и им следовать». ²⁴ Иными словами, стремясь познать Божьи идеи, человек должен познавать окружающий его мир, находя в нем следы божественного присутствия, чудеса.

В то же время волюнтаризм проистекает из доктринального обоснования номиналистами абсолютной свободы воли Творца, который буквально сотворил мир «из ничего». Если Бог есть недостижимый идеал, то

24 Л. Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf (дата обращения: 03.12.2014)

его не могут сдерживать даже его собственные правила. Но и человек так же освобождается от каких бы то ни было обязательств, ведь если мир творится не по плану, а по произволу, то никому не дано знать заранее волю Творца:

«Человеческий разум освобождается от знания, которое не им добыто; личность освобождается от гнета любого авторитета. Человек сам создает интеллектуальные схемы, которые структурируют его разнообразные отношения с миром, в том числе познавательные. Человек может познать только то, что им же самим смоделировано для осуществления акта познания. Здесь пролегает граница человеческой свободы. Волонтаристы, будучи певцами абсолютной свободы Бога, в удел человеческому произволу оставили только тот участок бытия, который человек может освоить исключительно собственными силами».²⁵

Дальнейшее развитие философии через декларацию отделения мирского от божественного продолжило номиналистскую линию. Бритва Оккама срезала очарование миром, разрубая его последние связи с богом, а философия начинает доминировать над религией.

Эта философия, философия *модерна*, к разбору которой мы подходим, «представляет собой удивительно цельное образование: во всех своих проявлениях она как бы отлита из одного куска, пронизана одним каким-то умонастроением и пафосом. «Мыслительное пространство», общее поле проблем и мысленных операций, внутри которого разворачивались основные мировоззренческие столкновения, борьба материализма и идеализма, было в высшей степени связным, гомогенным, характерологически устойчивым. Если сводить его к одной какой-нибудь формуле, то можно сказать, что в нем с классической полнотой и всесторонностью (вплоть до ставших позднее знаменательными антиномий, скрытых или явных) оказалась выраженной и

²⁵ Л. Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf (дата обращения: 03.12.2014)

проанатомированной позиция сознательного человека в мире, или — еще точнее — вообще человеческой сознательности в качестве свободного и органического фактора жизни, общественного устройства и миропознания, соразмерного с атомарным, самосознательно и разумно действующим индивидом и неотъемлемого от него. В этом основная внутренняя идейная форма всей классической философии, в этом же источник ее непреходящего значения и влияния». ²⁶

Философские проекты, лежащие в основе исторической эпохи модерна, были созданы в XVII—XVIII вв. Людями, оформившими предпосылки мировоззренческого переворота Нового Времени стали Рене Декарт и Исаак Ньютон. Иначе говоря, проект Нового Времени складывался из номиналистического эмпиризма севера и атомизма юга.

Поставленная Декартом в «Первоначалах философии» теоретическая задача описать мир как механизм, подчиненный универсальным законам, сохранится и будет притягивать многие выдающиеся умы. Он построил строго системную механистическую модель мира, вынеся за его пределы все нематериальное, одушевляющее, и приписав динамические функции бытия трансцендентному Богу, — тем самым открывая дорогу деизму.

Ньютон, оппонировав своему предшественнику, опять привнес в мир с помощью понятия силы, пронизывающей всю вселенную, теистические краски, поскольку «сила» исходит от Бога, который совершает через нее определенные действия в своем «чувствилище», абсолютном пространстве, тем самым осуществляя свое присутствие в мире. В последствие наука отказалась от понятия «силы», поскольку концепция Ньютона сохраняла свою работоспособность и без нее.

26 М.Мамардашвили, Э.Соловьев, В.Швырев. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=501&Itemid=55 (дата обращения: 13.12.2014)

К концу XVII в. утверждается картезианско-ньютонианская космология, которая легла в основу проекта модерна, и защитила следующие основные положения: Бог сотворил вселенную, или лучшую из возможных «машин»; между земным и небесным нет никакого различия, и все явления вселенной можно объяснить естественными причинами, или «законами природы», коих немного, они доступны пониманию и их можно описать простыми математическими формулами; природа, или материя, состоит из частиц, которые движутся по «законам природы» в однородном пространстве; вселенная ничем не ограничена, ибо невозможно помыслить ее границ.

Собственно же философские идеи и построения Декарта оказали значительное влияние на оформление и утверждение в западной культуре механистической картины мира, благодаря им сформировалась так называемая субъект-объектная парадигма познания и практики.

Самым излюбленным способом описания взаимосвязи сакрального и профанного становятся часы (профанное) и часовщик (сакральное). Мир – это горшок ремесленника, который закончен и не требует более никакого в себе участия.

Декарт, рефлексируя над собственным творчеством, писал: «...мне многое дал пример... тел, созданных человеком: между машинами, сделанными руками мастеров, и различными телами, созданными... природой, я нашел только ту разницу, что действия механизмов зависят исключительно от устройства различных трубок, пружин... которые, будучи соразмерны руке мастера, всегда настолько велики, что их форму и движение легко увидеть, тогда как... трубки или пружины, вызывающие действия природных вещей, обычно бывают столь малы, что ускользают от наших чувств. И ведь несомненно, что в механике нет правил, которые не принадлежали бы физике; поэтому все искусственные предметы вместе с тем

и предметы естественные. Так, например, часам не менее естественно показывать время с помощью... колесиков... чем дереву приносить плоды. Вот почему, подобно часовщику, который, рассматривая не им сделанные часы, обычно в состоянии по некоторым видимым их частям судить о том, каковы остальные, невидимые для него, так и я, рассматривая действия и ощутимые частицы естественных тел, пытался узнать, каковы причины этих явлений и каковы невидимые частицы». ²⁷

Это, по своей сути, и есть деизм, который выносит Бога за скобки его собственного творения: идеальное сакральное создало идеальное профанное, и ему больше незачем вмешиваться в происходящее. Деизм реализует линию интеллектуалистов (мир сотворен Богом по совершенным моделям), учитывая также и линию волюнтаристов (Бог может все). Синтез обоих направлений осуществился диахронически: в начале времен Бог мог сделать все, что угодно, но затем он сделал свой выбор, будучи абсолютно благ. Думать что он, неизменный и постоянный, мог передумать и вмешаться в завершенное им же творение – это противоречие изначальной предпосылке божественности благости. Так история человеческой мысли убивала чудеса. Религиозный стержень общества сменяется филофоской идеологией.

По сути, потребность в сакрализованном (и уж тем более в подлинно сакральном) Боге уже отпала, Декарт прибегает к нему только для того, чтобы постулировать объект (это четко видно на его апелляции к сакральному как к «гаранту истинности» инуитивного познания человека). В монотеистических религиях сохранялся миф – в виде керигмы. ²⁸ Это казалось модерну нерациональным. В итоге вся часть религии, которая несовместима с

²⁷ Р. Декарт, ПЕРВОНАЧАЛА ФИЛОСОФИИ.

URL: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dek/dekart_1_297.htm (дата обращения: 03.12.2014)

²⁸ Здесь и далее термин употребляется в значении, которое имел ввиду Поль Ликёр. Кергима есть чистый Логос религии, ее рациональная часть, очищенная от мифологии. Вырастая из мифоса и противостоя ему, кергима также и отсылается к нему.

реальным, отбрасывалась. Бог деизма – это Бог реального и только он входит в эпоху модерна.

Философы, разрабатывавшие правила функционирования новой науки, потребовали исключить из теоретических построений Бога в качестве объяснительного принципа и искать только естественные причины для объяснения природных явлений. Таким образом, апелляция к сверхъестественному в философии и науке постепенно оказалась «запрещенной». Не будет преувеличением сказать, что классики философии модерна буквально одержимы идеей простого, рационального устройства мира, вытекающего из очевидностей рассудка, вовлеченного в деятельность созидания предметов и порядков.

Модерн утверждает идею реальности и эта реальность редуцирует бытие. Концепт реальности постоянно уточняется, исправляется, выясняется, переконструируется, а научная парадигма механистического мира постоянно уточняет окружающий мир. Таким образом, Новое Время, став семантическим и концептуальным мировоззренческим переворотом, установило парадигму модерна.

Сакральное отвечало на вопрос «как?». Декарт раз и навсегда закрыл этот вопрос (не только в силу своей философской гениальности, но и в силу того, что сумев примирить предшествующие традиции, он создал метод, который стал базовым для всех следующих поколений философов). Модерн отвечает на вопрос «что?», это постоянное уточнение категории реального. Косвенным образом модерн убеждает нас не думать о смерти и сосредоточиться на реальном, настоящем.

В историческом измерении модерна можно выделить экстенсивный и интенсивный периоды. Картезианство дало старт эпохе экстенсивного модерна.

В гносеологическом измерении модерн базируется, как уже было

отчасти показано, как методе Декарта – методе радикального сомнения. В попытках найти исходную точку истинного познания Декарт рассуждал следующим образом:

«Так как мы рождаемся детьми и составляем разные суждения о вещах прежде, чем достигнем полного употребления своего разума, то многие предрассудки отклоняют нас от познания истины; избавиться от них мы, по видимому, можем не иначе, как постаравшись раз в жизни усомниться во всём том, в чём найдём хотя бы малейшее подозрение недостоверности.... Если мы станем отвергать всё то, в чём каким бы то ни было образом можем сомневаться, и даже будем считать всё это ложным, то хотя мы легко предположим, что нет никакого Бога, никакого неба, никаких тел и что у нас самих нет ни рук, ни ног, ни вообще тела, однако же не предположим также и того, что мы сами, думающие об этом, не существуем: ибо нелепо признавать то, что мыслит, в то самое время, когда оно мыслит, не существующим. Вследствие чего это познание: я мыслю, следовательно существую, — есть первое и вернейшее из всех познаний, встречающееся каждому, кто философствует в порядке. И это — лучший путь для познания природы души и её отличия от тела; ибо, исследуя, что же такое мы, предполагающие ложным всё, что от нас отлично, мы увидим совершенно ясно, что к нашей природе не принадлежит ни протяжение, ни форма, ни перемещение, ничто подобное, но одно мышление, которое вследствие того и познаётся перее и вернее всяких вещественных предметов, ибо его мы уже знаем, а во всём другом ещё сомневаемся».²⁹

Однако любопытный исследователь может обратить внимание, что именно здесь, в дебрях истории человеческого ума, появляются первые ростки постмодерна (как углубления в критику модерна). Оппонентом, продолжателем дела и в каком-то смысле наследником традиции Декарта стал

²⁹ Декарт, Рене. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15649> (дата обращения: 03.12.2014)

Иммануил Кант, полемично выступивший против картезианского метода. Если Декарт предложил сомневаться во всем кроме ментального, Кант предложил сомневаться и в Декарте. Кант вводит два измерения действительного бытия – ноуменальное и феноменальное – и замыкает, таким образом, нововременную традицию. Первое измерения транслирует божественные идеи и не может быть познано человеческими усилиями. Второе измерение генетически связано с первым и познается человеком через априорные формы мышления.

Революционный шаг Канта заключался «в его самом основном открытии, которое он сделал, пользуясь трансцендентальной методикой или трансцендентальным аппаратом, было открытие эстезиса, т.е. конечности, физической конечности человека на уровне познавательных процессов, где действует физическое ограничение данности пространства и времени или пространственности и временности в реализации и актуализации любых возможных суждений о мире. Любые суждения о мире, в т.ч. о ненаблюдаемых человеком явлениях, в т.ч. о явлениях, которые превосходят размерность человеческого психического аппарата, должны каким-то конечным числом шагов быть разрешаемы на моделях, построенных в эстезисе». ³⁰

Как отмечает Людмила Яковлева, принципиальное различие этих двух философов заключается в том, «что у Декарта подход «объективистский», он занимает наблюдательный пост как бы со стороны Бога, а у Канта взгляд на познание со стороны субъекта. Во-вторых, субъект-объектная схема познания задается Кантом учением об априорных формах познания, существующих у каждого субъекта. Благодаря им организуется (Кант даже пишет: конструируется) эмпирический опыт, так как они оформляют чувственные

30 М.Мамардашвили. Классический и неклассический идеалы рациональности.
URL: http://philosophy.ru/library/mmk/knir/mam_rat3.html (дата обращения: 13.12.2014)

впечатления, превращая созерцания в знания». ³¹

Философская парадигма кантианства совершенно иным и доселе невиданным образом углубляет философскую проблематику как онтологии, так и гносеологии. Мыслить по Канту – значит ходить в поле, которое не принадлежит никому – так проявляется трансцендентальность разума. Если Декарт начал разрушение философской триады, вынеся за скобки Бога, то Кант выносит за скобки и объект: все создается трансцендентальным разумом. В рамках такого расширенного понимания *cogito* можно, казалось, сохранить хотя бы субъект. И здесь лежит ключевая проблема в понимании Канта (а через него – и одного из ключевых проблемных моментов модели истории, которую мы рассматриваем).

В интерпретации постмодерна, Кант – это не субъективный идеалист, поскольку, по Канту, субъект не конституирует объект своим разумом, разум не принадлежит никому, он фундаментально трансцендентален, а субъект – недостоверен, он просто гипотеза. С другой стороны, Канта нельзя причислить и к изоциренному теологу-реакционеру. Сущность учения Канта раскрывается в его «Критике практического разума», где практический разум выступает как коллективная онтология, волевым усилием восстанавливающая философскую триаду через мораль, волю, императив («было бы хорошо, если бы Бог был»). Так появляется коллективный Бог морали.

Как отмечает Александр Дугин, «Кант, по сути, строго продолжал основную линию философии Нового времени, радикально прочерченную Декартом - разведение по разные стороны субъекта и объекта и утверждение центральности гносеологии (теории познания) в качестве наиболее надежной основы философствования. Только Кант делал на этом пути важнейший

31 Л. Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf (дата обращения: 03.12.2014)

рывок и демонстрировал, что онтологическая субстанциальность ни субъекта, ни объекта не может быть строго выведена из структур рассудка (чистого разума), и это противоречие разрешимо лишь в обращении к волевому моральному началу, составляющему основу практического разума».³²

Здесь слышны созвучия тех тенденций, с которыми мы имеем дело сегодня: если Декарт и Ньютон познавали, уточняли и углубляли реальность, то Кант уже напрямую начинает рассматривать возможности ее конструирования, Кант создает реальность, придавая гносеологическим интенциям человека несоразмерное ни с чем доселе значение. Именно эту часть учения Канта взяли на вооружение философы постмодерна, совершенно проигнорировав гуманистические и просветительские аспекты кантианства.

И в этом смысле Кант является одним из самых выдающихся и блестящих знатоков модерна (как движения к постмодерну). В случае с этим философом мы уже имеем дело с интенсивным, истончающимся модерном. Ницше, если бы не придавал стилистической разнице большого значения, увидел бы в Канте своего предтечу. Ведь воля к жизни – это практически кантианский категорический императив, цементирующий и сливающий в себе философскую триаду заново. Кант положил начало сомнению в сомневающих, размягчению солидного модерна (от английского *soild* – твердый).

Его удар завершил Мартин Хайдеггер, последний философ модерна. Он поставил перед собой задачу разработать фундаментальную онтологию модерна и для этого ему пришлось тщательно изучить философски предшествующую ему историю. Некоторые аспекты его философии точно

32 А. Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 03.12.2014)

соответствуют той модели парадигмального анализа, которую мы обсуждаем. В своих работах Хайдеггер пришел к выводу, что вся история западной философии есть процесс забвения вопроса о бытии (Seinsfrage), процесс дезонтологизации, последовательно осуществлявшийся Платоном (подмена бытия интеллектуальным созерцанием), христианством (креационистская догматика) и Декартом (отождествление онтологии с рассудочным размышлением). Линия Декарт-Кант-Ницше представляется выяснением масштаба «удаленности бытия», которое своим существованием постепенно создает «пришествие ничто». Модерн Хайдеггера – это воплощение максимально возможной интенсивности. Все последние книги Хайдеггера – это рефлексия над его озарением про Dasein, «вот-бытие», «мыслящее присутствие», которое замещает всю философскую триаду, делает сущее сущим, но само не становится сущим (по принципу «реки» Гераклита). Согласно Александру Дугину, «Dasein – это факт мыслящего присутствия, но не в смысле субъекта Декарта или кантовского «чистого разума», а как нечто первичное нахождение «чего-то» между (объектом и субъектом, внутренним и внешним)». ³³

Обосновав таким образом новое возможное начало онтологии, Хайдеггер весь остаток своей жизни искал возможности его реализации – что нашло отголоски, в частности, среди немецких идеологов консервативной революции. Но реализации не случилось. Dasein стал последним словом исчезающего модерна. Модерн вынес за скобки Творца и сосредоточился на реальности. Последний философ модерна Хайдеггер прочувствовал возрастающую нигилистичность концепта реальности – и проложил парадигмальную границу между модерном и следующей фазой истории.

Системная философская логика модели истории, которую мы

33 А. Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 03.12.2014)

рассматриваем, заключается в том, что убив Бога, убив объект, человек в итоге должен был также и философски ликвидировать субъект, то есть, себя. Однако история повернулась по-другому и просто-напросто элиминировала философскую триаду на корню. С XVII века вплоть до XX века история представляла собой попытки того или иного возрождения подлинного бытия в рамках философской триады, опираясь на тот или иной ее узел. Идеализм и материализм апеллировали и к субъекту, и к объекту, иногда – и к Богу. Философия (Гегель) и наука (Маркс) в разное время примеряли на себе одежду последней божественной инстанции. Однако ряд кровавых войн XX века выявил несостоятельность всех идеологий, всех революций, растущее бессилие инструментария модерна ответить на те вызовы, которые он сам же себе и поставил. На границе с постмодерном реальность выступает в своем наиболее откровенном виде – как ничто. Это и является началом постмодерна.

Основы постмодерна (или постфилософии) заложил, в первую очередь, **Франсуа Лиотар**.

В своей знаменитой работе «Состояние постмодерна» Лиотар начинает с вполне классической стартовой позиции, подчеркивая освободительную роль Нового Времени и на первый взгляд выглядит как адепт эпохи модерна. Однако Лиотар описывает логику формирования модерна с критических позиций и довольно быстро приходит к выводу, что это формирование является систематическим и планомерным предательством изначальных импульсов модерна. Более того, если Хайдеггер приходил к выводу о постепенной дезонтологизации модерна, то Лиотар проводит свое нападение с другого фланга. Он вводит понятие метанарратива, повествовательной структуры, характеризующей определенный тип дискурса, своего рода «социальной мифологии». И, по Лиотару, модерн, поверхностно отрицая эпоху премодерна, на деле дублировал его метанарратив, просто заменив ряд

мифологем и ключевых персонажей пьесы (Бог – человек, теология – наука, вера – знание, иерархия – демократия).

При этом и метанарратив премодерна, и метанарратив модерна суть деспотичны и авторитарны, поскольку системная логика дискурса диктует в первую очередь приоритет сохранения текущего положения дел и защиту разветвленной системы социальной мифологии до последнего.

Мерам Мамардашвили дал очень точную иллюстрацию такого процесса: «предположение этой макроскопической однородности и причинности до сих пор господствует в наших мысленных навыках настолько, что понимание явлений, относящихся к детству и описываемых психоанализом, упирается в эту нашу привычку, как в стенку. Мир задан для нас в некоторой универсальной и абсолютной системе отсчета, из которой возможно внешнее наблюдение событий в нем. И все, что не поддается такому воспроизводящему наблюдению или не пробегает путей, которые предначертаны его "нормализованным" полем, его формами приведения, представляется отклонением, сбивом, нарушением, побочным продуктом работы, приводимой на выходе флуктуацией и т.д. Поэтому, скажем, безумие - нарушение нормы душевного здоровья, ляпсус лингве и ляпсус калами - нарушения лингвистической нормы, сексуальные отклонения - нарушение даже по самому языковому смыслу этой фразы. Если вдуматься в философский или интеллектуальный мир, который стоит за тем, как мы производим такого рода суждения, в осмысленность их как текстов, то они оказываются неграмотными, некорректно порожденными, ибо мы имеем дело в этих случаях с другой реальностью, требующей иных средств мышления».³⁴

Иными словами, диктат, авторитарность и деспотизм перестают быть качеством эпохи, а заложены в самой структуре любого метанарратива.

³⁴ М.Мамардашвили. Классический и неклассический идеалы рациональности.
URL: http://philosophy.ru/library/mmk/knir/mam_rat1.html (дата обращения: 13.12.2014)

Естественным образом в центр парадигмы постмодерна попадает все эксцентричное, выпадающее из логики метанарратива.

Обогатил звучание постмодерна *Жиль Делёз*. По нему, модерн просто не обладал должным инструментарием, чтобы завалить вертикаль метанарратива, которая находилась в итоге в положении Пизанской башни. Завал этой самой вертикали и горизонт абсолютной имманентности – вот кредо Делеза. Он предлагает убрать все идеологии, все дифференциалы прошлого, но сохранить философский подход, который создает и проводит себя через концепты, в отличие от мышления. Концепт Делез понимает как систему сингулярности, надстроенную над потоком мышления. Концепт – это вертикальная топика, новое единичное. И именно на нем строится новое время постиерархии. Любопытно отметить, что Делез предлагает сохранить философию, встроив концепт в поток мысли. В этом смысле предлагается уравнивать разум с безумием, опуститься в безумие, сохранив разум. Происходит отказ от эксклюзивности, разум не обращается в безумие, но погружается в него. Это приводит к расширению экзистенции: возникают сущности и состояния, которых прежде не было, а шизофрения становится логичной формой бытия, неподчиненной метанарративу. Прошлое и будущее обладают смыслом, настоящее его лишено:

«Теперь мы можем лучше понять, в чем барокко — переходный период. Классический разум обрушился под ударами дивергенций, невозможностей, несогласованностей, диссонансов. Но барокко — последняя попытка восстановить классический разум, распределяя дивергенции по соответствующему количеству возможных миров и располагая невозможное в мирах, отделенных друг от друга границами. Возникающая в одном и то же мире дисгармония может быть чрезмерной: она разрешается в аккордах, так как единственные нередуцируемые диссонансы находятся в промежутках между разными мирами. Словом,

барочный мир видит, как расплываются его мелодические линии, но то, что он как будто утрачивает, он вновь обретает в гармонии и через гармонию. Столкнувшись с могуществом диссонансов, он открывает цветение необыкновенных и трудно находимых аккордов, находящих свое разрешение в избранном — путь даже ценою проклятия — мире. Это воссоздание смогло оказаться разве что временным. Пришла эпоха необарокко — разобщенные серии наводнили один и тот же мир, несовозможности вторглись на одну и ту же сцену — ту, где Секст насилует и не насилует Лукрецию, Цезарь переходит и не переходит через Рубикон, а Фан убивает, делается убитым, и не убивает, и не делается убитым. В свою очередь, кризис переживает и гармония, что приводит к расширенному хроматизму, к эмансипации диссонанса, или не нашедших разрешения и не относящихся к одной тональности аккордов. Музыкальная модель более всего способна наглядно объяснить подъем гармонии в барокко, а затем и рассыпание тональности в необарокко: от гармонической замкнутости к открытости по направлению к политональности или, как писал Булез, к «полифонии полифоний». ³⁵

И это настоящее, эта политональность артикулируется властью симулякра. При этом, у Делеза симулякр не мыслится как подделка, «которая еще лишь должна быть доведена до той точки, в которой она меняет свою природу и обращается в симулякр (момент поп-арта)». ³⁶ Симулякр является вторым модусом деструкции, осуществляя разрушение не «ради консервации и увековечения установленного порядка репрезентаций, образцов и копий», но «ради установления творящего хаоса». ³⁷

35 Ж. Делёз. Складка. Лейбниц и барокко. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze=le_pli=leibniz_et_le_baroque.htm (дата обращения: 03.12.2014)

36 Ж. Делёз. Логика смысла. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica2.txt> (дата обращения: 06.12.2014)

37 Ж. Делёз. Платон и симулякр. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/plat_sim.php (дата обращения: 06.12.2014)

Философскую традицию постмодерна продолжил развивать **Мишель Фуко**. Место Фуко в постмодерне определяется тем, что он, прежде всего, был историком идей, исследователем возможных границ разума, «точек приложения когито» по терминологии самого философа. По Фуко, знание – это динамическая и постоянно меняющаяся система. Рассудок – это чисто историческое явление, которое движется вместе с историей и потому может лишь частично познать историю, являясь ее составной частью. Рождается такое важное для нашего исследования понятие как дискурс. По аналогии с волей к власти рождается воля к истине. В этом смысле близкой к Фуко выступает школа структурализма, по которой всё есть движение и мутация эпистем.

Оригинальный вклад в копилку постмодерна был внесен **Марселем Моссом**, который предложил концепт тотального социального факта: то, во что верит общество, становится социальным фактом. В своей работе «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» Мосс на обширном историческом и этнографическом материале показывает, что до развития товарных отношений универсальным средством обмена являются взаимные дары, которые, будучи формально добровольными, в действительности строго обязательны. Из идеи «тотального социального факта» вытекает установка на комплексное исследование социальных фактов и выявление наиболее фундаментальных из них в конкретных социальных системах.

Его идею любопытным образом продолжил **Жорж Батай** своим учением о проклятой части истории. Это учение отталкивалось от эквивалентности обмена в традиционном обществе и его страха как потерять имеющееся, так и приобрести лишнее. Проклятая часть – это накопленное, прогресс – это проклятие. И если, по Бэкону и Локку, история была накоплением знания, то, по Батаю, история (капитализм, прогресс) стала накоплением проклятия. Через свой оригинальный реакционизм Батай,

будучи философом постмодерна и понимающий невозможность обернуть историю вспять, предложил вернуться к культуре пещер и праздничных оргий.

Наиболее приближенным к теориям информационного общества из всех философов постмодерна является **Жан Бодрийяр**. Среди прочих его концептов выделяется концепция симулякров, играющих важнейшую роль в постмодерне как «копии без оригинала». Двойственная природа симулякра заключается в том, что это виртуальный объект (пост-объект), который появился в полном отрыве от всякого смысла и всякой пользы, полностью отрезанный и от обозначающего и от обозначаемого – и потому оригинальный. Но поскольку за симулякром не стоит никакое бытие, нет никакой реальности – а значит, он абсолютно несамостоятелен – он является универсальным символом, в силу размытости смутно знакомый всем и вызывающий ассоциации у всех. Как отмечает Александр Дугин, «в симулякре нет даже той остаточной онтологичности, которая пусть даже обратным – нигилистическим – образом присутствовала в объекте парадигмы модерна. Симулякр вообще не находится с онтологией ни в каких отношениях. Он не только ее не утверждает, он даже ее не отрицает».³⁸ Симулякр – это последний симптом исчезновения бытия, не изгнанного (модерн), а забытого (постмодерн). И это снимает все возможности какой бы то ни было онтологической верификации. Отсюда можно сделать далеко идущие выводы: ведь основная потенция виртуального потока симулякров направлена на то, чтобы никому и никогда не пришло в голову ничего сверять с бытием. А модерировать и направлять этот поток можно с помощью искусных коммуникационных или социокогнитивных практик воздействия.

Делез иллюстрирует эту мысль примером из Катехизиса: «Бог сотворил

³⁸ А. Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 06.12.2014)

человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие, сохранив, однако, образ. Мы стали симулякрами, мы утратили моральное существование, чтобы вступить в существование эстетическое. <...> Конечно, симулякр еще производит впечатление подобия; но это — общее впечатление, совершенно внешнее и производимое совершенно иными средствами, нежели те, которые действуют в первообразце. Симулякр строится на несоответствии, на различии, он интериоризирует некое несходство». ³⁹ Это конструкция, которая включает в себя угол зрения наблюдателя, с тем чтобы иллюзия возникла в той самой точке, в которой находится наблюдатель. «Симулякр включает в себя дифференциальную точку зрения; наблюдатель сам оказывается составной частью симулякра, который меняется и деформируется вместе с изменением точки зрения наблюдателя. Короче, в симулякре наличествует безумное становление, неограниченное становление... вечно иное становление, глубинное субверсивное становление, умеющее ускользнуть от равного, от предела, от Того же Самого или от Подобного: всегда и больше и меньше одновременно. Но никогда не столько же». ⁴⁰

Внимательно изучая средства массовой коммуникации в эпоху расцвета телепродукции, Бодрийяр приходит к выводу, что образ опередил и победил реальность, «навязывает реальности свою имманентную эфемерную логику, эту аморальную логику по ту сторону добра и зла, истины и лжи, логику уничтожения собственного референта, логику поглощения значения...». ⁴¹ Образ «выступает проводником не знания и не благих намерений, а, наоборот, размывания, уничтожения значения (события, истории, памяти и

39 И. Скоропанова. Русская постмодернистская литература. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

40 Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

41 Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

так далее)». ⁴² Результат — поглощение реальности ирреальностью, «прохладное», функциональное удовольствие, которое нельзя назвать в буквальном смысле эстетическим, бесстрастное, механическое наслаждение. Такова, пишет Бодрийяр, «логика симулякра: место божественного предопределения занимает столь же неотступное предшествующее моделирование». ⁴³

В таких условиях, жизнь, по мнению Бодрийяра, проходит под покровом знаков и в отказе от действительности: «Чудесная безопасность: когда мы смотрим на образы мира, кто отличит это краткое вторжение действительности от глубокого удовольствия не быть в ней»? ⁴⁴ Не-бытие в действительности предстает своего рода «ускользанием» от системы координат реальности модерна, ускользанием постольку осознанным, поскольку и реальность оказалась «лишенной загадки», исушенным концептом, потерявшим свою символичность. Однако символическое наполнение – в виде миража – не перестало преследовать ее:

«...вызов принять на себя всю власть до конца, которым может быть лишь смерть угнетенных. Это вызов власти быть властью: тотальной, необратимой, свободной от угрызений совести, прибегающей к беспредельному насилию. Никакая власть не осмеливается зайти так далеко (где в любом случае она бы тоже погибла). И вот здесь, перед этим вызовом без ответа, она и начинает рушиться. Было время, когда власть соглашалась пожертвовать собой согласно правилам этой символической игры, которой она не в силах избежать. Время, когда власть была эфемерным и смертоносным свойством того, что должно быть принесено в жертву. С тех

⁴² Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

⁴³ Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

⁴⁴ Ж.Бодрийяр. Общества поребления. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=106836&p=4> (дата обращения: 03.12.2014)

пор как она постаралась ускользнуть от этого правила, то есть перестала быть властью символической, чтобы стать политической властью и стратегией социального господства, символический вызов не перестал преследовать власть в ее политическом определении и разрушать истину политики. Сегодня под действием этого вызова вся субстанция политики рушится. Мы дошли до того, что никто больше не берет на себя власть и больше не хочет власти, и не в силу какой-то исторической слабости или слабости характера, но потому что ее тайна утрачена и никто больше не хочет принимать брошенный ей вызов. Действительно, достаточно заключить власть во власти, чтобы она разлеталась на куски». ⁴⁵

По Бодрийяру, история больших рассказов заканчивается, потому что история, одержимая ужасом своей смерти, создавала симулякры самой себя (где, например, празднование 50-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции важнее самой революции). Большие рассказы модерна кончились, PR становится отделением на философском факультете МГУ имени Ломоносова, реальность перетекает в виртуальность. Наступает время заведомо лишенных смысла малых рассказов.

Ознакомившись с основными именами трехфазовой исторической модели постмодерна, ее именами, проблемными границами и концептами, схематически покажем еще раз как разворачивалась эта модель:

Поль Ликёр предложил концепцию философски двухэтажного общества по типу состояние1/состояние2, где под состоянием1 понимается кеггима, а под состоянием2 - миф.

Западная трехфазовая модель выглядит следующим образом:

Архаика – Традиция/Архаика – Модерн/Традиция –
 Постмодерн/Модерн (здесь умирает история) – Постмодерн.

45 Ж.Бодрийяр. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. - С. 105

Последний этап – постистория, конвергенция, произвольно модулируемая сетка заведомо лишенных смысла малых рассказов, виртуальность, жонглирование «смыслами».

При этом модель России существенно отличается:

Архаика – Традиция/Архаика – Модерн/Архаика (архаика не сменяется традицией, поскольку Россия проспала ее, мы проспали средневековые споры схоластов, спор об универсалиях и так и не познали подлинной победы Аристотеля над Платоном (подробнее см. Николая Бердяева, «Новое Средневековье»). При этом модерн оказывается на верхнем этаже практически одновременно с Западом, но он устанавливается Петром I сверху, насильственно, не возникая в следствие запроса снизу. Второй такой случай – 1917 год, когда большевики индустриализовали Россию почти наравне с Западом, учреждая капитализм, которого не было, для реализации большевистского проекта, который не состоялся) – Постмодерн/Архаика.

Иными словами, цокольный этаж России, ее онтологический фундамент, в силу разных факторов, оказался вечнонеизменным философским началом. В конечном итоге, именно оно и стало саботирующим началом практически каждой реформаторской деятельности в России – и объясняет, например, сравнительно быстрое перетекание социальной веры русского народа из метанарратива империи в большевизм, а из большевизма – в патримониальную автократию наших дней.

Модерн для нас все еще остается предметом социального, философского и политического завоевания. Разумное государство, политическая субъектность нации, личная ответственность, общественный договор, параболы пчел, Маккиавелли и Локк – все эти открытия нам так или иначе еще предстоит сделать. Октябрьский переворот 1917 года развернул Россию в сторону жестко управляемой сверху системы, и русский народ так и не столкнулся с бездной свободы, которая переживалась Кафкой, Камю или

Сартром. Однако верхний этаж России совпадает сегодня с социофилософским трендом западной цивилизации – и по этому полю проходит тонкая борьба за семантическую нагрузку постмодерна.

Как мы могли увидеть, постмодерн строится на исключительном отрицании проекта, метанарратива. Именно поэтому список концепций и имен, предложенный эпохой постмодерна так широк и ситуативен. Системная логика новой философской «нормальности» - это сетевая логика возникновения и распространения свободно модулируемых малых рассказов, где у каждого человека есть реальная возможность стать автором, а у каждого автора есть шанс на минуту славы. Однако, несмотря на всю ускользающую суть постмодерна, все же есть возможность выделить ряд ключевых характеристик этой эпохи:

Во-первых, реальность постмодерна представляет собой виртуальный поток симулякров, которым можно манипулировать в любом направлении.

Во-вторых, в силу отрицания любого рода больших проектов, метанарратативов, поток симулякров является основным инструментом по созданию произвольных малых рассказов, которые распространяются по сетевому принципу. Таким образом, возрастает авторский потенциал человека.

В-третьих, знание в постмодерне понимается как ситуативный, динамический и постоянно меняющийся процесс свободного и недетерминированного описания картины мира.

В-четвертых, онтологический фокус постмодерна направлен на интеллектуальную игру с текстом. Эта игра ведется ради себя самой, децентрализованно и не подчиняется никаким вертикалям, метапроектам или большим рассказам.

В-пятых, постмодерн примечателен своим конвергенционным потенциалом: при неортодоксальном подходе к истории и игровому

отношению к ускользающей реальности, в постмодерне происходит конвергенция всего, от идеологий и научных школ до медиаплатформ.

1.2 Научная артикуляция «новой нормальности»

*Я думаю - следовательно, я произвожу.*⁴⁶

«Информационная эпоха: экономика, общество и культура»

М.Кастельс

Философская темпоральная модель времени, заключающаяся в трех ступенях «премодерн-модерн-постмодерн», удивительно созвучна своим строением западным теориям информационного общества и теориям коммуникаций.

В данном разделе мы в общих чертах опишем зарождение и развитие теорий постиндустриального общества, их качественное преобразование в теории информационного общества. В целом, мы будем руководствоваться тем же подходом, что и в разделе выше. Различие заключается в том, что теоретики информационного общества во многом не совпадают друг с другом в исторических моделях, которые они предлагают, тезаурусе, концептах и оценке происходящих изменений в мире «новой нормальности». Иными словами, у нас не получится выполнить поставленные этим разделом задачи никаким иным способом кроме как рассмотрев работы каждого теоретика и предлагаемой им модели в отдельности (за исключением тех случаев, когда мы имеем дело с научной школой). Не менее важно и заранее отметить западоцентричность описанных ниже моделей – особенно наиболее ранних из них.

Методологический базис теории постиндустриального общества начал формироваться в конце первой половины XX века в работах Колина Кларка и Жана Фурастье, которые разделяли общественное производство на три уровня - сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг – и полагали,

⁴⁶ М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 14.04.2015)

что последний станет определяющим фактором развития мировой экономики в будущем. Любопытно отметить, что Фурастье в своей оптимистичной оценке этих тектонических изменений очень близок к классикам постиндустриализма, и уже на этом уровне у нас есть возможность выделить среди них господство технократии, вовлечение человека в интеллектуальный труд (впротивовес производству), снижение классовой борьбы и пр. Так был заложен первый камень в основание сияющего здания теории **постиндустриализма**, концепты которого оформлялись и уточнялись Раймоном Ароном, Дэниэлом Беллом, Ёнедзи Масудой.

Как и философы постмодерна, авторы постиндустриализма видят историю как трехфазный процесс последовательной смены типов цивилизационной организации. Каждая фаза в этой модели выводится из ориентации общества на ту или иную экономическую деятельность, которая приводила к формированию ряда важнейших социальных, культурных и политических традиций, от стиля мышления до способа общения и картины мира.

Первая фаза, традиционная (или доиндустриальная), основывалась на сельском хозяйстве и отличалась жесткой социальной структурой, синкретичным мышлением и авторитарными формами культуры.

Вторая фаза, индустриальная, основывалась на обновленной структуре производства (машинная индустрия, конвейерное производство, НТР как основной инструмент развития экономики и источник блага общества), что привело к ряду трансформаций в других сферах общества: политической (приобретение нациями политической субъектности и дальнейшее движение в сторону демократии и либерализма), социальной (стандартизация, массовость, урбанизация) и окончательном оформлении западного проекта, разработанного в Новое Время (рациональный индивидуалистический стиль мышления).

Третья фаза, постиндустриальная, основывается на второй стадии и является ее качественной трансформацией. Экономика переориентировывается с производства товаров на сферу услуг, способ организации технологической сфера – на интеллектуальные технологии, социальная стратификация – с классовой дифференциации на профессиональную (конфликт труда и капитала заменяется конфликтом компетентности и некомпетентности). Последнее, в свою очередь, выдвигает на первый план феномен знания и профессионализма (в смысле основных институтов влияния трехфазная концепция постиндустриализма подчеркивает переход от армии и церкви через фирму и корпорацию к университету, где аккумулируется, производится и распространяется знание), что реорганизует культурную сферу, которая переориентировывается на компьютеризацию и интеллектуализм. Общество фрагментируется на социально недетерминированные «информационные сообщества».

Тип общества	Основной ресурс	Тип деятельности	Базовые технологии
Доиндустриальное	сырьё	добыча	трудоемкие технологии
Индустриальное	энергия	изготовление	капиталоемкие технологии
Постиндустриальное	информация и знания	последовательная обработка	научноемкие технологии

При том, что концепция, в целом, предлагала новый и свежий взгляд на процессы эволюции человечества в истории и основывалась на реальных тенденциях конца первой половины XX века, она в то же время обладала рядом недостатков: помимо уже отмеченной западоцентричности, она также

отличалась оптимистической наивностью и догматизмом, мало было сказано, по аналогии с концепцией Ликёра, и о возможном сожительстве всех трех фаз в едином географическом пространстве (что было бы особенно актуально, например, для российских реалий). Вдобавок, стремительное развитие технологий во второй половине XX века существенно углубляло, развивало и трансформировало тенденции, существующие в первой половине столетия.

Однако XX век в силу ряда причин (повышение уровня жизни, улучшенный доступ к знаниям и пр.) представляет собой подлинную сокровищницу интеллектуальной жизни и чрезвычайно богат разного рода неортодоксальными теориями, пересматривающими классический и ориентированный на массовую аудиторию подход к истории. В силу этой тенденции ревизия постиндустриализма была совершена довольно быстро – и новая альтернатива не заставила себя ждать. В 70-ые годы постиндустриализм постепенно вытесняется концепцией информационного общества, которая учла, в целом, возрастающее доминирование в экономике производства и распространения знания, появление так называемой «информационной экономики», становление информации и коммуникации главными доминирующими ресурсами (как экономическими, так и ресурсами влияния) и постепенный отход от свободной конкуренции индустриального общества к синергетической и сетевой рациональности нового общества. Важно отметить более гибкий по сравнению с постиндустриализмом характер этой теории, ее неоднородность, а порой и противоречивость. Не следует забывать и о том, что характеристики новой коммуникационной среды, которая еще не является свершившимся фактом, требует прояснения новых правил игры, артикуляции ее программного обеспечения, ее возникающие структура и механизмы еще не являются до конца изученными, да и вряд ли могут быть проартикулированы в полной мере – иначе говоря, мы имеем дело с научной концепцией, которая так же динамично меняется,

как и общество, которое она пытается описать. А оно, как было показано при анализе дискурса постмодерна, уже не может быть до конца онтологически прояснено.

Первая серьезная концепция была предложена **Торонтской школой** теории коммуникаций, которая была разработана учеными из Торонтского университета (Гарольд Иннис и Маршалл Маклюэн). Если постиндустриалисты говорили об информации и коммуникации только по той причине, что экономический базис общества сдвинулся от сельского хозяйства и машинного производства в сторону информационно-сервисного сегмента, то Иннис и Маклюэн понимали средства массовой коммуникации как основного агента влияния на развитие цивилизации от первобытного общества до XX века.

Гарольд Иннис одним из первых указал на связь между социальным устройством цивилизации и его основным типом медиа, взаимосвязь исторического развития человечества и развитие коммуникационных технологий, которые тем или иным образом формировали потоки знаний и информации, выкристаллизовываясь в общества соответствующего типа.

Сам Иннис выявил два типа медиа: основанные на времени (time-biased) и на пространстве (space-biased). Если представить мир как систему координат, где ось y – это время, а ось x – это пространство, то временные медиа устремляются вверх, а пространственные скользят по горизонтали. Расширенно понимая «средство коммуникации», к временным медиа Иннис относил долговечные и тяжелые платформы, способные пережить века (камень или глина для памятников, мрамор для соборов и пр.), а к пространственным – удобные для перемещения в пространстве и легкие (вроде бересты, бумаги или папируса). Первые позволяют цивилизации «расшириться» во времени, вырасти по оси y , а вторые – в пространстве, вырасти по оси x .

В этом заключается баланс цивилизационной модели, ведь если здание будет слишком высоким – оно обвалится, а если защитная стена будет слишком протяженной – ее обязательно пересекут враги. Без временных медиа государство размывает свои традиции, социальную идентификацию, драгоценное «Civis Romanus sum!» просто не может состояться. В то же время, сжатие государства в узких географических границах противоречит системной логике экспансии и расширения во имя процветания.

Иннис обращал внимание на монополизацию знания и средств коммуникации политическими элитами во все эпохи, что приводило к централизации знания и власти. При этом элиты не понимали важности указанного выше баланса типов медиа, что и послужило причиной крушения большей части государств в истории. Одним из примеров умелого достижения баланса Иннис считал Древнюю Грецию (финикийский алфавит и устная традиция).

Продолжая метод Инниса, революционную концепцию исторической динамики развития цивилизации предложил **Маршалл Маклюэн**, который сосредоточился на проблемном соотношении типа и способа коммуникации. По Маклюэну, форма коммуникации не только консолидирует социальную организацию, но и является источником генерации ее смыслов, а также выступает механизмом ее культурной интерпретации и понимания. Тип коммуникации Маклюэн называет коммуникационной технологией, и она способна креационировать социальные миры (Маклюэн называет их «галактиками»). Именно он обратил внимание, что теперь не так важно, что за информацию вам сообщают. Гораздо важнее, кто сообщает, когда и где.

На основе этого Маклюэн создает собственную модель исторического развития, которую нельзя назвать строго последовательной (как постиндустриализм или постмодерн), где каждая эпоха основывалась на определенной коммуникационной технологии. «Маклюэн позаимствовал из

мира джаза деление средств коммуникации на "горячие" (hot) и "холодные" (cool). К первым, информационно насыщенным, требующим осмысления и изучения, относится, например, печатное слово; ко вторым, восполняющим недостаток информации активным вовлечением потребителя в акт сопереживания,-- телевидение». ⁴⁷

К примеру, первобытно-племенное общество основывалось на устной технологии. Возникновение письменности обогатило устную традицию, не вытеснив ее – и на этом синтезе выстроилось традиционное (доиндустриальное) общество. Более того, Маклюэн отмечает и разницу между иероглифической и фонетической письменностью, при которой последняя, в силу своего словотворческого потенциала и более высокой детализации, во многом способствовала созданию западного проекта и его научно-техническому и экономическому углублению через систематическую и рациональную философию и стремительное развитие книгоиздательства.

Другой важной вехой в исторической картине коммуникационных технологий Маклюэн считает изобретение Гутенберга и эру типографского станка, которая породила «культуру зрения» (Маклюэн называет ее «галактикой Гутенберга») индустриального общества. Такой письменной, книжной «культуре зрения» ученый отводит ключевую роль в формировании массового стандартизированного образования и ликвидации безграмотности, промышленной революции, национальных государств (стало возможным поставлять книги, написанные или переведенные на национальный язык, широкому читательскому кругу). Индустриальное общество подарило человеку возможность выборочного, вдумчивого, критического и медитативного потребления информации, реализуя, таким образом, философские установки проекта Нового Времени. Оно также подарило

⁴⁷ В.Гаков. Рыцарь медийного образа.

URL: http://web.archive.org/web/20080304152615/http://www.kommersant.ru/k-money-old/story.asp?m_id=2970
(дата обращения: 28.03.2015)

человечеству и атомизацию наравне с отрывом от действительного опыта жизни (опыт передавался не из уст в уста от отца к сыну, а через письменные носители знания – и от кого угодно).

Электронная эпоха, следующая за галактикой Гутенберга, с помощью новых интеллектуальных технологий вернет человеку общность («тотальное объятие»), поскольку сетевые электронные технологии позволят мгновенное передавать информацию, реагировать на нее, стирая и разрушая территориальные барьеры человечества. Такое общество Маклюэн нарекает «глобальной деревней». Однако, как и в случае с устройством письменного языка, ученый замечает более глубинные трансформации, которые подарит «глобальная деревня»: за счет максимально облегченного доступа к информации, коммуникации и знанию – при мгновенно реагирующей и отлаженной мировой коммуникационной сети – платформы медиа становятся естественным «продолжением человека», что вызовет фундаментально иную структуру индивидуального и общественного сознания, при котором общее стандартное и массовое общество станет перетекающей и децентрализованной паутиной со свободно модулируемыми сообществами. Эта возможность создавать с нуля новые общности и становится залогом новой целостности «глобальной деревни».

Новое звучание коммуникации было проартикулировано и в научном творчестве *Юргена Хабермаса*. В своих трудах Хабермас предлагает «нейтрализовать» антогонистические социальные противоречия через публичные дискуссии активной, «политически функционирующей» общественности и постепенно «ликвидировать» идеологии, что позволит установить «всеобщее социальное согласие» в обществе «свободных от принуждения коммуникаций». В концепции Хабермаса гносеологизм носит подчеркнуто коммуникативный характер. По мысли философа, социальная регуляция и артикуляция социальных правил осуществляются через дискурс

соглашения и языковое взаимопонимание – иными словами, новый общественный договор социального согласия будет практически реализовываться через коммуникативную модель преобразования общества, где познание и коммуникация взаимообуславливают друг друга.

Любопытно отметить, что при этом Хабермас выделяет два типа власти, которые проводятся через коммуникацию:

«Мы можем различать власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой - такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями. Как оба процесса - спонтанное формирование мнений благодаря автономным объединениям общественности и организованное обретение лояльности масс - проникают друг в друга, какой из них пересиливает другой - это вопрос эмпирический». ⁴⁸

Вклад в интересующий нас вопрос значения средств массовой коммуникации в процессах исторического и общественного развития сделал и американский ученый, философ и футуролог **Элвин Тоффлер**. Сосредоточившись на развитии технологий и их роли в преобразовании социальных процессов, Тоффлер продолжал линию Дэниэла Белла, Збигнева Бжезинского, Ричарда Пайпса, Томаса Куна – иначе говоря, всех адептов новейшей американской парадигмальной социологии.

Любопытно, что Тоффлер называет свою работу «практопией» - и

48 Г.Семигин. Антология мировой политической мысли. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/47.php (дата обращения: 03.12.2014)

открещивается, таким образом, от наивного оптимизма и идеализации происходящих процессов, которые он изучает. Тоффлер кропотливо и методично описывает мир, которому он является свидетелем, и тенденции, которые разовьются в мир, свидетелем которого он станет: социальное, экономическое, культурное – он затрагивает все измерения, даже будущность политической деятельности. И наравне с позитивными трансформациями Тоффлер подчеркивает: в этом новом мире будет место и грязной политике, и болезням, несправедливости, и экологическим катастрофам.

Практопия значит практопическое будущее, цивилизация, «поощряющая индивидуальное развитие, приветствующая (а не подавляющая) расовое, региональное, религиозное и культурное разнообразие. Цивилизация, в значительной степени организованная вокруг дома. Цивилизация, не застывшая, но пульсирующая, непрерывно порождающая новое, и в то же время способная обеспечить стабильность тем, кто в ней нуждается. Цивилизация, которая не отдает все свои силы и энергию рынку. Цивилизация, способная направить сильные страсти в искусство. Цивилизация, стоящая перед лицом беспрецедентных в истории выборов (приведем лишь один пример - выбор между генетикой и эволюцией) и необходимостью выработки новых этических и моральных норм, на основе которых этот выбор можно осуществлять. И наконец, это демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой и не попадающая в опасную экономическую зависимость от остального мира. Достигнуть всего этого - трудная задача. Но выполнимая».⁴⁹

Тоффлер не только предложил собственную трехфазную модель развития цивилизации, но и отличается от своих коллег более стратегическим, масштабным видением истории и внимательным отношением к трансформации бытовой жизни общества в мире постоянных

49 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 552-553

перемен. Модель Тоффлера представляет собой последовательность сменяющих друг друга трех волн. Каждой волне соответствует этапы постиндустриализма (доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная), однако Тоффлер насаждает эту концепцию на революции средств массовой информации. Несмотря на то, что сам автор признает, что релевантный современным тенденциям тезаурус все еще не выработан, большая часть его умозаключений была оправдана временем:

«Мы подыскиваем слова, чтобы описать всю мощь и размах этих необыкновенных перемен. Некоторые говорят о смутном космическом веке, информационном веке, электронной эре или глобальной деревне. Збигнев Бжезинский сказал, что мы стоим перед технотронной эрой. Социолог Дэниэл Белл описывает приход "постиндустриального общества". Советские футурологи говорят об НТР - "научно-технической революции". Я же много раз писал о наступлении "супериндустриального общества". Однако ни один из этих терминов, включая мой собственный, не является адекватным».⁵⁰

Первая волна аграрного общества сконцентрировала коммуникацию внутри маленьких групп людей, что привело к становлению церкви и толпы как двух основных СМИ, при этом первой ученый придает особое значение:

«В средневековой Западной Европе католическая церковь благодаря своей исключительной организации находилась ближе всего к тому, что можно назвать устойчивым, долго существующим средством массовой информации - единственным, которое было способно передать одно и то же сообщение большим популяциям людей, не считаясь с политическими границами. Эта уникальная способность дала Ватикану огромную власть по отношению к феодальным королям и князькам в Европе. Это частично служит объяснением и той непрекращающейся борьбы между церковью и

50 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 36

государством, которая в течение многих столетий обескровливала Европу». ⁵¹

Более того, Тоффлер отмечает, что практически все способы передачи информации за пределы семьи или поселения были в значительной мере закрыты для простых людей и использовались лишь для целей социального или политического контроля. В действительности они представляли собой оружие избранных.

Вторая волна основывалась на фабричном массовом производстве и потому, в силу экономических причин, нуждалась в экспансии информации, которая осуществлялась газетами, журналами, радио и телевидением, кино. Этот этап уничтожил коммуникационную монополию «избранных», потому что развитие технологий и установление машинного массового производства потребовали «массивных» движений информации, с которыми просто не могли справиться старые каналы связи:

«Информация, необходимая для экономического производства в "примитивных" обществах и обществах Первой волны, относительно проста, ее можно получить от кого-нибудь, кто находится поблизости, в виде устного сообщения или жеста. Напротив, экономика Второй волны нуждается в тесной координации работы, выполненной в разных местах. При этом должно создаваться и тщательно распределяться не только сырье, но и огромное количество информации». ⁵²

Третья волна определяется постмассовым производством, а ее система функционирует наподобие предприятий с гибким производством: «изготавливает образную продукцию по специальным заказам и рассылает различные образы, идеи и символы группам населения, подобранным в

51 Э.Тоффлер. Метаморфозы власти. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/12.php (дата обращения: 04.12.2014)

52 Э.Тоффлер. Третья волна. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toffler/_01.php (дата обращения: 04.12.2014)

соответствии с каким-либо общим признаком». ⁵³ Основанная на неоднородной рабочей силе и неоднородном населении, эта система нуждается в разнообразии сообщений и медиаплатформ – гетерогенность спроса рождает гетерогенность предложения.

Проблематика модели Тоффлера заключается еще и в том, что волны уничтожают более ранние культуры, иначе говоря, мирное сожительство двух волн невозможно, как и невозможен, например, возврат от второй к первой, или переход от первой сразу к третьей. Это не столько дает нам понимание о жесткости концепции Тоффлера, сколько дает новый ключ для понимания политических, геополитических – и даже цивилизационных столкновений.

Пограничные состояния общества, в котором борются две волны – это, пожалуй, самый волнующий и самый онтологически важный момент в трудах Тоффлера, и это очень напоминает зарисовки, которые мы видели у философов постмодерна:

«Сегодня в Соединенных Штатах, как и во многих других странах, столкновение Второй и Третьей волн порождает социальное напряжение, опасные конфликты и странные новые политические волновые фронты, которые идут вразрез с общепринятым разделением на классы, расы, партии, на мужчин и женщин. <...> Между тем средства массовой информации сообщают о кажущейся бесконечной серии нововведений, о крутых переменах, об удивительных событиях, убийствах, похищениях детей, о космических запусках, падениях правительств, рейдах командос и скандалах, которые, по-видимому, никак не связаны друг с другом. Эта очевидная раздробленность политической жизни отражается в дезинтеграции личности». ⁵⁴

53 Э. Тоффлер. *Метаморфозы власти*. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/12.php (дата обращения: 04.12.2014)

54 Э. Тоффлер, *Третья волна* - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 46

По Тоффлеру, мы имеем дело с двумя политическими конфликтами: на первом уровне разворачивается столкновение элит Второй волны, которые, однако, на глубинном уровне, сотрудничают во имя противостояния Третьей волне. Этим объясняется, например, почему политические партии представляют собой бесконечный дурной лабиринт кривых зеркал, с их повторяющимися программами, платформами и на деле руководствуются одними и теми же принципами, разделяют взгляды индустриальной эпохи, по сравнению с которой идеологическая разница теряется.

И здесь Тоффлер подходит к тезису, который нам очень пригодится позднее: история много раз показывала всю наивность попыток государств Второй волны насадить свое цивилизационное устройство в государствах Первой волны путем привнесения массового производства, образования, средств коммуникации. Аналогичным образом будут выглядеть попытки государств третьей волны насильно «постмодернизировать» все еще развивающиеся страны.

Помимо этого, волны ускоряются: ученый обращает внимание, что если Первой волне потребовались тысячелетия, чтобы изжить саму себя, то Второй волне – всего 300 лет. Сегодня история обнаруживает в себе еще большее ускорение, и вопрос протяженности волны Третьей остается открытым.

Для сколько-нибудь достоверного анализа таких этапов человеческой истории Тоффлер предлагается воспользоваться термином Питера Ритнера – «проблемосплетение» - который определяет проблему как кризис, состоящий из сотен взаимодополняющих влияний десятков независимых, частично совпадающих источников и не поддающийся причинно-следственному анализу. Единственный научный метод, действительно работающий в «новой нормальности» - это анализ взаимосвязанности:

«Я уверен, что сегодня мы стоим на пороге новой эры синтеза. Во всех

отраслях знаний - от точных наук до социологии, психологии и экономики, особенно экономики - мы, вероятно, увидим возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей снова в единое целое. Ибо становится ясно, что наше стремление рассматривать выдернутые из контекста количественные детали при все более и более точном исследовании все более и более мелких проблем приводит к тому, что мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем». ⁵⁵

Наступает эпоха положительного нового мышления, новых могучих собирательных метафор, способных описать действительность, основанных на понимании новых связей и изяществе синтетического мышления. Тоффлер обращает внимание, что этот тезис уже начинает находить свое подтверждение в сфере западного образования, где все чаще высказываются идеи о междисциплинарном мышлении.

В экономике третья волна привнесла новые требования, которым индустриальный стандартизированный бизнес просто не может соответствовать. Корпорации вынуждены одновременно расширять производство, стремясь к прибыли, и в то же время – все больше – решать очень сложные экологические, моральные, политические, расовые, сексуальные и социальные проблемы. Бизнес, иначе говоря, становится мгноцелевым институтом, подвергаясь давлению «новой нормальности».

Любопытным образом Тоффлер рассматривает и властные отношения во всех трех волнах. Если в Первой каждый человек знал, в чьей власти он находится (человек мог взглянуть на горизонт – и увидеть монастырь, ратушу, замок, и ему не нужны были ни политологи ни комментаторы для осознания своего места), то волна индустриализма размыла эту монолитность, раскалывая общества на множество ячеек в массе: заводы, школы, профсоюзы, больницы. Возрастание специализации знания,

⁵⁵ Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 219-220

расчленение науки на самостоятельные отрасли, а семьи – на все более мелкие ячейки, все эти явления начального этапа Второй волны представляли собой рассыпанную мозаику. Кто-то должен был собрать ее, придав совокупности новую, релевантную времени, форму. Усложненное устройство Второй волны в итоге сводило власть к владению не средствами производства, но средствами интеграции. Действительно, здесь было легко запутаться, ведь первыми интеграторами выступали как раз деловые круги: коммерсанты, владельцы телеграфных линий и пр. Однако при усложнении процесса производства, при увеличении объемов канцелярской работы постепенно выделился особый административный слой, управленческая элита, отвечающая за модерацию и интеграцию. Оказалось, что именно она отвечает за функционирование всей системы. Ее власть опиралась не на собственность, а на уровень управления интеграционным процессом. Естественным образом это привело к возникновению интегратора интеграторов – большому правительству. Особенно актуальным это являлось для большевистской географически необъятной России, чем, вероятно, и можно отчасти объяснить жесткую форму проводимой в ней интеграции. Подобные властные полномочия, проистекающие из централизации и интеграции, отбрасываются в Третьей волне, которая подтачивает и пробивает бреши в каждом концепте более отсталой эпохи. По мнению Тоффлера, сегодня (вторая половина XX века для автора) мы являемся свидетелями того, как требования участия в принятии решений, осуществления гражданского контроля и в процессах демократизации приобретает все более низовой характер и возрастают в объеме. Более того, управляющие административные элиты все более зависят от той информации, которые им поставляют низы – и потому, рано или поздно, будут вынуждены уступить часть своих полномочий, и так будет создаваться новая система общественных образований в противовес устаревшему

интегрированному неповоротливому мастодонту.

Размывающему эффекту новой эпохи подвергнется и нация, которую Тоффлер считает концептом Второй, устаревающей, волны. Национальная субъектность государства индустриальной эпохи представляла собой интеграцию объединенной политической власти с объединенной экономической системой. Неслучайно национальные восстания в Европе и США *следовали* за промышленным переворотом, иначе говоря, неслучайно политическая составляющая нации при резком рывке экономической составляющей также устремлялась вперед.

В третьей волне общество раскалывается на тысячи «спорящих групп», каждая из которых борется за очень узкие и специализированные (порой, даже временные) права, принципы и идеи.

С дефрагментацией информационного потока, ранее несущего стандартные и синхронные образы массовой аудитории, человек становится не только постстандартизированным потребителем, но и постстандартизированным творцом, который через различные, лично выбранные наборы символов способен теперь сделать свое видение мира индивидуальным – и при этом находится в своего рода гомеостазе с окружающим его социумом, где единственным его сходством с окружающими будет способность стать «каким угодно».

Общество становится все более ячеистым, не теряя при этом взаимосвязи. Каким же образом осуществляется управление такой ячеистой сеткой?

Тоффлер предлагает понятие «ad-hocрасу», власти интеллектуалов, мобилизованных по конкретному поводу:

«... я указывал, что большие организации делались все более и более ячеистыми путем образования временных структур, таких, как "силы задачи", межотдельские комитеты, команды проектов. Я назвал это явление "ad-

hocracy" ("адхократия"), поскольку вслед за этим многочисленные большие компании стали объединять эти временные единицы в совершенно новые формальные структуры, названные "матричными организациями". Вместо централизованного контроля матричные организации использовали то, что известно как "многокомандная система"». ⁵⁶

Тоффлер описывает и изменения в мире институциональной политики, где все прежние основы – от конгрессмена до политической партии – устаревают и готовы к преобразованиям, поскольку третья волна не может пользоваться инвентарем второй волны:

«Вместо высоко стратифицированного общества, в котором несколько крупных блоков объединяются, чтобы сформировать большинство, мы имеем конфигуративное общество – общество, где тысячи меньшинств, многие из которых временны, кружатся в водовороте и образуют абсолютно новые преходящие модели, редко объединяющиеся в 51% консенсус по крупным проблемам. Продвижение цивилизации Третьей волны, таким образом, ослабляет саму легитимность многих существующих правительств». ⁵⁷

Ускорение и насыщение информационной составляющей Третьей волны привело к тому, что «груз решений» разбухает до своих пределов, при которых политическая элита уже просто не успевает и не может адекватно реагировать на вызовы времени. В свое время индустриализм, расширивший торговлю, разделивший труд и совершивший скачок на совершенно иной по сложности уровень организации общества, превнес то же, что нам готовит Третья волна. Индустриализм, накачавший «груз решений», привел к возникновению политических партий нового типа, а расширенная потребность в принятии решений выдвинула в авангард средний класс, заложив «религию подачи голосов». Приход Второй волны, принесший

⁵⁶ Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 408

⁵⁷ Там же. – С.643

расширенную торговлю, большее разделение труда и скачок на совершенно новый уровень сложности в обществе, породил в свое время тот же взрыв решений, какой сегодня порождает Третья волна. Индустриальная эпоха породила тип руководителя-менеджера, человека, занимающегося всем – от контроля над СМИ до вопросов нефтедобычи – через сложноорганизованную иерархичную цепочку департаментов, ведомств, министерств. Это требовало грамотности и абстрактности мышления. Возникающая цивилизация Третьей волны требует абсолютно нового типа руководства, которое, по всеобщей видимости, будет тяготеть к коллегиальности и коллаборативным практикам управления.

Сочетание ускорения (необходимость принимать решения в течение минут, если не секунд) и разнообразия (когда «монолитное сознание» общества и сам электорат разваливаются на куски), а также распад консенсуса вызовут к жизни совершенно иной тип политики. Отсутствие – на уровне концепта, дискурса – большинства поставит перед рядом вопросов евроатлантическую демократическую процедуру:

«Это вынуждает нас задаваться вопросом, может ли какое-либо избирательное объединение быть "представленным" при конвергенции скорости и разнообразия. В массовом индустриальном обществе, когда люди и их нужды были достаточно однородными и имели под собой твердую основу, консенсус являлся достижимой целью. В демассифицированном обществе нам не хватает не только национальной цели, нам не хватает также цели для региона, штата или города. Разнообразие в каждом избирательном округе конгресса или парламента во Франции, Японии или Швеции настолько велико, что его "представитель" не может законно претендовать на то, что говорит от имени консенсуса. Он не может выражать общую волю по той простой причине, что ее не существует. Что происходит в таком случае с

самим понятием о "представительной демократии"?». ⁵⁸

Иными словами, все послышки, заложенные еще проектом Нового Времени, и на которых строились государств Второй волны устарели и более не соответствуют реальности, и сама система принятия решений превратилась в угрозу.

Происходят изменения и в глобальном политическом пространстве. В интернациональный лексикон входят новые концепты вроде «информационного суверенитета»: государства, входящие в Третью волну обладают развитой нервной информационной сетью, и потому попытки перекрыть поток данных извне или навязать свой поток данных становятся основным оружием геополитики, наслаиваясь на тенденцию, завершающую Вторую Волну, где закулисная дипломатия и точечное применение силы перевешивали – в силу появления и наращивания ядерного потенциала – полномасштабные военные конфликты.

«Новая нормальность» постепенно меняет и представления о прогресса человечества, идея которого была постулирована именно во второй волне, которая ознаменовалась победой линейного времени над циклическим.

Победа над «неизменным циклом» одинакова присуща как Западу, так и Востоку, так и России, которые в историческом смысле практически одновременно вошли в эпоху второй волны. Распорядок дня, мироощущение, расписание экономического устройства цивилизации – все это покоилось на стандартизации, синхронизации и линейности. Действующее и бытийствующее в одном потоке общество, разумеется, становилось гомогенным. Увеличив количество каналов коммуникации и информации, вторая волна создала огромную информационную машину, энергия которой текла через газеты, церкви, государства, дома и школы. Смешиваясь в унисон, дополняя друг друга, эти каналы стандартизировали визуальные

⁵⁸ Там же. – С. 629

образы, через которые происходила социализация людей того времени. Поднятая ветром юбочка Мэрилин Монро, сложенные горой трупы в Бухенвальде, Уинстон Черчилль с трубкой – все это стандартные составляющие общей библиотеки образов людей индустриальной эпохи.

Взросшая мощь третьей волны вынуждает людей постоянно пересматривать эту библиотеку, дополнять ее и заменять, иначе индивидуум просто перестает соответствовать новой реальности, выпадает из нее, становится некомпетентным. Однако третья волна не просто ускоряет потоки информации, мы также имеем дело и с внутренней, глубинной трансформацией информационной сферы и людей, которые являются ее аудиторией:

«Демассифицированные средства информации демассифицируют и наше сознание. Во время Второй волны постоянная накачка стандартизированного образного ряда привела к тому, что критики называют "массовым сознанием". Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами. Поскольку все общество движется в сторону разнообразия, привнесенного Третьей волной, новые средства информации отражают и ускоряют этот процесс.<...> Консенсус пошатнулся. На личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишенными смысла "клипами", мгновенными кадрами. По сути дела, мы живем в "клип-культуре". <...> Вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом "полос" идей, собранных и систематизированных, нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации - рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные

ячейки. Новый образный ряд не поддается классификации, отчасти из-за того, что выпадает из наших старых концептуальных категорий, но еще и потому, что подается в странной, скоротечной, бессвязной форме. Резко критикуя то, что они называют бедламом клип-культуры, люди Второй волны испытывают подавленное раздражение против средств информации. Люди Третьей волны, напротив, чувствуют себя неплохо под бомбардировкой лицез: полутора минутный клип с новостями, полуминутный рекламный ролик, фрагмент песни или стихотворения, заголовок, мультик, коллаж, кусочек новостей, компьютерная графика. Будучи ненасытными читателями дешевых книг и специальных журналов, они залпом глотают огромное количество информации. Но они также внимательно следят за тем, как в новых концепциях или метафорах собираются и организуются в некое целое эти кусочки информации. Вместо попытки втиснуть новые модульные данные в стандартные структуры или категории Второй волны, они учатся создавать свои собственные "полосы" идей из того разорванного материала, который обрушивают на них новые средства информации». ⁵⁹

Конструирование информационной картины мира, таким образом, все больше ложится на плечи самого человека: вместо готового блюда он получает набор ингредиентов в мире, где понятие о деликатесе меняется каждый день.

Бешеный ритм и информационная перенасыщенность новой реальности ставит знаменательный вопрос: сможет ли человек в таких условиях сосредоточиться на себе, своем внутреннем пространстве, услышать голос настоящего себя? Сможет ли он медитировать или заниматься йогой, интеллектуально совершенствоваться или добиваться успехов в науке?

Тоффлер убежден, что «создавая ныне для цивилизации Третьей волны

59 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 270-271

новую инфосферу, мы наделяем окружающую нас "безжизненную" среду не жизнью, а интеллектом». ⁶⁰ В мире постстандартизированных творцов самым ценным, властным и неистощимым сырьем станет информация, которую Тоффлер понимает широко, включая в нее воображение:

«Информация приобретет большую ценность, чем когда-либо, и новая цивилизация перестроит систему образования и научных исследований, а кроме того, реорганизует средства массовой информации. Современные средства массовой информации, как печатные, так и электронные, совершенно не способны нести на себе всю информационную нагрузку и к тому же не обеспечивают жизненно важного культурного разнообразия. Вместо культурного доминирования нескольких средств массовой информации в цивилизации Третьей волны начнут преобладать интерактивные, демассифицированные средства, обеспечивающие максимальное разнообразие и даже персональные информационные запросы. <...> Однако маловероятно, что какой-либо общественный институт - даже дом - начнет играть центральную роль в жизни общества - роль, какую в прошлом играли церковь или предприятие. Потому что это общество скорее будет построено по типу сети, а не по типу иерархии институтов». ⁶¹

На условиях максимально упрощенного доступа к общению и коммуникации, эта сеть будет пестреть «ячейками» по интересам. Все более индивидуализируясь, подчеркивая различия, человек парадоксальным образом испытает со временем и боль изоляции. Или не сможет выстроить устойчивые социальные отношения с миром: вне стандартизированной библиотеки образов, из которой люди, посредством кинофильмов, новостей, радиопередач черпали основания для своих социально приемлемых ролевых моделей, человек может просто не справиться в фантастической задаче

60 Там же. – С. 274

61 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 543

повсеместного конструирования новых идентичностей. В этом проявляется могущественное влияние медиа: революция в средствах массовой информации приведет к революции в психике.

Пожалуй, одним из самых влиятельных теоретиков «новой нормальности» стал **Мануэль Кастельс**, который сформулировал целостную теорию, эпическое повествование, позволяющее нам рассмотреть фундаментальные последствия революции в информационных технологиях, которая оказала влияние на все сферы человеческой деятельности.

Кастельс отличается более широким взглядом на интересующую нас проблему: к примеру, сам генезис информационной революции он рассматривает не через технологический или экономический детерменизм, а напрямую увязывает его с освободительным духом контркультурных движений Америки 60-х годов (подробнее этот вопрос мы рассмотрим в следующем разделе). По Кастельсу, новый мир начал приобретать очертание именно на рубеже 60-ых и 70-ых годов, где исторически наслоились друг на друга три независимых процесса: революция информационных технологий; кризис капитализма и этатизма, расцвет культурных социальных движений, таких, как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды.

Интересным образом Кастельс подходит и к проблеме тезауруса: так, описываемое общество он называет не информационным, но информациональным. Разница заключается в том, что под первым подразумевается количественная характеристика знания (скорость, объем). По мнению Кастельса, первое говорит лишь о роли информации как «переданных знаний» в обществе, но в таком понимании информация «имела критическую важность во всех обществах». В противоположность этому второе относится к атрибуту «специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям,

возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти». Определяющим для информационного общества становится «воздействие знания на само знание как главный источник производительности».

По сути, уже здесь Кастельс начинает полемику со своими коллегами. Он подчеркивает, что теория постмодерна отбрасывает способность человека находить смысл даже в абсурде. Говоря о своих предшественниках на примере своего учителя Алена Турена и Дэниэла Белла, Кастельс следующим образом описывает свою теорию:

«Мы можем сказать, что хотя технология *perse* не детерминирует историческую эволюцию и социальные изменения, технология (или ее отсутствие) воплощает способность обществ трансформировать себя и определяет направления, на которых общество (всегда через конфликтный процесс) решает применить свой технологический потенциал. В теориях постиндустриализма и информационализма, начиная с классических работ Алена Турена и Дэниэла Белла, существует прочно установившаяся традиция помещать различия между доиндустриальной эпохой, индустриализмом и информационализмом (или постиндустриализмом) на другой оси - не на той, где противопоставляются капитализм и этатизм (или коллективизм, в терминологии Белла). Хотя общества можно охарактеризовать по двум осям (так, что мы имеем индустриальный этатизм, индустриальный капитализм и т.д.), для понимания социальной динамики существенно сохранять аналитическую дистанцию и эмпирическое соотношение между способами производства (капитализм, этатизм) и способами развития (индустриализм, информационализм)».⁶²

62 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php (дата обращения: 04.12.2014)

Различия в способах развития определяются тем, какой элемент повышает производительность цивилизации: при аграрном способе развития этим элементом было количественное увеличение природных ресурсов и вкладываемого в них труда, при индустриальном – новые источники энергии и их использование в процессах производства и распределения продуктов производства, в информациональном – как уже говорилось, в генерировании знаний и символической коммуникации. Способы производства и способы развития, таким образом, организованы в парадигмах, которые организуют и модифицируют все социальные отношения и социальные институты, власть и человеческий опыт. При этом, в силу специфики информационного способа развития, новое общество будет отличаться особой связью технологии и культуры, духа и материи.

Однако информационализм – это только один из двух столпов новой эпохи, которая также определяется еще и своей глобальностью. Основные виды человеческой деятельности, сырье, любые социальные контакты – теперь все это организуется в глобальной масштабе. Свое уникальное звучание «новая реальность» получает именно в соединении информационного и глобального, «потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети». ⁶³

Продолжая описывать новую парадигму развития человечества Кастельс выделяет пять ее основных принципов:

- 1) *Информация является основным сырьем.* В новой реальности мы видим перед собой, в первую очередь «технологии для воздействия на информацию, а не просто информация, предназначенная для

63 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/02.php (дата обращения: 04.12.2014)

воздействия на технологию, как было в случае предшествующих технологических революций»

- 2) *Новые технологии всеохватны.* Все процессы в новой парадигме протекают через информационализм или подвержены его влиянию
- 3) *Любая система обладает сетевой логикой,* основанной на совокупности отношений авторов-одиночек, протекающих через информационные технологии: «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий. Эта топологическая конфигурация - сеть - может быть теперь благодаря новым информационным технологиям материально обеспечена во всех видах процессов и организаций»
- 4) *Информационализм основан на фундаментальной гибкости.* Процессы, организации и институты рассматриваются как высыпаемые на пол кусочки паззла, которые можно в любой момент пересобирать, перегруппировывая компоненты. Любопытно, что Кастельс здесь подчеркивает невозможность моральной оценки: гибкость может не только освободить, но и подчинить человека, «если те, кто переписывает правила, всегда у власти»
- 5) *Растущая конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе.*

Подобные изменения сделали возможным становление устройств для обработки информации и сам процесс такой обработки главным продуктом экономики нового общества. Эта экономика благодаря технологическому совершенству является единой системой, которая работает в режиме реального времени в планетарном масштабе. Современная экономика выступает интегрированной системой благодаря нескольким группам институтов, среди которых Кастельс выделяет деловые сети, технологические

инструменты, глобальную конкуренцию и сетевые предприятия.

Кастельс, однако, отмечает, что мы пока имеем дело только с обновленным информациональным капитализмом, иначе говоря, базовые основания современной экономики модернизированы, но еще не перешли на новый качественный уровень развития. Однако дальнейшая эволюция будет развиваться именно по такому направлению.

В новых реалиях любое научное открытие, новаторское бизнес-решение, политический конфликт, возникновение новой философии сразу приобретает планетарный масштаб, охватывает все смысловое пространство мира. Означает ли это, что мир становится гомогенным?

Одним из ключевых аспектов своей работы «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» Кастельс называет именно положение, что в мире есть значительные темные пятна, области, не включенные в современную информационно-глобальную схему, будь то следствия волевого дистанцирования региональных политиков или технологической отсталости. Остальная же часть мира постепенно переходит в новую формацию. Которую Кастельс называет «сетевым обществом». В мире, насыщенном потоками энергии образов, власти и денег, в мире, который уже сдублировал устаревшие способы социализации, поиск идентичности становится фундаментальным социальным вопросом. В мире хаотичным и с трудом поддающихся контролю изменений человек склонен обращаться к первичным и базовым источникам идентичности: территория, нация, этнос, религия. При том, что это не новая тенденция, устройство «новой реальности», делегитимизирующее и деконструирующее индустриальные способы идентичности приводит к тому, что индивидуальная идентичность «становится главным, а иногда и единственным источником смыслов». ⁶⁴ По

64 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php (дата обращения: 04.12.2014)

Кастельсу, современное общество структурируется на основе биполярной оппозиции «Сеть – Я».

Поскольку опосредованная компьютерами коммуникации привела к появлению множества виртуальных сообществ, выстроенных вокруг первичных идентичностей, первые шаги в «новую реальность» проходят под преобладающим влиянием идентичности как организующего принципа. Сама идентичность при этом понимается как конструирование собственной картины мира через доступные смыслы и символы.

Но что же тогда этически и культурно связывает людей в сообщества, а сообщества – в сеть? Что есть «дух информатизма» и нуждается ли «новая реальность» в нем? Общий культурный код сети, по Кастельсу, дуален и реализует себя в системе, которая подчиняется логике бинарного включения в информационное глобальное общество (как мы покажем дальше, именно эта логика является фундаментальным источником власти в таком обществе):

«Что характеризует новую систему коммуникаций, основанную на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникации, - это ее включение и охват ею всех проявлений культуры. Благодаря ее существованию, все виды сообщений в обществе нового типа работают в бинарном режиме: присутствие или отсутствие в коммуникационной мультимедиа-системе. Только присутствие в этой интегрированной системе позволяет передать и социализовать сообщение. Все прочие сообщения сведены к индивидуальному воображению или ко все более маргинализирующимся субкультурам, где господствуют личные контакты. С точки зрения общества, коммуникация на электронной основе (типографская, аудиовизуальная или компьютерная) и есть коммуникация». ⁶⁵

65 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

Терминологией информационного общества Кастельс закрепляет ключевые тезисы структуралистов и философов постмодерна. Ученый ссылается и на «великого провидца» Маршала Маклюэна, революционизировавшего через гиперболы мышление в сфере коммуникаций. В этом заключается удивительное и волшебное синтетическое значение Кастельса, которому удалось в гегелевском смысле снять частные противоречия своих предшественников и коллег, объединив их позитивный вклад в историю человеческой мысли. Когда-то точно таким же образом обосновал свое титаническое могущество Декарт. Из этого синтеза вытекает следующее понимание взаимосвязи человека и СМИ:

«Таким образом, являясь символической тканью нашей жизни, СМИ воздействуют на сознание и поведение так же, как реальный опыт воздействует на сны, поставляя сырой материал, над которым работает наш мозг. Похоже, что мир визуальных грез (информация/развлечения, предоставляемые телевидением) возвращает нашему сознанию власть выбирать, рекомбинировать изображения и звуки, которые мы создали через нашу коллективную практику или индивидуальные предпочтения. Это система обратной связи между кривыми зеркалами: СМИ есть выражение нашей культуры, а наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ. В этом фундаментальном смысле система средств массовой информации воплотила большинство черт, о которых писал Маклюэн в начале 1960-х годов, - она стала "галактикой Маклюэна". Однако тот факт, что аудитория - не пассивный объект, но интерактивный субъект, открыл пути к дифференциации аудитории и с того момента как технология, корпорации и институты позволили такие шаги, - к последующей трансформации СМИ в сторону сегментации, "работы на заказ",

индивидуализации». ⁶⁶

Для углубления своего анализа социальной сферы «новой нормальности» Кастельс вводит свой, пожалуй, самый интересный концепт – концепт *виртуальной реальности*. Ссылаясь на Барта и Бодрийяра, которые учили тому, что все формы коммуникации проистекают из производства и потребления знаков, ученый постулирует равенство реального и виртуального отображения символов. И если виртуальная реальность существовала, таким образом, на всех этапах человеческого существования (когда человек действовал и проявлял себя через сферу символического), но информациональное общество производит революцию в том, что постулирует реальную виртуальность, где реальность – фактически существующее, а виртуальность – практически существующее:

«Что же представляет собой тогда коммуникационная система, которая в противоположность историческому опыту прошлого создает *реальную виртуальность*? Это - система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средстве, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта, как в той уникальной точке вселенной, что Хорхе Луис Борхес назвал "Алеф"». ⁶⁷

Другим ключевым и революционным изменением информационализма ученый считает объемы трансформации пространства и времени: «местности

66 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

67 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время стирается в новой коммуникационной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении. Материальный фундамент новой культуры есть *пространство потоков и вневременное время*. Эта культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения; это культура реальной виртуальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания». ⁶⁸

Социальная практика разделения времени сводится воедино тем пространством, в котором такая практика осуществляется. Материальное проявления такого пространства на протяжении долгих веков истории человечества отождествлялось с близостью. Информационные технологии сделали это понимание устаревшим. Как исторические исследования после Куна уже не могли разворачиваться хронологически, не рискуя оказаться морально устаревшими в сравнении с парадигмальным подходом, так и общество «новой нормальности» теперь выстраивается на основе взаимодействия потоков – капитала, информации, коммуникации, мерцающих сообществ, технологий, звуков или символов – и вокруг них. При этом потоки не являются элементами социальных практик, они представляют собой выражение таких практик. Иными словами, мы имеем дело уже не с фугой Баха, а с джазовым оркестром, ансамблем единовременных элементов.

Неразрывно связана с пространством потоков и та онтологическая трансформация времени, которую несет с собой информационное общество. Чтобы лучше проиллюстрировать свои тезисы, Кастельс

68 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

обращается к опыту реформ Петра I и Советского Союза. Россия, будучи вневременным обществом благодаря особому характеру православной отрасли христианства, пережившего значительное влияние неоплатоников и необъятным пространствам, периодически сотрясались от модернизационных (чаще всего, сверху) усилий по насильственному реформированию общества. Как Петр I, так и большевики предпринимали попытки привязать русскую жизнь ко времени: Юлианский календарь в одном случае, тейлоризм и «научная организация труда» во втором. Сжатие времени большевиками, при этом, носило идеологический характер (ускоренные пятилетки, стахановство, даже «непрерывки»).

Историческая предрасположенность западной цивилизации, выработанная на заре модерна доведенная до предела в начале XX века, утвердила темпоральную стрелу прогрессивного времени, которая дробится на куски в информационном обществе. Однако мы не просто становимся свидетелями ревизии времени в увязке с возникновением альтернативных по значению социальных практик или временной обратимости, мы имеем дело с более масштабной трансформацией. Кастельс убежден, что мы становимся свидетелями того, как смещение времен в пространстве потоков служит созданию вечной вселенной, «не саморасширяющейся, но самоподдерживаемой, не циклической, но случайной, не рекурсивной, но инкурсивной (incursive): вневременное время, использующее технологию для того, чтобы избавиться от контекстов своего существования и избирательно присваивать любую ценность, которую мог бы предложить каждый контекст вечно-настоящему»,⁶⁹ вселенной, которая существует в одновременном и вневременном режиме.

Такая доминирующая темпоральность «новой нормальности»

69 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

козникает в тот момент, когда «характеристики данного контекста, а именно информационная парадигма и сетевое общество, порождают систематическую пертурбацию в порядке следования явлений, происходящих в этом контексте. Эта пертурбация может принимать форму сжатия временных промежутков между событиями, нацеленного на мгновенность, или же случайных разрывов в последовательности событий. Устранение очередности создает недифференцированное время, которое равнозначно вечности.<...> Вневременное время принадлежит пространству потоков, тогда как временная дисциплина, биологическое время и социально детерминированный порядок следования характеризуют местности всего мира, материально структурируя и деструктурируя наши сегментированные общества. Пространство придает форму времени в нашем обществе, обращая вспять историческую тенденцию: потоки порождают вневременное время, места ограничены временем. Идея прогресса, являющаяся базисом нашей культуры и общества в течение двух последних столетий, основана на движении истории, фактически на predetermined последовательности истории, идущей под руководством разума и под воздействием производительных сил, избегающих сдержек пространственно ограниченных обществ и культур. Власть над временем, контроль над ритмичностью колонизировали территории и преобразовали пространство в процессе широкомасштабной индустриализации и урбанизации, произведенных двумя процессами-близнецами: формированием капитализма и этатизма. Становление структурировало существование, время приспособило пространство». ⁷⁰

Речь здесь идет не о планетарной доминанте (поскольку, как уже говорилось, большая часть человечества живет в пространстве конкретных

⁷⁰ М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

мест), но доминантной форме социального времени в сетевом обществе, где «социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок». ⁷¹

Таким образом, «новая нормальность» затронула и сферу политики. Интеграция всех культурных выражений в общую сетевую коммуникационную систему электронного производства, распределения и обмена сигналами размывает символическую власть традиционных авторов сообщений (национальное государство, церковь, старшие члены семей), которые, чаще всего, бинарно выключены из системы и находятся во внешнем к ней положении. Соответственно внешни и их сообщения, будь то религия или политическая идеология:

«Они не то чтобы исчезают, но слабеют, если не кодируют себя вновь в новой системе, где их власть умножается электронной материализацией духовно передаваемых привычек: электронные проповеди и интерактивные фундаменталистские сети есть более эффективная, более "въедливая" форма индоктринации в наших обществах, чем воздействие отдаленного харизматического авторитета при личных контактах». ⁷²

Наряду с этим, расширяются доступ и пространство маневра для социальных акторов нижнего уровня, не принадлежащего к элитам. Так рождается новая сетевая геометрия власти, где властные отношения «всегда специфичны для данной конфигурации акторов и институтов», что довольно близко по генезису к адхократии Тоффлера.

Различные постмодернизированные формы индоктринации происходят и на уровне геополитических конфликтов. Как и Тоффлер, Кастельс считает,

71 Там же. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

72 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

что технологическое совершенствование вооружение парадоксальным образом привело к снижению значения крупномасштабного насилия в международной политике.

Ссылаясь на разработанную Бодрийяром тему стерильного опосредованного восприятия войны через СМИ, Кастельс добавляет, что ресурсы, возникшие благодаря информационным технологиям позволяют наносить разрушительные удары по противнику в поразительно короткие промежутки времени: «при условии взаимного неприменения ядерного оружия основными военными державами их потенциальные войны и войны между их странами-сателлитами, скорее всего, будут зависеть от быстрых обменов ударами, определяющих истинное состояние технологического дисбаланса между воюющими сторонами. Массированное уничтожение или быстрая демонстрация возможности осуществить его за минимальное время, по-видимому, являются общепринятой стратегией ведения войн современного типа в информационную эпоху». ⁷³

Кастельс близок Тоффлеру не только тем, что он рассматривает условные Советский Союз и США как процессы-близнецы, он также довольно проницательно подмечает суть переходных периодов между «нормальностями», утверждая, что коллапс советского этатизма был предопределен его неспособностью к переходу на рельсы информационного общества, обусловившей технологическое отставание в наиболее критичный для этого момент фундаментального сдвига глобальной экономической парадигмы; в конце концов, «само понятие "персональный компьютер" объективно подрывало советскую бюрократию, в том числе и научную». ⁷⁴

73 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

74 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/08.php (дата обращения: 04.12.2014)

Несложно заметить, что хаотичное медийное пространство образов-симулякров естественным образом сочетается с таким же хаотичным миром властных отношений, в котором «модифицированные по заказу представительства, и персонализированное лидерство заменяют классовые объединения, идеологическую мобилизацию и партийный контроль, которые были характерными для политики индустриальной эры», публичная сцена Ги Дебора заменяет публичное пространство хабермасовского толка, а властные отношения все больше трансформируются в отношения влияния, которые возникают, по большей степени, посредством манипулирования символами в медийном пространстве смыслов. Эти отношения, посредством вписания в культурные коды «новой нормальности» и включенные в ее бинарную логику, становятся нематериальными и реальными: «...где и когда бы она ни консолидировалась, эта власть наделяет на время индивидов и организации способностью осуществлять свои решения независимо от консенсуса. Но она нематериальна вследствие того, что такая возможность возникает из способности организовывать жизненный опыт посредством категорий, которые соотносятся с определенным поведением и, следовательно, могут быть представлены как одобряющие определенное лидерство». ⁷⁵

Схватка за власть в «новой нормальности» сводится к культурным сражениям, проводимым через средства массовой коммуникации, и, следовательно, распределение властных ролей, проходящее в сетях информационного обмена и манипуляции символами, подвержено известной ротации. Таким образом, «культура как источник власти и власть как источник капитала лежат в основе новой социальной иерархии информационной эпохи». ⁷⁶

⁷⁵ М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

⁷⁶ Там же. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

При этом, на фоне возрастающей дефрагментации и гетерогенности сетевого общества, где элиты представляют собой символически замкнутые общины, а опыт подавляющей части человечества ограничен сегрегированными локальностями, все больше будет ощущаться запрос на идентичность новых проектов, основанных на ценностях виртуальных общин, члены которых пройдут социализацию уже в «новой нормальности». Пока что это проявляется только в идентичности сопротивления (будь то феминизм или антиглобализм), потому что для идентичности проекта, по Кастельсу, нужна новая культурная политика, медиумы которой еще не появились:

«Это будет культурная политика, начинающаяся с той предпосылки, что информационная политика проводится главным образом в пространстве средств коммуникаций и воюет символами, но при этом связана с ценностями и проблемами, возникающими из жизненного опыта людей в информационную эпоху. Информационно-технологическая революция выявит свой преобразовательный потенциал. XXI столетие будет отмечено завершением глобальных информационных супермагистралей, мобильной телекоммуникацией и вычислительной мощностью, децентрализующими власть информации, осуществляя надежды, возлагавшиеся на мультимедиа, увеличивая удовольствие от интерактивных коммуникаций. К тому же это будет век полного расцвета генетической революции. Впервые человек проникнет в секреты жизни и будет способен производить значительные манипуляции с живой материей. <...> Для предотвращения негативных последствий биологической революции нам нужны не только ответственные правительства, но и ответственное образованное общество. Путь, которым мы пойдем, зависит от социальных институтов, от человеческих ценностей, от сознательности новых социальных акторов и их решимости формировать и

контролировать свою собственную судьбу». ⁷⁷

В следующем разделе будет осуществлен анализ школы политических коммуникаций на момент ее трансформации перед вышеуказанными изменениями нового миропорядка. Рассмотрев философскую и коммуникационную артикуляцию «новой нормальности» и обогатив их школой политической коммуникации, мы далее возьмем на себя смелость исследовать временной зазор между казанными теориями и действительностью наших дней, рассмотрим какие положения наших коллег подтвердились, какие – преломились и какие были отвергнуты неумолимым ходом времени.

Напоследок подведем итоги и вкратце обозначим, какие основные тезисы постмодерна переключались и были развиты в коммуникационных теориях «новой нормальности»:

Во-первых, идея виртуального потока симулякров, которым можно манипулировать в любом направлении для интеллектуального конструирования реальности, была принята и развита в сетевое вневременное медиапространство потоков, в котором каждый человек становится автором постоянно меняющейся незакрепленной картотеки образов.

Во-вторых, малые рассказы постмодерна, распространяемые по сетевому принципу ложатся в основу виртуальных сообществ, создавая альтернативный социальный фольклор мифологического типа.

В-третьих, знание становится не просто динамическим и постоянно меняющимся процессом свободного описания картины мира, но и значимым ресурсом и источником влияния, реализующим себя через сферу культуры и образования.

⁷⁷ М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

В-четвертых, децентрализованная игра с текстом раздваивается на элиты, оккупировавшую «источники текста», и большую часть населения, противопоставляющую элите адхократичные методы воздействия на повестку дня.

В-пятых, конвергенционный потенциал постмодерна теперь пронизывает все уровни бытия, меняя даже пространственно-временную конфигурацию общества.

1.3 «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» И ГОСУДАРСТВО»

- Я действительно летал, дон Хуан?

- Так ты мне сказал сам. Или было не так?

- Я знаю, дон Хуан. Я имею в виду: мое тело летало? Взлетел ли я, как птица? ⁷⁸

«Учение дон Хуана - путь знания индейцев яки»

Карлос Кастанеда

В предыдущем разделе мы могли увидеть все соблазны «новой нормальности»: ее децентрализацию, повышенный доступ к знаниям, ведущий к социальному равенству и возрастающей власти обычного населения.

Возросшая технологичность новой эпохи действительно сдублировала многие риски индустриальной эпохи (например, возможность крупномасштабного или даже глобального военного конфликта), однако та же самая технологичность сделала возможными такие явления как глобальный терроризм всех мастей, информационные войны, киберпреступления и многие другие.

Очевидно, что однозначно положительная трактовка, откинутая еще тоффлеровской «практопией», неизменно заведет исследователя нового информационного миропорядка в тупик. Для того чтобы лучше понять двойственную природу «новой нормальности», мы генетически углубимся в историю создания персональных компьютеров, Интернета, World Wide Web и в историю отношения государства к этим разработкам. Поскольку это поле битвы располагалось, в основном, в США, речь будет идти, по большей части, об американском государстве.

Уже Мануэль Кастельс чувствовал, что вопрос генезиса «новой

⁷⁸ Карлос Кастанеда, книги 1-3 (пер. В.П.Максимов, ред. В.О.Пелевин). URL:

<http://www.rulit.me/books/karlos-kastaneda-knigi-1-3-per-v-p-maksimov-red-v-o-pelevin-read-350237-27.html>

(дата обращения: 04.12.2014)

нормальности» не так очевиден, как кажется, связывая три независимых процесса: революция информационных технологий; кризис капитализма и этатизма, расцвет культурных социальных движений, таких, как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды.

Попытку более глубокого анализа предпринял **Фред Тернер** в своей книге «From counterculture to cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth network, and the rise of digital utopianism». В ней Тернер показывает, что киберкультура, компьютерная индустрия в том виде, в каком мы ее знаем, на самом деле является результатом слияния двух косвенно связанных между собой течений: культура научных исследований, заложенная Америкой во время Холодной войны, и контркультурными движениями Америки, достигшие своего расцвета в 60-ые и 70-ые годы XX века. Это слияние отразилось не только в принципах и дискурсе киберкультуры, но и в возможности ее реализации, иными словами, все технологические разработки, которые привели к тому, что компьютер стал персональным, а Интернет – общедоступным, так же осуществлялись людьми, которые являются продуктом такого слияния.

Центральное место в координации двух течений и создании нового типа культуры Тернер отводит Стюарту Бренду, автору «Каталога всей Земли», который Стив Джобс назвал «библией поколения», создателю, пожалуй, первой – в современном понимании этого слова – социальной сети WELL и человеку, чьи тактики по выстраиванию деловых и социальных сетей, в конечном счете, и определили современное понимание киберпространства и его возможной связи с социальной жизнью.

По мнению автора, исток сетевого устройства современной жизни следует искать не в революции в компьютерных технологиях, не в появлении открытого доступа к Интернету или широком распространении

персональных компьютеров, но в слиянии кибернетического дискурса и коллаборативного стиля работы военных лабораторий времен Холодной войны с коммунитарными мировоззрениями американской контркультуры. Сама идея о том, что материальный мир можно воспринять как информационную систему, которую можно смоделировать на компьютере, появилась не с возникновением Интернета, но в спонсируемых государством исследовательских лабораториях, в первую очередь, в Радиационной лаборатории Массачусетского технологического института. Парадоксальным образом эти лаборатории представляли собой военно-индустриально-академический комплекс, против которого маршировали участники Движения за Свободу Слова в 1964, и в то же время, их видение миропорядка легло в основу того комплекса идей, которые отстаивала компьютерная индустрия в 90-ые годы: персональная целостность, индивидуализм и сетевая социальность.

Радиационная лаборатория наиболее известна своими разработками по выслеживанию и преследованию вражеских бомбардировщиков. Спустя 6 месяцев после основания в 1940 году, лаборатория состояла из двух сотен ученых, к моменту окончания Второй мировой войны в лаборатории работало уже 3900 исследователей. Несмотря на то, что по своему созданию, целям и источникам финансирования лаборатория была бюрократическим институтом, она, в то же время, представляла собой место, в котором поощрялись гибкие и коллаборативные стили работы, творческий подход и независимость суждений на фоне отчетливо неиерархического менеджмента. Она представляла собой набор связанных между собой исследовательских проектов, собранных в Массачусетском технологическом институте. Этот набор включал в себя, помимо разработок нового типа радара, проекты, связанные с навигацией, нацеливанием противоздушных пушек и многие другие. Цели лаборатории привели к тому, что пересечение

профессиональных границ в смысле кросс-дисциплинарных исследований стало нормой. Таким образом, как на фоне проектной структуры, так и на фоне человеческого состава Радиационная лаборатория была институтом, работающим по сетевому принципу, что позволило, например, историку науки Питеру Галлисона назвать ее «торговой зоной»: работники лаборатории выработали собственный тезаурус, позволяющий обмениваться идеями и техникой во имя совершенствования военных технологий. По мнению Галлисона, речь, таким образом следует вести не о какой-то монолитной культуре военных исследований, но скорее о целом наборе профессиональных субкультур, связанных общей идеей и тем набором лингвистических инструментов, которые участники этих исследований изобрели для достижения такой идеи.

Наиболее ярким примером кросс-дисциплинарного и сетевого мышления Тернер считает отца кибернетики Норберта Винера. Вовлеченный в военные исследования еще до вступления США во Вторую мировую войну, в Радиационной лаборатории Винер занимался вопросами отслеживания вражеских самолетов. Будучи математиком, Винер разрабатывал статистические методы определения курса движения самолетов в будущем, основываясь на их движении и местонахождении в настоящем. Машина по расчету будущего курса называлась «предсказатель». В самом устройстве «предсказателя» была заложена идея о том, что будущий курс самолета зависит и от технического фактора, и от человеческого. Таким образом, комбинация органики и механики представляла собой научную проблему. Как писал в последствие сам Винер, «у нас не было ни малейшей возможности устранить психологические факторы в поведении противника, а чтобы иметь возможность дать наиболее полное математическое описание общей задачи управления зенитным огнем, необходимо рассматривать все факторы этой задачи с единой точки зрения – либо с точки зрения человека, либо с точки

зрения машины».⁷⁹

Со своим напарником Джулианом Биглоу Винер приступили к систематизации своего видения самонаводящихся систем, используя наработки из других дисциплин. Первой примкнувшей к исследованиям Винера и Биглоу дисциплиной стала биология в лице Артуро Розенблюта. Совместные исследования трех ученых отразились в книге «Поведение, целенаправленность и телеология», в которой они пришли к выводу, что поведение и целенаправленность в биологических системах задаются той же динамикой обратной связи, которую обнаружили в биомеханических системах Винер и Биглоу во время своей работы в Радиационной лаборатории. В течение нескольких лет Винер изучал в своих исследованиях возможность дублирования мозга человека с помощью электрических цепей. Новый подход к биомеханическим системам отразился в его книге «Кибернетика или управление и связь в животном и машине», в которой кибернетика определялась как дисциплина, сосредоточенная на изучении сообщений в качестве средств управления техникой и обществом, где техника, как минимум по аналогии, включала в себя и биологические организмы. По мнению Винера, весь мир был похож на его противоздушный «предсказатель», представляя собой набор систем, связанных и даже в какой-то степени состоящих из сообщений. Сами сообщения являются формами структуры и организации, окруженными шумом, но сохраняющие взаимосвязанность. То же самое происходит и с организмами и с техникой: принимая сигналы и осуществляя обратную связь через структурные механизмы, и те и другие находятся в состоянии гомеостаза. Таким образом, поскольку возможность передавать и получать информацию вовсе не является привилегией людей, Вейнер пришел к выводу,

79 Н.Винер. Я – математик. URL: http://grachev62.narod.ru/wiener/i_am_a_mathematician.html
(дата обращения: 07.01.2015)

что нет непреодолимой границы между естественным человеческим разумом и искусственным разумом машины. Получалось, что биологические, механические и информационные системы являются как бы аналогами друг друга. Контролируя себя через свой процесс получения и передачи информации, каждый такой аналог представляет собой модели организованной информации. Такие системы могут служить моделями для социальных институтов и человечества в целом.

Пример кибернетики стал первым ярким примером кросснаучных дисциплин во многом благодаря культуре исследований времен Холодной войны и лично Норберту Винеру. Кибернетика возникла не на пустом месте: понятия гомеостаза было заимствовано из психологии и имплантировано в исследование социальных систем, понятие обратной связи – из инженерии, концепты обучения, памяти, гибкости и целенаправленности также опирались на наработки других дисциплин. В то же время сам принцип кибернетики пока еще не ассоциировался с тем набором идей, с которым его будут связывать в середине 90-ых: с децентрализованным, эгалитарным полисом и постинституциональным пространством равных взаимодействующих.

Эти идеи вызревали в молодежных контркультурных движениях Америки, которые зародились в 60-ые годы. На конец 50-ых годов многие американцы начали опасаться, что военные, индустриальные и академические институты, которые изобрели атомную бомбу, могут серьезно изменить сами принципы тех идеалов, которыми руководствуются США. Общественное мнение естественным образом не обращало внимание на те многообещающие научные трансформации, которые происходили в исследовательских лабораториях, оно все было сосредоточено на угрозе ядерной войны. Человек все более представлялся – на фоне растущей бюрократизации и усиления военного комплекса – как винтик в огромном,

бездушном и роботизированном механизме. Отражение такого ощущения можно найти в ряде научных работ того времени, будь то «технократия» Рожака или «техноструктура» Гелбрейта. Истоки параноидального отношения американской молодежи к такого рода перспективам достоверно показаны в исследованиях социального психолога Кеннета Кенистона, который в 1967 году проинтервьюировал группу молодых людей, участвовавших в серии протестов против Вьетнамской войны. Среди своих самых ранних воспоминаний эти молодые люди вспоминали, как в школе их учили прятаться под своими партами в случае возникновения «ядерного гриба». С 1949 года, когда Советский Союз впервые успешно испытал ядерную бомбу, Америка жила в страхе перед угрозой глобального ядерного конфликта. Для студентов 60-ых годов эта угроза наслаивалась на опасения за свое профессиональное будущее в мире, где нет места творчеству, любви и миру, в мире, который свехрационализирован и бюрократичен. В попытке ответить на вопрос «как же жить в таком мире?» американская молодежь 60-ых годов организовала два социальных движения: политически активные и возникшие на волне ряда политических движений за права человека и против войны во Вьетнаме «Новые левые» и то, что позже стало известно как «контркультурные движения», которые впитали в себя ряд культурных течений поствоенной Америки – от битников до дзен буддизма и ряда течений, рассматривающих психотропные вещества как способ самопросветления.

Для избежания путаницы Тернер предлагает использовать термин «Новые коммуналисты» для обозначения тех движений, которые жили в коммунах и которые видели в изменении сознания основу для изменения структуры социальной жизни Америки. Вопреки многим исследователям Тернер утверждает, что те движения, которые он включил в понятие «Новые коммуналисты», де-факто были активно вовлечены в совместные социальные

практики, поощряли развитие технологий и научные кросс-дисциплинарные учения вроде кибернетики. В то же время среди них было широко распространено мнение, что техноцентричная эпоха их дней фактически привела к тому, что их поколение стало частью массивного, географически распространенного эксперимента. Мир стал для них лабораторией, в которой можно исследовать как свой разум, так и свое тело, их взаимосвязанность, природу политики, экономики, общества и государства. Технологии будут служить инструментом для таких исследований наравне с психотропными веществами. Более того, ЛСД, слайд-проекторы, стробоскопы рассматривались как инструменты, благодаря которым можно связать мышление человека через проводные «флюиды» с другими людьми. В то время как Карибский кризис поставил мир под угрозу уничтожения, «Новые коммуналисты» увидели возможность новой всечеловеческой сверхинтеграции – психологической, техно-социальной и природной. Видение «Новыми коммуналистами» информации, технологии и экспериментальной природы эпохи 60-ых поможет понять нам как истоки постиндустриализма, так и распространение через контркультурные движения компьютерной модальности нового информационного общества и сетевой принцип нового миропорядка.

Уже в начале 70-ых годов многие ученые обратили внимание на возникновение нового типа экономики, экономики, главным ресурсом которой было знание. В то же время, как мы уже показывали ранее, возникли первые ростки теории постиндустриализма, где теоретическое знание (по Беллу), рассматривалось как корневой принцип производства. Если изобретения индустриальной эпохи привели к росту индивидуализма и атомизации, то исследования новой эпохи будут результатом совместной и сетевой работы ученых, который систематически и комплексно будут использоваться для решения проблем человечества. Статус производителей

знаний будет повышаться, одновременно разрушая социальную власть бюрократических иерархий. Однако мы уже увидели, что к тому времени, как такая идея была сформулирована в постиндустриализме, теоретическое сетевое кроссдисциплинарное знание было центральным принципом военно-индустриально-научного комплекса уже несколько десятилетий. Этот же принцип, как мы увидели на примере Мануэля Кастельса и Элвина Тоффлера, приведет к тому, что высокотехнологичные и наукоемкие производства и сетевой принцип организации производства станут ключевыми элементами экономики.

Ключевую роль в слиянии традиций военно-индустриально-научного комплекса и «Новых коммуналистов» Тернер видит в фигуре Стюарта Бренда. Будучи знакомым напрямую как с первой, так и со второй традицией, Бренд в 1968 году запустил «Каталог всей Земли», книгу, которая представляла собой сборник рекомендаций, советов и рецензий посвященных разным отраслям человеческой деятельности. Каталог, по замыслу, преследовал цель собрать самые полезные знания для того, чтобы помочь своим читателям. Это был низкий по стоимости издержек самоподдерживающийся сервис по обмену критической информацией, система, которая оповещала жителей коммун о последних социальных и технологических разработках и связывала коммуны между собой. Наряду с этим, Бренд преследовал те же цели и руководствовался той же тактикой, которая родилась в лоне исследовательской культуры Америки: каталог должен был стать чем-то вроде исследовательской организации, связывающий необычные проекты между собой. Как пояснял сам Бренд, «если [жители коммун] собирались вернуться к основам, им нужно было знать, где находятся эти основы. Я тоже этого не знал. Но я придавал движение тому, что поставляло контент и что было передаточным узлом для сети людей, через который они обменивались контентом. <...> Каталог создавался

как система. А я знал кое-что о системах. Я изучал кибернетику». ⁸⁰

Стюарт Бренд и его коллеги по каталогу и по другим проектам стали теми людьми, которые создали пространство для различных стилей самовыражения и коллективной организации знания. Сеть людей, которая возникла благодаря каталогу помогла понять широким слоям населения социальные возможности компьютера и компьютерной сети. Во многом благодаря им компьютер стал «персональным» в восприятии многих современников, воледейственным символом контркультурной революции. Взяв на вооружение этику «Новых коммуналистов» авторы каталога поставили своей задачей трансформацию не только индивидуального сознания, но и организацию социальной структуры общества. По мнению Тернера, Бренд и сеть его последователей переконфигурировала культурный статус информации и информационных технологий, двигаясь от финансируемого государством военно-индустриального исследовательского комплекса в сторону общества и сохраняя в то же время традиции кибернетических теорий информации, гибкие социальные практики, которые родились в результате совместного научного сотрудничества исследователей времен Холодной войны. На базе каталога был запущен целый ряд различных сетевых форумов, которые действовали по указанным принципам.

Один из основателей «Каталога всей Земли» Алан Кей позднее вспоминал, что каталог был одновременно реализацией видения технологии как средства индивидуальной и коллективной трансформации и медиаформатом – и всё это отлично сочеталось с компьютерами, на которых Кей и другие члены сети работали. В то же время «Каталог всей Земли» воспринимался приблизительно как печатная версия того, чем однажды станет Интернет.

80 "How Stewart Brand Learns," Los Angeles Times Magazine, October 30, 1994; Whole Earth Papers, Special Collections, Stanford University.

В 1972 году редакция журнала Rolling Stone заказала у Бренда статью, посвященную развивающейся компьютерной индустрии. Материал под заголовком “Spacewar: Fanatic Life and Symbolic Death among the Computer Bums” стал одним из первых текстов, который связал мир государственных и корпоративных компьютерных исследований с идеалами «Новых коммуналистов»: вместе с фотографом журнала Бренд посетил Стэнфордскую Лабораторию Искусственного Интеллекта, в которой группа студентов создала компьютерную игру Spacewar. «Готовы вы или нет, но компьютеры идут навстречу людям. Это хорошие новости, возможно, лучшие со времен психоделиков». ⁸¹ Бренд обратил внимание не только на игру, но и на то, как исследователи играли в нее: с восторгом. В этом восторге автор увидел контркультурный исток Spacewar, компьютеров и той обстановки драйва, которая окружала создателей игры.

К тому времени 70-ые уже действительно испытали бурное развитие рынках персональных компьютеров. Как подчеркивал Пол Церуззи, между 1972 и 1977 годами Apple и Microsoft предприняли первые попытки создать миникомпьютеры и общедоступного программного обеспечения для них. Вторая волна 1977-1985 годов была отмечена массовым распространением компьютеров в дома и офисы по всей стране. К 1983 году персональный компьютер начал так серьезно влиять на ежедневную жизнь американцев, что журнал Time назвал компьютер «машиной года».

В 1985 году модель и принципы «Каталога всей Земли» были положены в основу WELL, одного из первых онлайн-сообществ, которое сначала представляло собой электронную доску объявлений. WELL была основана Стюартом Брендом и Ларри Бриллиантом и представляла собой систему телеконференций, в рамках которой участники через центральный компьютер

81 S. Brand. Spacewar: Fanatic Life and Symbolic Death among the Computer Bums. URL: <http://digitizingamerica.shanti.virginia.edu/sites/shanti.virginia.edu.digitizingamerica/files/SPACEWAR%20-%20by%20Stewart%20Brand.pdf> (дата обращения: 05.01.2015)

отправляли сообщения на компьютеры собеседников, как в режиме реального времени, так и по принципу электронной почты. К участию в конференциях Бренд привлек многих участников контркультурных движений, хакеров и журналистов – все они были участниками каталога. В результате была создана географически экспансивная коммуна по типу «Новых коммуналистов», но реализованная в совершенно иных экономических и технологических условиях. Для профессиональных сообществ области залива Сан-Франциско WELL стал тем местом, где можно было обмениваться информацией и выстраивать сеть контактов, от которой зависело их дальнейшее трудоустройство и карьерный рост. В таких новых условиях, атмосфере осознанности, общности и при остром понимании социально трансформирующих возможностей технологий, связанных с идеалами контркультуры, WELL стал мощным инструментом, благодаря которым его пользователи могли управлять своими жизнями. Для них WELL стал не просто системой компьютерных конференций, но способом реализовать идеал расширенного сознания благодаря «виртуальному сообществу», одним из краеугольных этапов покорения «электронного фронта». Благодаря участию журналистов WELL стал важной исторической вехой в понимании мощи возникающего общедоступного Интернета.

Один из основателей WELL, Кевин Келли вспомнил такие основные задачи системы конференций: она должна была быть свободной, приносить прибыль, представлять собой бесконечную Вселенную, быть самоуправляемым и самоструктурирующимся экспериментом и сообществом. Два базовых концепта определили сущность WELL: экономика подарков и ощущение сообщества связанных разумов. Экономика подарков заключалась в том, что обмен потенциально ценной информацией происходил без ожидания немедленного вознаграждения – щедрость, которая корнями уходила в культуру свободного знания «Новых коммуналистов».

Отчасти это перекликалось и с мыслью Маршеля Мосса, о котором мы уже говорили выше, согласно которой в мире не существует подарков в чистом виде, поскольку они всегда подразумевают цикл обмена, которой поддерживает структурные отношения между дарящим и получающим. Таким образом, подарки де-факто включены в социальную и экономическую сферы. В свое время эту идею развил еще один философ постмодерна Пьер Бурдьё, выведя идею социального капитала, который однажды станет ключевым ресурсом в «новой нормальности». Любопытно, что принцип экономики подарков перекликается и с той философской линией «доброй воли», которую отстаивал в полемике с дискурсом «рационального эгоизма» Иммануил Кант, предтеча эпохи постмодерна.

Благодаря WELL мир компьютероцентричной коммуникации так же начал трактоваться как мир децентрализованной гармонии коммун. В последствие, этот мир начали называть «виртуальным сообществом». Киберпространство начало мыслиться как электронный фронт. Коммуникации через компьютеры мыслилась примерно так же, как раньше мыслилось ЛСД: способ выйти на время из своего тела ради новых форм общения. На протяжении 90-ых ряд проектов – например, Microsoft Network или America Online – активно заимствовали опыт WELL, который говорил о том, что цифровые технологии в большей степени, чем изначальное знакомство в реальной жизни, сделали возможными построение такого мощного онлайн-сообщества.

В целом, в конце 80-ых и в 90-ые по мере все большего распространения компьютеров концепт виртуального сообщества помог превратить этику «Новых коммуналистов» из «Каталога всей Земли» в готовую инструкцию о том, как работают сетевые формы организации. На протяжении 80-ых для описания такого рода виртуальной реальности использовался термин «киберпространство». Многие журналисты увязывали

его с опытом приема ЛСД, компания Autodesk наняла Тимоти Лири для участия в своем рекламном ролике по инициативе в киберпространстве. В своей статье под названием “Crime and Puzzlement”, опубликованной в 1990, известный вокалист группы Grateful Dead и один из ключевых популяризаторов наследия «Новых коммуналистов» Джонн Перри Барлоу впервые использовал термин «киберпространство» для того, чтобы дать полную картинку цифрового фронта, который еще только предстояло покорить. В 1994 году Кевин Келли, о котором мы уже говорили, закончил свою книгу “Out of control”, в которой автор увязал кибернетику с социальными идеалами «Новых коммуналистов». К примеру, одну из глав Келли посвятил понятию коллективного разума. Такого рода коллективность представляет собой, по мнению Келли, социальную систему, которая поддерживается обменом информации. Изобретение компьютера позволило понять внутренний порядок коллективного действия, и, в то же время, привело к возникновению коллаборативных социальных групп. Получалось, что компьютер является де-факто глубоко синонимичным явлением к изначальной природе вещей. Равно как и коммуны, компьютеры помогают своим пользователям приблизиться к «законам» природы. К примеру, Келли описывает муравейник или рой пчел как «параллельные операционные целые», которые действуют как «сети, сложные адаптивные системы, роевые системы или коллективные системы». ⁸²

Развивая свою мысль Келли обнаруживает, что атом, который был иконой науки XX века, был воплощением единичности, метафорой атомизированной индивидуальности, силы, знания и уверенности. Но сегодня, благодаря компьютеру и коллаборативным социальным практикам, атом более не является эмблемой. Атом – это прошлое. Символом науки XXI будет динамичная сеть. У сети нет центра, это совокупность точек,

82 K.Kelly. Out of Control. URL: <http://kk.org/mt-files/books-mt/ooc-mf.pdf> (дата обращения: 03.12.2014)

соединенных с другими точками, набор стрелок, которые извиваются как гнездо змей, с неопределенным размером и структурой, архетип, который репрезентует все связи, взаимосвязанность всех вещей: экономики, экологии, социума. По мнению Келли, сеть становится также и символом постфордистского экономического миропорядка. Реинтеграция человека и природы коснется и мира корпораций. В этом смысле Келли повторил путь «Новых коммуналистов», которые за 30 лет до этого также ушли от политической деятельности и обратились к коммерческой, как к главной площадке для возможных социальных перемен.

Американский бизнес все более активно вовлекался в тот мир, который демонстрировали инициативы Стюарта Бренда и в те возможности, которые представлял рынок персональных компьютеров. Сетевые формы производства, работа по контракту, аутсорсинг и децентрализованная деятельность становились нормой ежедневной экономической жизни. Это вызвало размышления о том, что появилась «новая экономика». Одним из первых эту мысль выразил Рональд Рейган в своем выступлении в Московском Государственном Университете, утверждая, что в новой экономике человек прорывается сквозь материальные условия своего существования в мире, где человек творит свою собственную судьбу. Это чувствовал и Бренд. В конце 80-ых он вместе с представителями медиалаборатории Массачусетского технологического института, Стэнфордского института исследований, менеджеров из Royal Dutch/Shell, Volvo, и AT&T, и рядом бывших «Новых коммуналистов» основал консультационную компанию Global Business Network. Компания помогала клиентам выработать общее мнение об их стратегическом положении и социальные и технологические инструменты для реализации своих целей. К примеру, для AT&T GBN провела исследование, которое показало, что в недалеком будущем рынок мобильных телекоммуникаций ждет

стремительный рост. По факту, системный подход Бренда, исповедуемая им теория сложности и его культурное значение в американской истории предоставляли клиентам убедительную матрицу для понимания экономики конца 80-ых и начала 90-ых годов, которая мир сталкивался с поистине революционными изменениями.

Для основателей GBN компьютерные сети служили инструментом, благодаря которому стали возможными конференции, рассылка новостных писем и сетевое сотрудничество. Клиентам – а это были, в основном, крупные транснациональные корпорации – это помогло в еще большей степени осознать возможную роль и место компьютера в новой экономике.

В 1995 году в свет вышел номер журнала Time, названный «Добро пожаловать в киберпространство». Номер содержал статью Бренда под заголовком «Всем этим мы обязаны хиппи». В статье Бренд утверждал, что революция персонального компьютера и Интернет выросли напрямую из наследия контркультуры. Компьютерные программы на деле реализовали идеалы персонализма и децентрализации при остром понимании трансформационного потенциала информации. По утверждению Бренда, в конце 60-ых и начале 70-ых годов компьютеры, по большей части, располагались в университетах и корпорациях, были инструментами, недоступными обществу. К началу 80-ых, однако, компьютеры стали настольными индивидуальными инструментами для человека. Понять мысль Бренда можно, вспомнив, например, рекламный ролик Apple Macintosh, которые позиционировал компьютер как устройство, способное свергнуть бюрократию и позволяющее достичь индивидуальной интеллектуальной свободы.

Возрастающая доступность компьютеров наслаивалась на коммерциализацию Интернета. В начале 80-ых годов предшественник Интернета APRANET де-факто принадлежал Агентству Министерства

обороны США по перспективным исследованиям (DAPRA) и представлял собой набор исследовательских и операционных систем, привязанных к военным разработкам. В 1990 году DAPRA перешло под контроль Национального фонда науки США (NSF). В 1995 году американское правительство приняло решение о передаче значительной части каналов NSFNet в общедоступное коммерческое использование. К этому времени произошло еще одно значительное событие: в 1990 году Тимом Бернерсом-Ли в рамках проекта Европейской организации по ядерным исследованиям была разработана Всемирная паутина, проект, который подразумевал публикацию гипертекстовых документов, связанных между собой гиперссылками, что облегчило бы поиск и консолидацию информации для учёных CERN. В том же году Бернерсом-Ли был изобретен Universal Resource Locator — универсальный указатель ресурса. Благодаря последнему пользователи Интернета стали по сути исследователи всемирного информационного пространства. До изобретения Всемирной паутины Интернет был местом для обмена текстовыми сообщениями. Теперь же он стал способом для публикации информации в различных мультимедийных форматах с быстрым доступом к доселе разрозненным кластерам информации. В 1993 году Марк Андерссен и Эрик Бина, работавшие в Национальном центре суперкомпьютерных приложений Иллинойского университета в Урбана-Шампейн, разработали новый веб-браузер Mosaic, который был общедоступен уже в ноябре 1993 года. По данным Тернера, в апреле 1993 года в Сети находилось 62 сервера, к маю 1994 их было уже 1248.

В 1994 году Эстером Дайсоном, Джорджем Гилдером, Джорджем Кивортом и Элвином Тоффлером был опубликован документ под названием “Cyberspace and the American Dream: A Magna Carta for the Knowledge Age”, который стал, по сути, манифестом новой эпохи, в котором переплелись

дискурс кибернетики, наследие контркультуры, либертарианская политическая идеология во имя отмены повышенного регулирования телекоммуникационной индустрии. По мнению составителей, динамическое знание становится ведущим ресурсом наступающей эпохи. При этом киберпространство, по сути, является скорее экосистемой, нежели машиной. В то же время, экосистемы и компьютерные системы модулируют друг друга и взаимопроникают друг в друга. Современное же положение Америки заключается в том, что она снова столкнулась с фронтиром – на этот раз, биоэлектронным, который пролегает в киберпространстве, которое представляет собой территорию чистого знания, и исследование этой территории может стать подлинным, высшим вызовом для цивилизации. Киберпространство принадлежит народу и должно управляться им. И для этого государство должно устранять барьеры в быстрорастущих компьютерной и телекоммуникационной индустриях. Позднее, в интервью с Кевином Келли Гилдер объяснял, что Интернет является метафорой спонтанного порядка.⁸³ Будучи в равной степени биологической и социальной системой, Интернет должен управляться изнутри. Государству нет места в этом управлении, оно будет осуществляться сетевыми иерархиями.

Схожего мнения придерживался и Джон Перри Барлоу, опубликовавший 8 февраля 1996 года «Декларацию независимости киберпространства». Как и другие популяризаторы и авторы наступающей «новой нормальности» Барлоу делал упор на том, что киберпространство является царством чистого разума, в котором индустриальные институты являются неповоротливыми и устаревшими гигантами. В киберпространстве, утверждает Барлоу, нет избранного правительства и вряд ли оно когда-нибудь появится. У этого пространства есть высший авторитет:

83 Gilder, *Men and Marriage*, vii; Bronson, "George Gilder"

оно говорит от имени самой свободы. Люди киберпространства создают мир, куда может войти каждый, мир, где все могут выражать свои идеи без страха увязнуть в тишине конформизма и гомогенности. В то же время правительство Соединенных Штатах принимает закон - Акт о реформе телекоммуникаций, - который отвергает Конституцию и оскорбляет мечты Джефферсона, Вашингтона, Милля, Мадисона, Де Токвиля и Брандеса. Эти мечты должны теперь заново родиться в людях киберпространства:

«Ваша все более и более устаревающая информационная промышленность желала бы увековечить свое господство, выдвигая законы, - как в Америке, так и в других странах - требующие права собственности на саму речь по всему миру. Эти законы провозглашают, что идеи - всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Для глобальной передачи мысли ваши заводы больше не требуются. Эти все более враждебные колониальные меры ставят нас в положение, в котором оказались в свое время приверженцы свободы и самоопределения, вынужденные отвергнуть авторитет удаленной единообразной власти. Мы должны провозгласить свободу наших виртуальных "я" от вашего владычества, даже если мы и согласны с тем, что вы продолжаете властвовать над нашими телами. Мы распространим наши "я" по всей планете так, что никто не сможет арестовать наши мысли. Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человеческой и честной, чем мир, который создали до того ваши правительства».⁸⁴

Бренд и его коллеги стали иконами тех социальных сил, жизнь и развитие которых они описывали, и в этом проявилось их культурное

84 J. P. Barlow. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html> (дата обращения: 01.01.2015)

значение. На краткосрочном уровне они помогли синтезировать те течения, благодаря которым стал возможен техноутопизм и взрыв Интернета в 90-ые годы. На долгосрочном уровне они легитимизировали технологии, теории и модели научных исследований в культурном контексте. Благодаря деятельности проекта «всей Земли» люди поняли социальную значимость цифровых технологий, сформировали видение себя и общества, их взаимосвязанности в наступающей эпохе. Благодаря введению социальных идеалов американской контркультуры в мир компьютерной индустрии и гибких организационных практик в мир стремительно развивающейся постиндустриальной экономики мечты «Новых коммуналистов» вошли в жизнь каждого человека через цифровые сети, освобождая людей, открывая их разум и сердца во имя подлинной человеческой самореализации.

Природа генезиса Интернета, Всемирной паутины, первых крупных компьютерных компаний раскрывается через контркультурный и коллаборативно-исследовательский истоки. Однако уже в конце 90-ых годов и в XXI веке Интернет существенно видоизменился, став естественной средой обитания как для крупных корпораций, которые постепенно коммерциализировали Интернет, который из бесконечного свободного пространства начал превращаться в бесконечный свободный рынок, так и для политических акторов. Помимо преимуществ, которые принесло распространение Интернета, человечество столкнулось и с недостатками нового миропорядка, в котором информационные войны, киберпреступность, глобальный терроризм, защита личного пространства и данных являются только верхушкой айсберга: меняется и сам человек.

По мере укрепления позиций Интернета и персональных компьютеров в жизни обычных людей, менялось и само киберпространство, во многом отклоняясь от изначально заложенного в него контркультурного потенциала. Уже в 70-ые годы, во время изобретения Altair BASIC, велись споры, должно

ли распространяться программное обеспечение бесплатно. В 90-ые годы, во время изобретение браузера Internet Explorer, этот вопрос поднялся снова. Создание файлообменной пиринговой сети Napster показало, что социальные идеалы равенства «Новых коммуналистов» могут привести к нарушению закона. Пример YouTube показал, что социальная иерархия не может быть разрушена, поскольку даже становясь популярными в Сети, выросшие в Интернете знаменитости так или иначе потом были вынуждены обращаться к звукозаписывающим студиям, испытывали давление со стороны мощных лейблов. Самая большая в мире онлайн-энциклопедия Википедия рано или поздно столкнулась с проблемой того, что процессы накопления, распространения и хранения знаний должны модерироваться проверенными людьми, что, как признался создатель энциклопедии Джимми Уэллс в интервью с Александрой Кротоски, создало смесь демократии и аристократии.⁸⁵ Это показало, что не разрушая иерархию вне себя, Интернет в то же время создает иерархию внутри себя, и пользователь может просто услышать от других пользователей: «мы не хотим видеть тебя здесь, уходи». Интернет-гигант Google столкнулся с тем, что бизнес должен окупаться, и был вынужден потеснить свои идеалистические контркультурные воззрения, чтобы в деятельности поисковика было место рекламе. Разработанная им модель взаимодействия с рекламодателями через сервис Google AdWords произвела революцию в рекламном бизнесе, но также и повысила цену за использование Интернета: при бесплатном доступе и постоянно улучшающемся развивающемся сервисе пользователь раскрывает все больше и больше информации о себе в Сети. Создание Facebook показало, что предположительное стремление людей к пространству чистого знания на деле может обернуться стремлением узнать последние сплетни, а сама

85 BBC : Виртуальная революция - Великое социальное равенство? <http://www.youtube.com/watch?v=1NRQJeDeEjg>

структура личных профилей в социальных сетях показывает, что человека можно свести к набору бинарных характеристик, которые нужны рекламодателям, но вряд ли помогут в деле чистого просветления. Вдобавок, создав такое понятие как «лента новостей», Facebook задал тренд, который в корне поменял мировоззрения и мышление человека, все больше сдвигая его от медитативного, мыслящего и линейного человека индустриальной эпохи, воспитанного на книгах и общей библиотеке образов к человеку эпохи «новой нормальности», с ассоциативным мышлением, который находится в постоянной цикличности и постоянном обновлении информации. Человек получил больше жизни, чем он может прожить и попадая в цикл, находясь под бомбардировкой информации, он начал тонуть в море данных. Совокупность цикла и обратной связи, так напоминающая труды Норберта Винера и воплощенная в корневом принципе практически всех социальных сетей, привела к еще одному интересному явлению: социальный капитал внутри киберпространства начал определяться через одобрение коллектива. Все это создало опасную ситуацию, когда человеческое «Я» может обернуться простым демографическим усредненным образом – пресловутый «рой» Келли просто зависает в воздухе, в нем каждый оглядывается друг на друга, и ничего не происходит.

Дискурс «новой нормальности» мог реализоваться только на основе трех технологических революций: изобретение Интернета, Всемирной сети и персонального компьютера. Все три революции произошли в Америке. Вдобавок, вся индустрия, выросшая на основе этих трех изобретений, воплотившими мечты «Новым коммуналистов» в жизни, по большей части все еще монополизирована американскими компаниями, подотчетными американскому государству.

Сама Америка, во многом благодаря этим изобретениям и на фоне развала советского блока и окончания Холодной войны окончательно

свыклась со своей ролью глобальной империи. С этим связана проблема цифрового утопизма: слепой веры в освободительную силу Интернета.

Поэтому логика выстраивания взаимоотношений американским государством с этими американскими изобретениями колоссально важна. К примеру, совсем недавно – в феврале 2015 года – продукция ведущих американских IT-компаний была исключена из китайского списка госзакупок. Ряд экспертов уже связали решение властей Поднебесной с желанием повысить уровень информационной безопасности после распространения экс-сотрудником АНБ Эдвардом Сноуденом информации о наличии шпионских программ в американском ПО. А с 1 марта 2015 года в Китае вступили в силу еще одни ограничения для пользователей интернета: к примеру, стало запрещено использовать ряд собственных имен в качестве ником в социальных сетях. Согласно центральной руководящей группе по вопросам информатизации и кибербезопасности целью нового пакета ограничений является борьба с информацией, которая «серьезно нарушает базовые социалистические ценности» или «нарушает общественные интересы». ⁸⁶

Вдобавок, в силу дискурса «новой нормальности» в случаях международных конфликтов с цивилизациями незападного образца именно по линии этой логики и выстраивается весь конфликт. По этой причине ключ к пониманию международных конфликтов в «новой нормальности», в которые вовлечены США, лежит в эволюции отношения правительства США к новым, высокотехнологичным и революционным онлайн-технологиям.

Известный журналист *Евгений Морозов* в своей книге под названием «The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom» пытался рассмотреть темную сторону тех свобод, которые принес Интернет. По мнению Морозова

⁸⁶ Обама и Путин запрещены в Китае. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2660408> (дата обращения: 28.03.2015)

тех, кто надеялся, что подлинная демократия вот-вот восторжествует во всем мире, в первом десятилетии второго тысячелетия ждало горькое разочарование: марш свободы, начатый в 80-ые годы, не просто перешел в стагнацию, но и возможно начал рецессию. Западу потребовалось много времени, чтобы понять, что битва за демократию на самом деле не была выиграна в 1989 году. После победы в Холодной войне казалось, что продукты мягкой силы США – MTV, Starbucks и Google – закрепят эту победу и превратят ранее коммунистические страны в классические демократии западного образца. Но эти ожидания оказались бессильны против сохранившихся и возникнувших авторитарных режимов, которые восхитительно умело адаптировались к новым условиям и глобализированному миру. Если прелести свободного рынка помогли в организации парада суверенитетов теперь уже бывших стран СССР, то этот же самый трюк не мог сработать с КНР: в конце концов, эта страна производит большую часть товаров для мирового рынка. Так называемые цветные революции, во многом устроенные людьми «новой нормальности», только укрепили самые авторитарные из бывших советских республик – Россия, Азербайджан, Казахстан – позволив им парадоксальным образом избавиться от своих слабых мест. В такой ситуации, отмечает Морозов, ясно сознавая глубокий интеллектуальный кризис своей внешнеполитической повестки дня, руководство США неизбежно ищет причин для уверенности в своих целях в недавнем крупном успехе: мирном распаде СССР. И в этом поиске многие скатываются в заблуждения и логические неувязки, принимая точку зрения, что поддержка диссидентов, гений Рональда Рейгана и потоки самиздата были большей причиной для развала Советского Союза нежели структурные причины. Эта точка зрения активно и уже долго время поддерживается и влиятельными СМИ. К примеру, в декабре 2014 The New York Times снова назвала оппозиционер Алексей Навальный «русским

диссидентом XXI века», аргументируя это тем, что он оказался первым российским активистом, начавшим использовать интернет в качестве эффективного инструмента «политического сопротивления». ⁸⁷

Эти же люди, оценивая современный мир через призму Холодной войны видят в Интернете волшебное средство для достижения подлинной демократии по всему миру, что-то вроде радио «Свободная Европа», только на стероидах. В конце концов, пользователи Интернета получают возможность узнать всю правду об их правительствах, нарушениях прав человека или прелестях демократии просто вбив поисковый запрос в Google. Иными словами, киберпространство становится тем местом, где Запад – и особенно США – стремятся продвигать идею демократии по всему миру. При этом, редко обращается внимание на парадокс, хорошо описанный Мерабом Мамардашвили: возникновение целой «индустрии» сознания, обслуживаемой «армией работников интеллектуального труда, породило в обществе специальную и все время раз растающуюся интеллектуальную функцию по производству сознания, искусственно преформируемого в своем содержании и стандартно размножаемого количественно в массе индивидов, охваченных жесткими идеологическими механизмами управления сознанием (механизмами массовой информации, рекламы, психологической «обработки умов» и т. д.). Причем в отличие от той массивификации мысленных актов и идеальных представлений, которая в традиционных, «сакральных» обществах осуществлялась мифологическими, религиознофетишистскими и тому подобными формами, в современном обществе трансляция и потребление «единиц» такого сознания реализуются в формах сугубо рациональных, имитируют способность рационального и автономного

87 Can the Internet Defeat Putin? Aleksei Navalny and Russia's Protesters Face a Tough Battle.
URL: <http://www.nytimes.com/2014/12/31/opinion/aleksei-navalny-and-russias-protesters-face-a-tough-battle.html?gwh=60698160E1B914815535A3F25B96926E&gwt=pay&assetType=opinion>
(дата обращения: 28.03.2015)

суждения, включаются в действие мысли, пользующейся средствами абстрактного рассуждения, критики и исследования, хотя и глубоко иррациональной и фетишистской по своему действительному содержанию и посылкам». ⁸⁸

Морозов обращает внимание на глубоко символическое значение того, что единственная крупная речь, посвященная идеям свободы, с которой выступила Хиллари Клинтон в январе 2010 года была речью посвященной свободе в Интернете. Морозов видит в этом свидетельство того, что подобно миру корпораций в 90-ые, мир политики в XXI веке также принял идею о революционной и освобождающей человека природе Интернета. Однако ровно так же как пузырь Интернета в экономике лопнул от неумелых и гигантских инвестиций в нулевые, так же и неумелые и неоправданные политические инвестиции в Интернет могут привести к резне. В этом вопросе очень четко видно, что Морозов выступает против того, что он называет кибер-утопизмом, наивной веры в освободительную природу онлайн-коммуникаций без учета их темной стороны. Этот утопизм действительно является заслугой контркультуры, которые стали моральными и культурными авторитетами для интеллектуального авангарда Америки 90-ых годов. И даже если этот утопизм оправдан, то история уже показала, что его трудно реализовать в западных странах с недемократическим контекстом. По сути, адепты кибер-утопизма по какой-то причине не смогли предугадать как авторитарные режимы будут оперировать в свободном

88 «М.Мамардашвили, Э.Соловьев, В.Швырев. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления). URL: <http://mamardashvili.com/files/pdf/rationality/08%20%D0%9A%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B6%D1%83%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%8F%20-%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%20%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%8F.pdf> (дата обращения: 13.12.2014)

киберпространстве, как полезно оно окажется для их пропагандистских практик и насколько разовьются и продвинулись современные цензурные практики. При всей гетерогенности, обилии и многообразии дискурса «новой нормальности» было бы чистым безумием считать, что те трансформации, которые он оказывает на этот мир – включая его политическое измерение – могут носить лишь гомогенный характер.

Одним из самых характерных примеров по совмещению протестных политических действий с новыми медиа являются протесты в Иране в 2009 году. Они послужили поводом для того, что член Совета по планированию политики Государственного департамента США Джаред Коэн отправил e-mail компании Twitter с просьбой отложить технические настройки своей платформы – чтобы работа блога не прерывалась во время протестов в Иране. Руководство Twitter согласилось, но публично выступило с заявлением, что это решение было принято самой компанией. Газета New York Times назвала этот e-mail «очередным рубежом новых медиа», который де-факто указывал на то, что блогový сервис, не существующий еще 4 года назад, теперь уже обладает возможностью поменять историю древнего исламского государства. Это не было первым вмешательством в операции новых медиа на фоне обостренной политической повестки дня: годом ранее тот же Джаред Коэн обратился через Facebook к Оскару Моралесу, который основал группу в социальной сети против действий Революционных вооружённых сил Колумбии. Американское руководство посчитало, что миллион протестующих, вышедших на улицы Колумбии в 2008 годы были заслугой действий Моралеса, и Коэн попросил его о встрече, чтобы узнать больше подробностей об организации протестных действий. Всего через несколько месяцев после этого Государственный департамент запустил международную организацию Альянс молодежных движений, целью которого было налаживание связей с «цифровыми революционерами». Однако

вмешательство Государственного департамента в работу Twitter на деле оказалось более серьезной историей, чем это может показаться.

Вмешательство было публичным, и несмотря на возможные угрозы для протестующих, руководство США де-факто публично осветило свою приверженность новым медиа как инструменту борьбы. Для иранского правительства этот шаг – и особенно то, как его освещали западные медиа – стал еще одним свидетельством тому, что Интернет – это не свободное пространство, но инструмент западных государств, который они хотят использовать для свержения текущего режима в Иране. Неудивительно, что всего спустя несколько месяцев после того, как протесты сошли на нет, иранское правительство сформировало совет из 12 человек по борьбе с киберпреступностью, задачей которого был поиск оскорбительной и ложной информации на иранских сайтах. Люди, ответственные за размещение такой информации, подлежали аресту. Благодаря обнажающей мощи новых медиа, иранской полиции нужно было просто пролистать несколько страничек в Twitter, чтобы идентифицировать людей, участвующих в протестах. Полиция также искала сочувствующих протестам иранцев, живущих зарубежом и отправляли им письма с угрозами через Facebook. В то же время глава иранской полиции, генерал Исмаил Ахмади Мохаддам, предупредил, что иранцы, призывающие своих сограждан выходить на улицы, совершают большее преступление чем те, кто непосредственно участвовал в протестах. Паспортный контроль в иранских аэропортах ужесточился: приезжающих и уезжающих иранцев, которые жили зарубежом, просили показать свой аккаунт в Facebook и выписывали всех подозрительно выглядящих друзей к себе в реестр. Однако действия иранского государства не ограничились лишь подавляющими и ограничительными мерами, оно также вполне воспользовались его возможностями, опубликовав в Интернете ряд призывов не выходить на улицы. А спустя некоторое время аятолла Алам Анди

приравнял обычную войну в кибервойне, в которой допустимы любые средства, даже если они противоречат шариату. Онлайн-издание Javan в ряде номеров обвинило Государственный департамент в попытке организовать революцию с помощью Twitter. Такие выступления упали на благодатную почву: в памяти иранцев еще живы были воспоминания о перевороте 1953 года, которые связывались с участием ЦРУ. В сознании обычного иранского населения связка агент ЦРУ – пользователь Twitter выглядела вполне логичной. Отсутствие лидера при этом делало протесты, проводимые через Twitter, в глазах иранского государств только более опасными и непредсказуемыми.

Однако Иран стал не единственным государством, которое с подозрением отнеслось к действиям Джареда Коэна. Китайская проправительственная газета People's Daily и многие другие китайские СМИ восприняли вмешательство Государственного департамента как сигнал о том, что цифровые революции, ставшие возможными благодаря высокотехнологичным американским компаниям, являются не спонтанными беспорядками, но тщательно спланированными действиями. Новостное агентство Xinhua News выразило точку зрения, что информационные технологии, принесшие столько выгоды мировому сообществу, в этот раз стали инструментом вмешательства во внутренние дела других стран.

Вся эта реакция на один-единственный e-mail – это тоже глобализация. Основанный на предубеждении, будто сервис Twitter действительно имел какое-то значение в организации беспорядков в Иране, один e-mail вызвал панику в Интернете по всему миру, политизировал практически все формы онлайн-коммуникации, поставил под угрозу цензуры свободу киберпространства, которое находилось во власти авторитарных или не вписывающихся в парадигму западной цивилизации государств. Действия американского истеблишмента де-факто сделало пользователей социальных

сетей фигурами уровня Владимира Ленина или Че Гевары. В итоге это привело к тому, что ряд «опасных революционеров» получили тюремные сроки, за ними начали устанавливать слежку или вообще вынудили просить убежища в других странах. Это ставит вопрос не только о целесообразности вмешательства государства в киберпространство, против чего так выступали Стюарт Бренд и его коллеги, но и более основательный вопрос: в какой же степени Twitter был ответственен за организацию протестов в Иране? В западных медиа долгое время превалировала точка зрения, что обычный блогерский сервис действительно помог в организации протеста. Действительно, в Twitter было опубликовано много сообщений иранскими пользователями после выборов. Однако были ли такие пользователи иранцами? Морозов ссылается на данные аналитической компании Sysomos, которые показали, что накануне выборов 2009 в Twitter было зарегистрировано 19 235 иранских пользователей. Однако уже в ходе протестов многие сторонники протестов в Иране начали менять место своей локации на «Иран», и стало почти невозможно сказать точно, сколько сообщений поступало из Ирана, а сколько – из Лос-Анджелеса или Брюсселя. По данным Моэда Ахмада, ответственного за новые медиа канала Al-Jazeera, на которые ссылается Морозов, во время протестов в Twitter было зарегистрировано всего 60 активных аккаунтов, локацией которых был указан «Тегеран». В то же время исследование, проведенное Pew Research Center, показало, что 98% сообщений в Twitter во время иранских событий действительно было посвящено протестам, однако они не были написаны иранскими пользователями. В такой ситуации, Twitter не столько организовал протесты, сколько сделал их публичными.

Реакция иранского государства на вмешательство Америки в свои внутренние дела показала, что дигитализация информации приводит к ее централизации: скомпрометировав себя, один пользователь компрометирует

всех людей, имеющих к нему отношение онлайн. Иранская история показала также, что вечносвободное киберпространство оказывается не совсем вечным и не совсем свободным, поскольку включает в себя технологический и человеческий аспекты, на каждый из которых можно повлиять. Более того, киберпространство может быть использовано людьми со злым умыслом.

Иранская история также дала повод для размышления другим государствам: созданные в США Интернет и Всемирная сеть распространились в мире через технологии, произведенные американскими же компаниями. Эти компании монополизировали мировой рынок компьютерных технологий и в ситуации, когда самая популярная социальная сеть в мире, самый популярный видеосервис, самые популярные почтовые сервисы и даже самый популярный в мире поисковик являются продуктами американских компаний, очень несложно представить себе ситуацию, при которой эти компании, будучи подотчетны законам США, в критической ситуации будут вынуждены подчиняться решениям правительства своей страны. Но речь идет не только о возможности такого подчинения: сбор информации о пользователях Facebook или Google или Amazon ради настройки эффективной целевой рекламы уже сам по себе является проблемой. Не нужно быть авторитарным государством, чтобы близко к сердцу принимать тот факт, что огромное количество данных о гражданах той или иной страны находится в руках у американской компании. Более того, такая циклическая привязка пользователей к американским сервисам приводит к тому, что коммуникационные системы других стран завязаны на американскую инфраструктуру. Такие условия поднимают вопрос «информационного суверенитета», который не может быть решен просто созданием местных сетевых сервисов. В качестве иллюстрации такого отношения можно привести недавнее заявление Владимира Путина:

«Вы же знаете, все это [интернет] возникло на первом этапе, на заре

интернета как спецпроект ЦРУ США. Так и развивается». ⁸⁹

Другим рубежом в истории кибер-утопизма Морозов называет уже упомянутую речь Хиллари Клинтон, посвященную свободе в Интернете. В речи де-факто признавалась выдающаяся роль Интернета в международной политике. Всего за неделю до выступления Google официально объявил о том, что рассматривает возможность ухода с китайского рынка, поэтому тайминг выступления был идеален. Целью выступления было установить свободу в Интернете как новый приоритет для американской внешней политики, где свобода в Интернете поддерживает мир и защиту, которые, в свою очередь, ведут к мировому процветанию. Инструменты, которые позволяют этим целям осуществиться, должны находиться в руках тех людей, которые будут бороться за продвижение демократии и идей прав человека по всему миру. Клинтон, что характерно, провела параллель между поддержкой свободы в Интернете и поддержкой советских диссидентов во время Холодной войны, с той разницей что реальные физические стены сменились стенами виртуальными, а вирусные ролики и посты в блогах сменили самиздат.

Всего через несколько месяцев группа чиновников собрала конференцию в Техасе с целью решить, как можно применить опыт Холодной войны в информационном XXI веке. Конференция возглавлялась Джорджем Бушем-младшим, который во время своего президентства относился к Интернету, по большей части, скептически. Однако сама конференция для него была мало связана с Интернетом самим по себе, она была просто переносом тезиса о свободе во всем мире в новые цифровые условия, где Интернет является могучим союзником. На конференции присутствовали те, кого Буш окрестил «глобальными кибердиссидентами» - блогеры из Сирии,

⁸⁹ «Раб на галерах»: яркие высказывания Путина за 15 лет. URL: <http://daily.rbc.ru/photoreport/26/03/2015/55141f889a7947aad814cdec/14.shtml>
(дата обращения: 28.03.2015)

Кубы, Колумбии и Ирана. На открытии Джеймс Глассман, президент Института имени Джорджа Буша-младшего, подчеркнул, что новое поколение диссидентов столкнулось с проблемой поиска эффективных форм киберкоммуникации, которые позволили бы развивать идеи человеческой свободы и прав по всему миру.

Таким образом, Морозов показывает, что интеллектуальное наследие опыта Холодной войны одинаково владеет умами политического истеблишмента Америки, от консерваторов до демократов. Гендиректор Российского совета по международным делам об отношениях Москвы с Западом и КНР Андрей КОРТУНОВ ввел для этого понятие «генетической памяти», утверждая, что «за годы, прошедшие с окончания холодной войны, избавиться от свойственных ей стереотипов так и не удалось. Внешней политикой все еще занимаются люди, сформировавшиеся во времена конфронтации с СССР». ⁹⁰

Это неудивительно: долгий период противостояния с советским блоком в XX веке крепко вошел даже в политический тезаурус США – от Империи Зла до Звездных войн – и этот тезаурус очень легко обновить, просто добавив к знакомым и родным терминам приставку «кибер-», эпитет «цифровой» или окончание «2.0». Самым злоупотребляемым как в США, так и в Европе термином, концептом времен Холодной войны становится Берлинская стена – по ассоциации с компьютерным термином «файерволл». Тезаурусный аппарат западных политиков – это не только отражения их бывшего опыта, это еще и начало нового опыта, потому что именно через такую призму будет концептуализироваться внешнеполитическая повестка западных государств сегодня и завтра. На фоне такого возможного упрощения подчеркивание политической мощи Интернета выглядит почти злое. Метафоры такого

⁹⁰ «Сейчас мы для Китая — "старшая сестра"». URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/19/riac/> (дата обращения: 28.03.2015)

рода, какими бы творческими они не были, создают иллюзию интеллектуального превосходства, рождая ложное чувство понимания проблемы, суть которой гораздо сложнее.

В полной мере влияние такой риторики испытал на себе Китай, чья Великая стена так соблазнительно ассоциируется с файерволлом. Интернет-политике Китая, состоящей одновременно из изощренной цензуры и роста влияния местных онлайн-сервисов в пике американским, практически не уделяется внимания. Проблема аналогии между Интернетом и самиздатом в том, что если последний действительно использовался, в основном, диссидентами, то первый является бесконечным и свободным пространством, где государственным службам безопасности, радикалам, проплаченным и проправительственным блогерам, гедонистам «рады» в той же степени, что и борцам за демократию. Сеть не видит различий, сеть есть пространство Сознания и Разума, бесконечный имманентный горизонт виртуального потока симулякров, и попытки монополизировать его всегда приводят к краху, какая бы сторона не предпринимала эти попытки. Не говоря уже о том, что многие проправительственные блогеры могут быть гораздо более радикальны в своей риторике, чем само государство – и никогда нельзя определить наверняка, делается ли это по заказу или независимо. В качестве примера Морозов ссылается на то, что анти-японские петиции в Китае являются самым вероятным предлогом для организации коллективных акций онлайн, а в конце 2006 года консервативные блоги критиковали Ахмадинежада за то, что он смотрел женские танцы на спортивном мероприятии зарубежом. Однако в данном случае оппозиция правительству не является демократической или отстаивающей права человека – ровно наоборот. При этом любой информационноцентричный подход к истории развала Советского Союза неизменно ведет к акценту на роли диссидентов, обычных протестующих, НКО и силе информационных потоков, что при полном

игнорировании структурных проблем СССР может привести к неверным внешнеполитическим решениям, которые, как в случае с подавлением иранских протестов, приведут к репрессиям и подавлению свободы слова и свободы киберпространства.

При прочтении материалов многих западных медиа об Интернете в России может создаться впечатление, что он используется исключительно во имя противостояния правительству. Однако использование Интернета в России мало чем отличается от использования Интернета в США или Европе: доминирование социальных сетей и развлекательного контента. С точки зрения авторитарных режимов, гораздо выгоднее не подавлять Интернет, но способствовать тому, чтобы население наслаждалось забавными видеороликами на Youtube и свободным рынком, таким образом не посягая на политическую монополию власти. Это и есть обновленная цензура XXI века: цензура эффективна тогда, когда она не требуется. Это продолжение логики дискурса постмодерна, где симулякры становятся главным способом отвлечения от реальности. Секрет в том, что устойчивая политическая активность в Интернете исходит от людей, которые были политически активны до и вне Интернета.

Для описания текущих взаимоотношений Интернета и государства в мире Морозов ссылается на творчество Оруэлла и Хаксли: мы живем в мире, где Китай внешне становится все более похож на США, где мобильные телефоны наводнили рынок, правительство запускает ряд инициатив жлектронного управления, а Starbucks успешно открывает свои отделения всем желающим; а США все больше становятся похожи на Китай внутренне, прослушивая собственных граждан и пытая террористов – конечно, не в таком масштабе, как Китай. В таком срезе «новая нормальность», ускоренная и раскрепощенная Интернетом, действительно начинает походить на удивительное смешение Оруэлла-Хаксли.

При этом те государства, которые по логике тех же «Новых коммуналистов» должны были распастся от самой природы киберпространства, на деле сохранили свой строй, структуру и даже являются активными пользователями Интернета – в своих целях. Более того, правильный сбор и распространение информации – практики политической коммуникации онлайн – становятся главным инструментом для выживания авторитарных государств. Президент Венесуэлы Уго Чавес пользовался Twitter так же активно, как и президент США Барак Обама, всего через месяц после регистрации собрав около полумилилона подписчиков, что сделал его одним из самых популярных иноязычных политиков в Twitter (который запускался, как англоязычный сайт). Позднее в ряде интервью Чавес заявлял, что Twitter – это его секретное оружие, которое вовсе не является капиталистическим инструментом, поскольку Интернет принадлежит не только буржуазным государствам, это площадка для идеологической битвы. Переход, который совершил Чавес – от отрицания Интернета к решению использовать его в своих интересах – характерно для большинства вторичных режимов. Возникающее усилием авторитарных государств от России до Азербайджана пространство получило название Спинтернет – тот участок Всемирной сети, подвергнутой легкой цензуре и мощной изобретательной пропаганде. Таким образом, век новых медиа, с характерными для него фрагментацией публичного дискурса и децентрализации контроля, привел к возникновению новых политических практик и пространств. В случае с Китаем это отразилось в практике найма так называемых «сетевых детективов», которых китайское государство приглашает к участию в расследовании и устранении последствий тех или иных происшествий (чаще всего, природных катаклизмов). В этом выразилось не только глубокое понимание того, что проблемы с общественным мнением в Интернете должны решаться через Интернет и

инклюзивные практики «новой нормальности», но также и тот факт, что правильное использование Интернета становится для государства еще одним источником легитимности. Эти же принципы использовала Южная Корея в своей кампании вокруг затонувшего корабля «Чхонан», когда правительству требовалось доказать, что корабль был потоплен северокорейской торпедой: были отобраны 20 пользователей Twitter, 10 блоггеров, 30 студентов журналистики, 5 представителей Интернет-сайтов и 5 чиновников, каждый из которых открыто и публично участвовал в расследовании инцидента. Возникающие практики показывают, что авторитарные правительства понимают сущность эффекта Барбары Стрейзанд и решаются использовать его с выгодой в дополнение к государственной повестке дня.

Россия в этом смысле не отстает от зарубежных коллег, умело используя появившиеся возможности. По мнению Морозова, никто так не демонстрирует изощренность политики, проводимой Кремлем в Интернете, как Константин Рыков. Будучи радикалом в 90-ые, сегодня Рыков инкорпорирован во властную элиту по всем вопросам, связанным с Интернетом. Он являлся автором ряда проектов вроде zarutina.ru, которые призывали Владимира Путина избраться на третий срок в 2008 году, сетевых порталов вроде dni.ru или vz.ru, основателем известного онлайн-телеканала Russia.ru, выпускающий откровенно проправительственный контент. Одной из самых его ярких кампаний стала раскрутка фильма 08.08.08, посвященная грузинскому конфликту 2008 года. Создатели вместе с Рыковым активно использовали все каналы дистрибуции, включая цифровые, поощряя пиратство и горизонтальное распространение по социальным сетям. Рыков отлично понимает, что блоковая цензура в Интернете не срабатывает, поэтому он использует пропаганду как флюгер, сливая огромные потоки информации, которую можно направить в нужное русло. Он сумел убедить в ряде случаев и российское руководство в том, что прямая блокировка информации только

вредит репутации при своей полной неэффективности – и благодаря этому Россия может улучшать свой репутационный имидж просто не цензурируя Интернет. Вдобавок, ряд молодежных прокремлевских движений – от «Молодой Гвардии» до «Наши» - также активно пользуются Интернетом,⁹¹ позволяя вести пропагандистские практики на всех уровнях медиа: раз традиционные медиа подотчетны законодательству – и, таким образом, правительству – то Интернет в России все еще является относительно свободным пространством и любое вмешательство в это пространство чиновников приведет к негативному результату.

В то же время, это не равносильно полностью свободному пространству: в 2012 году был принят закон о реестре запрещенных сайтов. С тех пор Роскомнадзор заблокировал в рунете более 52 тысяч страниц, а по данным «Роскомсвободы» — в десять раз больше, свыше 500 тысяч страниц.⁹² А «Закон Лугового» ввел с 1 февраля 2014 года механизм досудебной блокировки сайтов, которые содержат «призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в публичных массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка» и т.п.

Природы Интернета такова, что его движение действительно мало поддается государственному регулированию и определяется его обитателями. Однако если правильно воспитать определенную прослойку молодежи и привлечь на свою сторону выдающихся интеллектуалов, которые по тем или иным причинам решили поддержать правительство – то государству и не нужно вмешиваться. Их сетевые сторонники сделают всю работу, не выходя за рамки дискурса Интернета. Что же касается собственного участия государств

⁹¹ См. <http://www.mr7.ru/articles/112478/>

⁹² Как устроен Роскомнадзор Даниил Туровский изучил работу главного цензурного ведомства России. URL: <https://meduza.io/feature/2015/03/13/kak-ustroen-roskomnadzor> (дата обращения: 28.03.2015)

в жизни киберпространства, то многие авторитарные режимы активно нанимают западные PR-агентства для обучения различным изоциренным коммуникационным практикам.

Вдобавок, как мы уже отчасти показали выше, государство обладает всеми ресурсами для инкорпорации представителей своих силовых структур в киберпространство. Если раньше работа КГБ или ЦРУ находилась в ресурсных рамках, а операции по слежению или прослушиванию потенциально опасных социальных элементов были дорогостоящими и трудоемкими, то теперь эти операции стали доступными как никогда. Они же стали и эффективными как никогда раньше, поскольку пользователи в большинстве своем не представляют, как важна та информация, которой они делятся с друзьями каждый день, испытывая иллюзию анонимности.

Однако темная сторона свободы в Интернете не ограничивается только реальным участием государства в его делах. Она также прочно связана с ростом глобального терроризма – от расистского до религиозного – ведь теперь ранее разрозненные движения получили бесплатную и эффективную инфраструктуру для взаимной коммуникации, слежения за противником и рекрутинга новых адептов. В начале 2010 года, например, отделение Братьев-мусульман в Египте запустили сайт, посвященный истории их движения. На момент создания на сайте располагалось около 1700 статей, направленных на то, чтобы познакомить молодых членов движения с историей. Разумеется, количество статей постоянно увеличивалось. Сервер, на котором работал сайт, был расположен в США, что не позволило египетскому правительству прекратить его работу. А в России экстремистское движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) в свое время создало портал, на котором на онлайн-карте Волгограда можно было отмечать места, в которых проживают нелегальные иммигранты. Конечно, эта карта служила не для того, что бы лучше пронять процессы урбанизации в России. А китайские

«сетевые детективы» - к примеру, «система поиска человеческой плоти» - не только занимаются воссоединением семей или порицанием коррумпированных чиновников, но и массовой травлей людей, проявивших себя не лучшим образом. Широкую огласку, например, получил случай преследования студента Грейс Уонг, которая накануне Олимпийских игр в Пекине убеждала своего друга в социальной сети попытаться лучше понять жителей Тибета. Из-за этого она подверглась целому шквалу угроз и оскорблений, а кто-то даже опубликовал адрес ее родителей, которые в результате были вынуждены переехать. Онлайн сообщество крайне импульсивно и эмоционально, перейдя из состояния атома в роевое, сетевое, волновое состояние и имея в руках такое опасное оружие как киберпространство и информация, оно может служить очень большой угрозой в одних случаях и спасителем – в других.

Споры вокруг сути Интернета не новы, человечество сталкивалось с ними при изобретении телеграфа, радио, киноиндустрии телевидения. После того как в 1920-ые годы американские политики радовались политико-просветительскому эффекту радио, этим же самым радио воспользовалась нацистская Германия Адольфа Гитлера, посторив одно из самых опасных государств в истории. Как говоит сам Морозов: «Аса Бриггс и Питер Берк отмечали в своей «Социальной истории медиа», что эпоха радио стала эпохой не только Рузвельта и Черчилля, но также Гитлера, Муссолини и Сталина. То, что множество диктаторов извлекли из радио пользу, умерило всеобщий энтузиазм по поводу этого СМИ, а его коммерциализация оттолкнула тех, кто надеялся на то, что радио сделает публичные дискуссии серьезнее. Нетрудно представить, какой была бы реакция Лазарсфельда на деятельность Раша Лимбо. <...> В 1940 году Бакминстер Фуллер, американский изобретатель и архитектор, превозносил достоинства “телефонной демократии”, при которой станет возможным телефонное голосование по всем значимым вопросам,

встающим перед Конгрессом». ⁹³

По мнению Морозова, основная проблема Интернета, в том, что он может угрожать как государству, так и общественной жизни. Но в то же время он может реализовывать идеалы «Новых коммуналистов». И в своем отношении к «новой нормальности» нужно учитывать обе стороны медали. Если встать на такую позицию – Морозов называет ее киберреализмом – то внезапно окажется, что ответ на поднятые в этом разделе очень прост: Интернет не есть благодетель или безжалостный хаос, Интернет есть просто инструмент. В рамках заявленной темы исследования нам важно узнать, как этим инструментом могут пользоваться государства – особенно во внешнеполитических столкновениях. Об этом мы и расскажем в следующей главе.

93 *E.Morozov, The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom – Public Affairs, 2011. – С. 288*

Глава II. НАСТУПЛЕНИЕ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

«Ибо в дальнейшем выяснится, что с этого момента все крупные конфликты мировоззрения, политики, искусства, знания, чувства стоят под знаком указанной антитезы. Чем является цивилизованная политика завтрашнего дня в противоположность культурной политике дня вчерашнего? В античности риторикой, на Западе журналистикой, находящейся к тому же на службе у той абстракции, которая репрезентирует мощь цивилизации, — денег. Это их дух незаметно проникает во все исторические формы жизни народов, зачастую вовсе не меняя их и не разрушая. <...>. Однако влиятельные партии являются лишь по видимости средоточиями решительных действий. Все решается ограниченным количеством превосходных умов, чьи имена в данный момент, пожалуй, даже и не относятся к известнейшим, тогда как внушительная масса политиков второго сорта, раторов и трибунов, депутатов и журналистов, весь этот ассортимент, по мерке провинциальных горизонтов, поддерживает в самых низах иллюзию самоопределения народа. А искусство? Философия? Идеалы платоновского и кантовского времени относились к высшему человечеству вообще; идеалы эллинизма и современности, главным образом социализм, а также внутренне состоящий с ним в кровном родстве дарвинизм со всеми своими столь основательно негётевскими формулами борьбы за существование и искусственного отбора, родственные с этим в свою очередь женский вопрос и проблема брака у Ибсена, Стриндберга и Шоу, импрессионистические склонности анархической чувственности, весь пучок современных тоскливых вождлений, прелестей и скорбей, выражением которых является лирика Бодлера и музыка Вагнера, — все это предназначено не для мирочувствования деревенского и вообще естественного человека, но исключительно для столичного мозгляка».⁹⁴

94 О. Шпенглер. Закат Европы. — М.: "Мысль", 1993. — С.168

2.1 Политическая коммуникация в «новой нормальности»

Революционеры, не умеющие соединить нелегальные формы борьбы со всеми легальными, являются весьма плохими революционерами.

Детская болезнь "левизны" в коммунизме ⁹⁵

В.И. Ленин (1920)

Как уже было показано выше, «новая нормальность» качественно модифицирует формы организации, сущностное наполнение и сам облик политического пространства.

Поскольку данная глава нацелена на то, чтобы показать, как политическая наука реагировала и трансформировалась под влиянием «новой нормальности», мы сосредоточимся на том, какое звучание приобрела политическая коммуникация, при новом миропорядке более чем когда либо отвечающая за артикуляцию, легитимизацию и реализацию политических решений тех или иных акторов.

По утверждению А.И. Соловьева, «следует учитывать, что в рамках политической сферы используемые совместно понятия «информационные» и «коммуникационные процессы» не одинаковы по значению. Так, первое, в основном, характеризует технико-организационную сторону обменных процессов. И в этом смысле информационные процессы рассматриваются как технологическая основа политической коммуникации. Сюда входит не только содержание сообщений, но и средства передачи информации, степень плотности потоков сообщений и другие аналогичные параметры, от которых непосредственно зависит качество коммуникации. Что касается понятия «коммуникации», то оно охватывает все аспекты субъективированного восприятия, истолкования и усвоения людьми информации, все грани

⁹⁵ В.Ленин. Детская болезнь "левизны" в коммунизме. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1920/leftwing/11.htm> (дата обращения: 15.05.2015)

процесса установления осмысленных контактов между отправителями и получателями политической информации и ее применения в соответствии с намерениями субъектов».⁹⁶

Таким образом, место и значение «информации» и «коммуникации» в политике определяется теми политическими функциями, которыми они обладают. Наиболее укоренившимся значением информации в измерении политических коммуникаций стало не ее онтологическое значение, но утилитарное: как отмечал П.Шеннон, информацией могут считаться только сообщения, благодаря которым человек может разрешить ситуацию выбора альтернатив своего поведения. Иными словами, политическая информация – это такая информация, которую человек отбирает из потока разнообразных сведений для подготовки и принятия тех решений, которые вовлечены во властные отношения и лежат в основе политических решений и поступков. При таком подходе политика рассматривается как форма информационно-коммуникационного процесса, формирующегося при распределении общественных ресурсов и статусов во властных отношениях.

Впервые такое представление о политическом пространстве как пространстве потоков информации и коммуникационных контактов было выдвинуто Карлом Дойчем в его работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (Нью-Йорк, 1963). Американский ученый предложил концепцию дейтократии (информационная элита), при которой, однако, политическая система обладает высокой автономностью, а каждый политический институт и механизмы власти обладают собственными возможностями проводить политические решения в пространстве потоков информации. При этом, их эффективность деятельности определялась их способностью к упорядочиванию поступающей информации.

Впротивовес подобному «социальному» течению политологии ряд

⁹⁶ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.9

теоретиков подчеркивали технические аспекты информационно-коммуникационного дискурса в политике. Немецкий политолог Г.Шельски в 60-ые годы разрабатывал идею «техницистского» государства, которое было направлено скорее на обеспечение и расширение «власти аппаратуры», нежели на реализацию социальных интересов общества. Такой подход наделяет политику свойствами рационального инструмента по урегулированию конфликтов. Развивая эту линию, ряд политологов (Р.Джонсон, Д.Мичн и др.) опирались на концепции информационного общества и утверждали гиперрационалистические трактовки политических коммуникаций (к примеру, по их мнению, компьютерная техника является ключевым элементом в урегулировании политических конфликтов, борьбе с голодом и пр.).

Обе теории обладали изъянами. Как уже было показано в разделах выше, человек XX серьезно менялся как психологически, так и социально, ментально, постоянно возникали новые и менялись его традиционные социальные роли. В то же время, политическая коммуникативистика предпочитала сосредотачиваться на изменении властных отношений – и максимум – на их влиянии на социальное пространство общества.

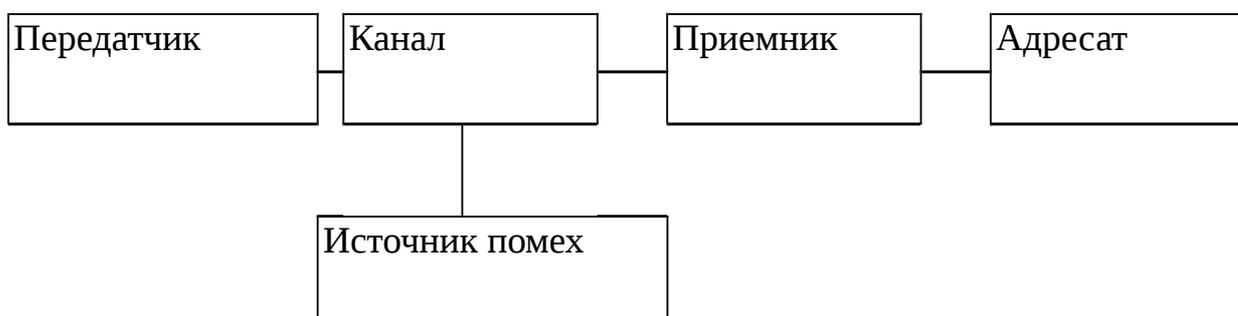
Это было замечено Юргеном Хабермасом и рядом других ученых. По мнению Хабермаса, изменения в «человеческом» материале политических коммуникаций как минимум равнозначны изменениям в других элементах политики. Логично утверждая, что сфера политического все еще представлена людьми, которые суть не гиперрациональные сущности (к примеру, политическое решение того или иного актора может быть принято вопреки полученной информации и пр.), это направление политической коммуникативистики делает акцент на собственно коммуникационных действиях человека.

Как утверждает Соловьев, в результате взаимодействия различных

теорий и моделей, постепенно выкристаллизовалось два наиболее общих подхода к изучению политических коммуникаций:

- 1) *Информационный подход* к анализу коммуникаций, включая политические, который, в известной степени, является переложением кибернетических подходов к изучению информационных процессов на политическую науку. В этом подходе всегда делается акцент на внешние условия, внимание человеческому аспекту не уделяется. Сами же коммуникации представляются как «все возможные соприкосновения одного сознания с другим», сопровождающие любые информационные обмены (У. Уивер).

В несколько упрощенном виде такая модель коммуникации выглядит следующим образом:

- 2) *Социальный подход*, делающий упор на человеческий аспект коммуникации. Этот подход был укреплен целым рядом эмпирических исследований, в первую очередь, работами Г. Лассуэлла, которые показали принципиальное значение субъекта для возникновения процесса коммуникации. В этом подходе коммуникация стала рассматриваться как результат удачного завершения попытки отправителя войти в контакт с получателем.

В несколько упрощенном виде такая модель коммуникации выглядит

следующим образом:

В рамках политического пространства такой подход означал, что установление коммуникации дает политическому актору возможность регулировать течение конфликтов, управлять ими, укреплять свои политические статусы, повышать легитимность своих решений, добиваясь нужного эффекта от транслируемых сообщений. Эту модель можно немного развить до состояния: «Актор – Информация – Источник информации – Канал - Реципиент – Изменение поведения Реципиента – Эффект, выгодный Актору», которая отличается большим вниманием пропагандистской обработке сообщения.

Поскольку политические коммуникации – особенно когда их инициатором выступает государство – гораздо чаще носят массовый характер, чем остальные виды, перед политологией встала проблема классификации совокупностей сообщений. На сегодняшний день наиболее общепринятым является классификация таких совокупностей на *инфопотоки* (информационные трафики, исходящие из разных источников) и *дискурсы* (целенаправленные потоки сообщений по поводу тех или иных целей). Второе включает в себя такие способы организации дискурсов как политическая реклама, пропаганда, агитация и пр.

Как подчеркивает Соловьев, в политическом пространстве наблюдается движение от инфопотока к дискурсу:

«Однако обслуживая политические контакты конкретных акторов, взаимодействующих между собой по тому или иному поводу, информационные потоки неизбежно обретают некую упорядоченность и в

конечном счете способствуют поддержанию относительно устойчивых целенаправленных коммуникаций. Вызванные к жизни действиями определенных коммуникаторов и реципиентов, характерными для них каналами связи, а также обладающие содержательными отличиями, эти формы общения порождают качественно иное состояние информационно-коммуникационных процессов, которые можно определить как информационно-коммуникационные поля». ⁹⁷

Следующим уровнем организации потоков информации выступает политическая *инфосфера*, которая формировалась поэтапно через возникновение языковых и письменных форм общения, изобретение книгопечатания, технических, а затем и электронных средств передачи сообщений. Политическая коммуникация подвергалась качественной трансформации на всех этапах, кроме первых двух (поскольку возникла хронологически позднее): «если изобретение языка и письменности не повлияло на политические коммуникации, поскольку данная сфера власти возникла в более поздний исторический период, то появление книгопечатания, а затем технических и электронных (в том числе новых, виртуальных) форм передачи сообщений существенно видоизменило политическую сферу. Изобретение телеграфа, телефона, радио и особенно телевидения показало, как радикально меняются возможности не только усиления координации коллективных действий, но и трансформирования самого процесса принятия государственных решений, управления обществом. Следует согласиться с теми, кто полагает, что интенсивность развития как государства, так и гражданского общества сегодня непосредственно зависит «от плотности и открытости коммуникаций», меняющихся в результате трансформации способов доставки и

97 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.32

распространения информации».⁹⁸

Политическая коммуникативистика в силу своей утилитарной направленности склонна более стратегически рассматривать всю совокупность участников коммуникации, нежели школы и теории, рассмотренные нами в предыдущих разделах. Включение третьего класса в политическое пространство и последующее развитие политических институтов (институт выборности, политические партии и пр.) со временем обеспечило устойчивую схему двустороннего информационного взаимодействия между политической элитой и избирателями. Однако возрастающая плюрализация общества, его дефрагментация и усложнение государственной сферы привели к возникновению различных инфополей, которые диверсифицировали власть политических коммуникаций. Политическая коммуникативистика встала перед проблемой изучения новых игроков на рынке, которые включали в себя лоббистские группы, представительства бизнеса, PR-агентства. На фоне этого, по мере развития индустриального общества, идеологическая борьба политических группировок как во внешних, так и во внутренних коммуникациях теряла свой изначально непримиримый и взаимоисключающий характер и в информационном поле все больше устанавливалась культура консенсуса, возник институт общественного мнения:

«Эти базовые ценности выполняли роль метакодов для элитарных и неэлитарных кругов, облегчавших общение и усиливавших целостность и политического, и информационного поля. Одновременно эти процессы положили начало и интенсивному межкультурному и межгосударственному сотрудничеству. В рассматриваемую историческую эпоху население получило возможность производить информационные продукты, в частности, в виде общественного мнения, которое стало принципиально важным для

⁹⁸ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 34

системы организации власти и развития информационного поля». ⁹⁹

Если индустриальная эпоха, в первую очередь, разнообразила способы организации информационный потоков, полей и дискурсов, то наступающая информационная эпоха отличается качественным преобразованием содержания этих потоков, полей и дискурсов, поскольку информация становится важнейшим капиталом и ресурсом, влияющим на характер трансформации политических институтов.

Однако «самым примечательным фактом, свидетельствующим о начале новой информационной эпохи, оказалась возможность искусственного (цифрового) создания (моделирования) происходящих событий и формирования виртуальных образов мира и соответствующих информационных полей. В результате информационное пространство стало комбинированным: оно содержит отображение как реально происходящего в действительности, так и сотворенного человеком. Таким образом, реальные события соседствуют с искусственными изображениями мира политики. Появление этих виртуальных образований (симулякров — Ж.Бодрийяр) ведет к имитации политической реальности, ее маскировке, а в конечном счете — к созданию некоего вневременного континуума видео-имитационного мира или, другими словами, гиперреальности, полностью творимой человеком. О таком исходе уже предупреждали многие ученые. По их мнению, возможность фабрикации фактов (в том числе и политических) приведет к тому, что она полностью заменит реальность. И хотя такое состояние информационного поля еще не наступило, уже сегодня видно, что характерная для индустриального общества политика «гражданских репрезентаций» сменяется многочисленными формами «репрезентации политики» (С. Пшизова)». ¹⁰⁰

⁹⁹ Там же. – С. 37

¹⁰⁰ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.42

Множественность репрезентаций приводит к размытию реальности. Однако в политической коммуникативистике – в противовес постмодерну – считается, что такая размытость не отупляет, но настораживает аудиторию, вырабатывая в ней устойчивый скепсис к как минимум политической информации:

«Такая культурная установка в конечном счете ведет к тому, что люди отказываются соотносить политические тексты с реальностью. Исходное сообщение прочитывается человеком через другой текст, например, внутреннюю идеологическую установку, мнение комментатора, советы знакомого и т.д. А в информационном поле возникает эффект двойного кодирования сообщений, означающий сугубо индивидуальное, заданное собственными воззрениями прочтение публичного текста, снятие лично значимой информации с помощью сообщения. <...> Многообразие информации, смесь иллюзорности и действительности, возможность свободного выбора индивидом критериев оценки событий создают особую культуру восприятия информации. И главное, что индивидуальность восприятия отрицает установку на выработку общего для всего населения (идеологического) метакода, универсального восприятия политической информации. Именно культурное своеобразие индивида определяет его возможности в прочтении политических текстов и восприятии сведений. При этом виртуальное содержание информации, как правило, ограничивает рациональное восприятие человеком политических сведений, стимулируя произвольность прочтения тех смыслов и значений, которыми она наполнена. Благодаря электронной технике человек получает возможность воспринимать мир во всей полноте его проявлений, получить информацию не только о прошлом, но и о настоящем и будущем. Как и в далеком прошлом, сегодня он возрождает для себя ценности целостного восприятия мира».¹⁰¹

101 Там же. – С. 43-44

Поскольку главными поставщиками информации и контента, а также основными агентами установления коммуникаций пока еще остаются СМИ, в политологии все чаще используется термин «медиакратия», подчеркивая, таким образом, способность информационного поля трансформировать сферу политики и возрастающее подчинение распределения властных полномочий законам движения информации.

При этом подчеркивается известная самостоятельность СМИ, которые выступают элементом сразу нескольких социальных систем (представительства интересов общества и его участия в политическом пространстве, посредничества элиты и электората во властных отношениях, структуры управления обществом и пр.). В системе представительства интересов общества стиль работы СМИ претерпел значительные изменения, поскольку, например, в избирательных циклах аудитория все больше обращает внимание не на идеологическую платформу кандидатов, а на то, как кандидаты изображаются в информационном потоке. В свое время это и дало повод для беспокойства Бодрийяру, поскольку эти изображения кандидатов могут быть попросту симулякрами, не имеющими отношения к действительному портрету кандидата или политического события – но при этом реально влиять на жизнь общества. Следовательно, по мере возрастания набора инструментов для подобного имиджевого маневра, возрастает и проблема дистанцирования СМИ от интересов политических группировок. С другой стороны, СМИ, как пока еще главные поставщики самого ценного и властного ресурса «новой нормальности», так или иначе оказываются вовлечены в систему властных отношений. Таким образом, в том или ином контексте СМИ оказываются в известной зависимости или от общества или от государства.

И хотя СМИ обладают рядом важнейших функций (например, функции присвоения статуса социальным проблемам и формирования повестки дня,

которая влияет на принятие государственных решений), вопрос эффективности СМИ ставится в политической коммуникативистике достаточно остро:

«..в 1960-е годы, когда в теории «минимального эффекта» утверждалось, что СМИ влияют только на тех, кто постоянно обращается к их информации. Причем, как показали исследования П.Лазарсфельда и Б.Берельсона, послания СМИ могут вступать в конфликт с уже обретенными суждениями, нормами или эмоциональными установками, на которые ориентируются люди. Не случайно Дж.Кланнер в книге «Эффекты массовой коммуникации» писал, что люди используют информацию СМИ в основном для подкрепления своей позиции. А Б.Коэн полагал, что СМИ не столько влияют на общественное мнение, сколько устанавливают пункты повестки дня разворачивающегося в социуме дискурса. Позже еще более упрочился дифференцированный подход к оценке воздействия СМИ на человека. Так, американцы А.Фестингер и Н.Маккаби предложили даже теорию «сопротивления убеждающей коммуникации», полагая, что индивид обладает высокой защищенностью от такого типа информирования. А Дж.Зеллер указывал на то, что влияние СМИ с увеличением числа сообщений и интенсификацией коммуникационных связей может спадать, поскольку человек просто не успевает реагировать на этот вал информации. Усиления же их воздействия можно ожидать лишь при согласовании и сходстве позиций коммуникатора и реципиента, совпадении характера информации с традициями, архетипами и культурными нормами реципиента. Так что постепенно ученые пришли к мнению, что СМИ в большей степени усиливают мнения граждан, чем изменяют их суждения и тем более поведение (О.Киф, С.Патерсон, Д.Макквэйл)». ¹⁰²

Постепенно возникла и теория 5% (Э.Роджерс), согласно которой важно

102 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.81-82

убедить только 5% граждан, которые суть критическая для общества величина, а дальше целенаправленные потоки информации отойдут в сферу волонтарного, горизонтального и фольклорного распространения информации, своего рода «растекания» по всем уровням социальной организации общества. Информация, полученная таким образом, не будет вызывать скептицизма у реципиентов, поскольку они будут получать контент от «доверенных лиц».

В свое время эту характеристику распространения информации подмечал и один из основоположников PR Эдвард Бернейс:

«Современная пропаганда учитывает не отдельную личность и даже не массовое сознание, но структуру общества, состоящую из пересекающихся групп и связей «лидер – последователь». Человек рассматривается не просто как клетка социального организма, но и как составляющая социальной единицы. Коснитесь нервного окончания в чувствительной точке, и вы вызовете произвольную реакцию определенных членов этого организма».¹⁰³

Эта идея получила новое, актуализированное значение с появлением и расцветом социальных сетей. Этот же концепт используется в большинстве социокогнитивных практик политического манипулирования. Вдобавок, Роджерс предлагает небезынтересную классификацию категорий граждан по их роли в таком распространении: «инноваторы» (способные схватывать идеи на лету), «ранние принимающие» (в основном, это лидеры мнений), «раннее большинство» (те, кто раньше основной массы воспринимает новые идеи), «скептики» и «поздние принимающие» (с разной степенью подозрения относящиеся к новым представлениям).

При возрастающем изобилии ролей субъектов политического рынка и в условиях известной трансформации информационного общества

¹⁰³ Э. Бернейс. Пропаганда. URL: http://propagandahistory.ru/books/Edvard-Berneys_Propaganda/3 (дата обращения: 28.03.2015)

государство, ради эффективного решения проблем, вынуждено сочетать публичные и теневые методы информационного воздействия. Меняется и устоявшиеся формы взаимодействия государства и медиасистемы:

«По мере развития демократии и перехода общества к постдемократической организации власти и информационного пространства появляются новые тенденции во взаимоотношениях государства и СМИ. Как уже говорилось, характерные для этого этапа процессы интенсификации информационных обменов, увеличение скорости прироста информации и богатства информационных услуг, сужение публичных отношений государства и общества изменяют возможности и самих СМИ, и государства. Средства массовой информации все больше ориентируются на применение технологий шоу-бизнеса, приоритет развлекательного начала в политическом информировании, что снижает качество общественных дебатов и вытесняет аналитическую прессу на обочину массового интереса. Усиливается и манипулятивный потенциал СМИ. Такого рода факты и тенденции нередко ведут к несбалансированной подаче информации, подрыву демократических ценностей, демобилизации электората, нарастанию отчуждения граждан от политики. Государство не может препятствовать нарастанию коммерциализации СМИ, концентрации собственности на информационном рынке. Не может оно и целенаправленно воздействовать на политически заданную тональность действий СМИ или сохранение общественно значимого сегмента в их сообщениях. Государство сталкивается с совершенно новыми для себя проблемами (например, необходимостью легализации «цифровой подписи», перестраивания своих функций в режиме «государства on-line» и «электронного правительства», ослабления контроля за централизацией собственности в информационной сфере, постоянного технического переоснащения публичной сферы, правового обеспечения интеграции информационных структур, оказывающих услуги на рынке

телекоммуникаций, и т.д.). Все это свидетельствует о снижении уровня государственного регулирования информационного пространства». ¹⁰⁴

При столкновении политических интересов выделяются несколько самых насыщенных способов политической коммуникации: пропаганда, агитация, PR, политическая реклама, информационный лоббизм.

Пропаганда отличается необходимостью нерерывного распространения ценностей и целей, которые позиционируют политических акторов в пространстве властных отношений. Принципиальным, при этом, является качество и содержание таких идей, а не целенаправленный характер пропаганды. Таким образом, путем пропаганды вполне можно просто информировать общество, не побуждая его на те или иные действия. При этом пропаганда носит односторонний характер. Из указанной специфики вытекают и особенные, только этому типу коммуникации присущие, техники коммуникации, которые отличаются эмоционально насыщенными способами информирования, насыщенность символическим значением (чтобы эмоции не подавляли содержание, а выступали в унисон), апелляция к тем оценкам, которые разделяет большинство (во имя максимальной экспансии), широкий набор манипулятивных практик.

Агитация, напротив, всегда направлена на стимулирование поведенческой активности людей, создает определенный набор символов, которые станут предпосылкой для политического поведения реципиента.

Что касается остальных указанных способов поддержания и проведения политической коммуникации, то Соловьев указывает, что политическое значение PR, политической рекламы, информационного лоббизма «в современном мире растет столь стремительно, что некоторые ученые и политики уже сегодня называют наиболее распространенные из них — пиар и политическую рекламу — пятой властью. <...> Но главное, что все

104 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.215-216

маркетинговые коммуникации могут складываться и способствовать информационному сопровождению (продвижению) товара только в определенной части политического пространства, а именно в условиях политического рынка, создающего для них необходимую среду обитания. <... > В условиях виртуального мира, гиперреальности, усиливающих позиции источника информации, а также позиции коммуникатора, способного фабриковать и конструировать исходные сообщения, рыночные механизмы действуют иначе, чем в экономике. Зачастую здесь не только и не столько предложение является ответом на спрос, но активно используются прямо противоположные способы, когда спрос стимулируется и создается предложением. <...> Будучи ареной конкуренции различных сил, политический рынок представляет собой, как правило, весьма неоднородное пространство, в котором взаимодействуют группы с различными интересами, взглядами, ресурсами, склонностями к коммуникации. Разнородность рынка обычно принимают в расчет при проведении специальных акций и кампаний, и прежде всего при выборах». ¹⁰⁵

В рамках рынка политических коммуникаций принято выделять 4 ролевые модели: заказчик, эксперт, исполнитель и потребитель. Базовой коммуникационной единицей, через которую проходят контакты агентов на политическом рынке, является политический имидж («целенаправленно создаваемый образ политического товара, который направлен на его позиционирование и обеспечение устойчивого присутствия в информационном пространстве»), с основе которого чаще всего лежат нормативные и идеальные представления общества.

Среди способов установления политических коммуникаций на таком рынке ведущее положение занимает *политический PR*, в случае с которым, однако, специалисты затрудняются найти точное определение этой

105 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.125-126

деятельности (насчитывается вплоть до 450 дефиниций). Усредненно политическая PR-деятельность понимается как комплексная рыночная деятельность по организации коммуникационного пространства на основе управления информационными потоками. PR является динамичное развивающейся деятельностью в силу повышающейся международной интеграции политических структур и общего усложнения информационного глобального общества. При этом, PR, будучи субъектом рыночных отношений, в отличие от пропаганды и агитации отличается большей социальной направленностью, нуждающийся в поддержке потребителей: «развитие пиар-коммуникаций продолжается, они обретают новые черты, что обусловлено усилением международных связей политических структур и усложнением организации мирового политического процесса. Постоянно совершенствуются технологии и механизмы политического и корпоративного пиара. В политической сфере пиар стал профессиональным видом информационной деятельности. Коммуникационные технологии политического пиара в значительной степени социально ориентированы. Как и в бизнесе, где предприниматели со временем почувствовали, что доходы зависят не только от вложения в производство и хозяйственную деятельность, а нуждаются в поддержке покупателей, в политике по мере развития электоральных процессов ориентация на формирование нужного общественного мнения стала едва ли не основной. Расширение поддержки, повышение легитимности придали пиару устойчивую ориентацию на формирование благожелательного климата, помогающего не только реализовать конкретные цели, но и сохранить после завершения проекта позитивное отношение к его действующим лицам. Постоянный рост взаимозависимостей в мире политики повлиял на пиар-коммуникации, они больше нацелены на формирование отношений с широкой социальной аудиторией. При этом сохраняется ориентация на

конструирование доброжелательных отношений между организацией и общественностью». ¹⁰⁶

В силу указанной специфики PR носит сквозной характер, стремится – в нормативе – установить долговременные доверительные отношения в рамках политического проекта (как внутренние, так и внешние), выходить за организационные и временные рамки такого проекта. В результате PR-деятельности – опять же, в нормативе – создается системный информационный тарфик, подразумевающий организацию как ситуативных, так и стратегических коммуникационных отношений. Разумеется, подобные нормативные кооперативные установки противоречат, в некоторой степени, принципам и природе политического рынка, где кооперация и взаимовыгода вступают конфликт с конкурентным устройством политического пространства.

По стилистике несколько выделяется PR в государственном управлении, который социокультурно детерминирован и опирается на традициях восприятия государства в конкретной стране. Считается – как и в случае с усиливающей функцией СМИ – что в данном случае PR может только оптимизировать и модерировать уже имеющуюся имиджевую традицию.

Специфика *политической рекламы* определяется тем, что сегодня она, по сути, является составной частью любого политического продукта. По утверждению Маклюэна, реклама стала «ироничным языком» политического диалога, связывающего, таким образом, элиты и избирателей. Политическая реклама направлена на ознакомление аудитории с тем или иным политическим товаров под таким углом, чтобы создавать активный спрос на такие товары. Ее также можно интерпретировать как форму искусственной стимуляции потребления.

Информационный лоббизм как способ коммуникации, находится

¹⁰⁶ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.140

уровнем ниже, поскольку является продуктом деятельности групп вторичного политического влияния (лобби). Несмотря на то, что эта организация дискурса в России развита еще меньше чем остальные (до сих пор нет внятного законодательства о лоббизме и пр.), рассмотреть его очень полезно, в силу его жестко инструментальной направленности. Информационный лоббизм чаще всего разворачивается ситуативно – адхократично - и в очень узком сегменте политического пространства (даже не сфера принятия решений, а ключевые лица принятия решений). Реализуется лоббизм чаще всего в теневом или полутеневом режиме – в отличие от публичности ранее указанных способов организации коммуникации. Следовательно, общество для лоббизма является максимум косвенным соучастником коммуникации (используется как ресурс, когда необходимо), а массовые коммуникации почти не используются.

В политической коммуникативистике обращается внимание и на политическое измерение проблемы бинарной включенности (если опираться на концепцию Кастельса). В силу того, что включение в глобальное информационное общество становится важным источником накопления информационного капитала, такое включение – поскольку политическая сфера есть конкурентная сфера – становится предметом политических сделок и конфликтов:

«Удешевление информационных товаров и образование на основе новейших технических достижений межконтинентальных коммуникационных каналов и сетей не только интегрирует информационное мировое пространство, но и создает болезненные противоречия между двумя группами стран и организаций регионального характера. С одной стороны, это западные страны, настаивающие на сохранении порядка свободного потока информации и ее продаж на мировом рынке. С другой — это страны, заинтересованные в большем продвижении собственной продукции и

сдерживании глобализации информационного рынка ТНК. В 1960—1970-х годах такого рода государства сформировали движение «За новый международный информационный порядок», ставившее целью борьбу против «информационного империализма», за интеллектуальную и информационную деколонизацию. Численное превосходство этих стран позволило даже включать такие требования в документы ООН. Западные государства ответили на эти действия собственными демаршами. В 1980 г. в ответ на резолюцию ЮНЕСКО о поддержании мер по регулированию потоков новостей и культурной продукции, распространяющихся через национальные границы, США в знак протеста вышли из этой организации».

107

И хотя подобные противоречия несколько снимаются темпами прогресса постколониальных и развивающихся стран, вопросы об информационном суверенитете все еще не исчезли. В сфере внутренней политике это отображается в том, что правительства пытаются одновременно сохранить культурную специфику общества, адаптируя его при этом к глобальной информационной магистрали. При этом любопытно отметить, как в такой международной информационно-коммуникационной системе (МИКС) меняется устройство политического инфопотока:

«Информация в МИКС обладает универсальным характером, поскольку предназначена для широкой социальной аудитории. Однако публичность и массовый характер МИКС определяют наличие особого типа распространения информации. Чтобы стать потоком сообщений с открытыми для всех смысловыми границами, она претерпевает вполне определенные изменения. Этот способ ее трансформации обусловлен взаимодействием политических сил, использующих информацию для реализации своих интересов. <...> Но даже став «новостью», «политический факт» может быть

вытеснен на периферию зрительского интереса. Однако если он вызывает устойчивый интерес населения или же в его дополнительном освещении заинтересованы некие политические силы, данный факт обретает статус постоянно присутствующего в новостной политике сюжета, т.е. «темы». «Тема» предполагает уже более широкий набор информационных инструментов для поддержания должной коммуникации, например, освещение смежных вопросов, многочисленные комментарии, проведение журналистских расследований, аналитические исследования вопроса и т.д. Можно вспомнить, например, многомесячное освещение трагедии на Дубровке, гибели атомной подлодки «Курск» и т.д.».¹⁰⁸

В условиях международного столкновения политических интересов, иными словами, в геополитическом пространстве самым насыщенным способом организации коммуникации является *информационная кампания*. Поскольку в геополитических конфликтах мы имеем дело с самым властным, конкурентным и архаичным (по содержанию) сегментом политического пространства (к примеру, есть все основания считать, что международные отношения все еще протекают в русле взаимодействия метанарративов, по крайней мере, во внешнем, феноменальном проявлении). Такой способ организации как никакой другой критически нуждается в интенсивном и систематическом информационном подкреплении и гибкого сворачивания всей деятельности, поскольку международные конфликты чаще всего ситуативны.

Соловьев предлагает представить информационную кампанию как «заранее спланированный комплекс взаимосвязанных коммуникационных действий, специально разработанных для обеспечения конкретных целей коммуникатора путем целенаправленного воздействия на общественное мнение и позиции контрагента. Эта трактовка акцентирует внимание на

108 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.68

важности базовых показателей информационной активности политического актора, без которых он не может достигнуть стоящих перед ним задач: целенаправленности, комплексности и согласованности предпринимаемых действий. В то же время она позволяет отличить осуществляемые здесь действия и от единичных, и тем более от спонтанных акций в политико-информационном пространстве. Таким образом, к кампаниям нельзя относить действия, сходные с ними по внешним признакам. Например, выступления отдельных СМИ с той или иной позицией еще не являются показателем наличия информационной кампании, если не дополняются иными акциями других игроков на политической арене, а их действия не носят согласованного характера». ¹⁰⁹

Монолитный и предзаданный, конвенциональный характер информационных кампаний подразумевает ее ограничение во времени. Из ресурсов, которые включатся в разработку таких кампаний, прежде всего следует учитывать коммуникационный потенциал общественности (как своей, так и контрагента, так и глобальной).

Самым распространенным типом информационных кампаний являются *информационные войны* – самая острая форма конфронтации в информационном пространстве. Ее специфика определяется стремлением акторов политической коммуникации непрерывно расширять то информационное пространство, которое находится под их контролем, увеличивая, таким образом, пространство своего коммуникационного влияния. Соловьев отмечает, что подлинным адресатом информационных войн является не оппонент, а некий «третий» (инстанция, принимающая решение – в «новой нормальности» под «третьим» все больше понимается глобальное общественное мнение, давлению которого вынуждены подчиняться политические акторы). На апелляции к «третьему»

109 Там же. – С 242

обосновываются все информационные атакующие действия. При этом, механизмом активации «третьего» является «большое событие»: террористический акт 11 сентября 2001 года, Майдан, сбитый малайзийский Boeing и т.д.

Попытку сформулировать полновесную коммуникационную теорию власти принял и **Мануэль Кастельс** в своей книге «Communication power». Развивая темы, обозначенные в исследовании «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», где он скорее разбирал процессы «новой нормальности», Кастельс теперь фокусируется на ее субъектах.

Он выделяет два типа могущественных акторов информационного общества: «программисты» и «операторы», где первые создают программное обеспечение сети, коды, которые определяют успех или поражение любого действия, а вторые соединяют различные сети с помощью имеющихся у них необходимых кодов передачи и протоколов коммуникации. Помимо этого, Кастельс разбирает и функции медиа, которые, будучи источниками социетальной коммуникации (той, которая может охватить общество в целом), обладают способностью формировать общественное мнение. Ученый, опираясь на данные ряда исследований, приходит к выводу, что возрастающая централизация роли медиа в пространстве коммуникации и информации приводит к дальнейшей делегитимизации институтов политики, что наравне с падением доверия общества к государству ведет к кризису его демократического устройства. При этом политика в «новой нормальности» все больше становится медиаполитикой, которая по своему существу тяготеет к персонализации и скандалам.

В дополнение к массовой коммуникации Кастельс выделяет новый тип *массовой селф-коммуникации*, которая стала возможна благодаря блогам, платформам web 2.0 и которая позволяет распространять сообщения по обширной аудитории практически любому человеку. Этот новый тип

коммуникации позволяет социальным движениям – движение против изменения климата или правозащитные организации - создавать собственную коммуникационную инфраструктуру и приобретать влияние в глобализованном обществе.

Чем более сложным становятся наши информационные системы, чем более взаимосвязанными они становятся, тем больше от современного человека требуется умение поиска, сопоставления и перекомпоновки информации. Разумеется, это требует должного воспитания и обучения – не в смысле навыков, но в смысле творческого подхода, готовности к постоянной эволюции и адаптированию к изменениям в организации общества, его технологий и повышения уровня знаний. В то же время, задачи более низкого уровня – по большей части, производственные – все больше отдаются на откуп машинам или дешевой рабочей силе из развивающихся стран. Кастельс отмечает, что тенденции таковы, что дешевая рабочая сила сможет стать бинарно включенной в «новую нормальность», только если покажет свою способность к коллаборативным действиям и умениям, указанным выше. Таким образом, бинарный характер информационного глобального общества отражается и на его рынке труда, где само-программируемые работники отделены от обычных работников.

Что касается первых, то они существуют в мире, где присутствуют три формы коммуникации: межличностная, массовая и массовая селф-коммуникация. Однако они не существуют по отдельности, они сосуществуют, взаимодействуют, не заменяя, но дополняя друг друга. Аккумуляция всех трех форм в сложносоставной, интерактивный и цифровой гипертекст, который включает, смешивает и перекомпоновывает весь набор культурных выражений взаимодействия человека – именно этот процесс является историческим новшеством, имеющим значительные последствия для социальной организации и культурной сферы человека.

Изменения качества коммуникации кроется в трех существенных изменениях:

- 1) *Технологическом*, которое проявляется в дигитализации информации, появлении компьютерных сетей и развивающемся программном обеспечении;
- 2) *Организационном и институциональном*, которое характеризуется обширной коммерциализацией медиа за последние два десятилетия, глобализации и концентрации медиабизнеса в конгломератах и глобальных сетях; сегментации, кастомизации и диверсификации медиарынков с опорой на культурную идентификацию местной аудитории; формирования мультимедийного бизнеса и, как следствие, возрастание конвергенции между телекоммуникационными, компьютерными, медиа- и интернет-компаниями; в свою очередь, такая конвергенция стала возможна благодаря институциональным изменениям и изменениям политик в ряде государств, с их либерализацией, приватизацией, отказом от регулирования нерыночными способами появляющейся новой экономики;
- 3) *Культурном*, которое обусловлено параллельным развитием глобальной культуры и множества культурных идентичностей, одновременным развитием коммунизма и индивидуализма; при этом, способность или неспособность создавать протоколы коммуникации между двумя этими формами определяет возможность или невозможность коммуникации между ними.

Каждый из этих компонентов влияет на социальные отношения, в первую очередь, властные, которые также во многом начинают определяться подобной мультимодальной коммуникационной системой. Наряду с властными акторами, социальные также начинают пользоваться возникшими коммуникационными мощностями для защиты своих интересов и

установления определенного баланса отношений между собой и институтами, которые эти мощности контролируют. Мультимодальность новой коммуникационной системы существенно меняет и рынок медиа: Кастельс отмечает, что телевидение осталось главным глобальным СМИ, однако, его формат и способы доставки контента существенно поменялись в сторону персонализации, поскольку люди перестают смотреть телеконтент по телевизору, основным носителем становятся или персональный компьютер или мобильные устройства. Это новое коммуникационное королевство опирается на компьютерные сети, цифровой язык и интерактивных поставщиков контента, распространенных по всему миру.

Возрастающий интерес медиакорпораций в онлайн-формах коммуникации убеждает нас в значении новой формы социатальной коммуникации, которую Кастельс определяет как массовую селф-коммуникацию. Такая коммуникация связывает между собой глобальную аудиторию через равные взаимодействующие сети и доступу в Интернет, такая коммуникация мультимодальна за счет дигитализации контента и общедоступного программного обеспечения. Она сама производит свой контент, сама определяет направление дистрибуции среди аудитории, которая сама решает, хочет она получить этот контент или нет.

В новом мире власть представляет собой нечто большее, чем коммуникации, как и коммуникация – нечто большее, чем власть. Кастельс считает, что власть заключается в контроле над коммуникацией. В этом смысле массовая коммуникация во многом задается, формируется и модерируется властными отношениями, которые складываются между медиабизнесом и государством. Таким образом, коммуникационная власть становится сердцем структуры и динамики общества.

Кастельс выдвигает гипотезу о том, что самой фундаментальной формой власти является возможность формировать человеческое сознание.

То, как мы думаем и чувствуем определяет то, как мы действуем – индивидуально и коллективно. Побудительное влияние на человека – легитимное или нет – является главным источником власти. Но как складывается власть в сетевом обществе? Ученый предлагает нам рассмотреть возможные источники власти в нашем мире и связать их со структурными изменениями сетевого общества, трансформацией коммуникационной системы и взаимодействием между эмоциями, сознанием и политическим поведением.

Пространство, где складываются властные отношения, изменилось по двум направлениям: оно, во-первых, зависит теперь от взаимодействия глобального и локального и, во-вторых, оно организовано не вокруг единичности, но вокруг сети. Поскольку сети множественны, властные отношения специфичны для каждой отдельной сети, но фундаментальная форма реализации власти остается неизменной: это власть включения\исключения из сети.

Власть является самым фундаментальным процессом в общества, поскольку общество определяется своими ценностями и институтами. Что возведено в ранг ценности и что стало институтом – то и подчиняется властным отношениям. Власть – это возможность соотнесения, которая позволяет социальному актору ассиметрично влиять на решения других социальных акторов в том виде, который соответствует его воле, интересам и ценностям. Власть проводится через средства влияния и принуждения или через создание смыслов на базе того дискурса, через который он проводит свои действия. Властные отношения оформлены доминированием, которое заключено в институтах общества. Таким образом, возможность соотнесения власти подвержена влиянию структурной возможностью доминирования. Иными словами, власть есть не ресурс, но отношения. Она не может быть вычленена из конкретных отношений между субъектом и объектом власти.

Ассиметричность таких отношений, однако, не подразумевает тотального доминирования одного актора над другим. Таким образом, два базовых механизма формирования власти – это *насилие* и *дискурс*, сущность которых была в равной степени удачно сформулирована Максом Вебером и Мишелем Фуко соответственно. Кастельс соглашается с Хабермасом, что процесс легитимизации власти является ключом для установления доминирования того или иного актора. Легитимизация же в значительной степени опирается на согласие, достигнутое в результате конструирования разделенного всем обществом значения: например, веры в представительную демократию. Однако подобное конструирование значения есть, по сути, процесс коммуникативного действия. Иными словами, возможность общества вырабатывать подобный контент через публичную сферу создает возможности для легитимизации власти (здесь власть понимается как репрезентации ценностей и интересов граждан, выраженных через их обсуждения в публичной сфере). Возможность артикуляции различных интересов и ценностей через демократический процесс и через коммуникационные сети де-факто является предикатом институциональной стабильности государства. Вместе с конституционной возможностью подавления коммуникативные ресурсы по производству значений составляют властные отношения.

Кастельс утверждает, что подобный эклектический подход позволяет четко показать классическое различие между «властью над» (*транзитивная* власть) и «властью по отношению» (*интранзитивная* власть), которое было предложено Толкоттом Парсонсом. Потому что, если предположить, что все социальные структуры основаны на властных отношениях, внедренных в институты и организации, включенность социального актора в стратегию по отношению к некоторой цели будет означать вмешательство в набор властных отношений, которые формируют конкретный социальный процесс и условия

достижения конкретной цели. Наделение властью социальных акторов не может быть отделено от их надления властью против других социальных акторов. К такому положению довольно близка, несмотря на ее классовый анализ, теория гегемонии Антонио Грамши.

Таким образом, общество - это не просто сообщество людей, разделяющих общие ценности и интересы. Общество – это противоречивые социальные структуры, вовлеченные в конфликты и переговоры между разнообразными и зачастую противоборствующими социальными акторами. Эти конфликты никогда не прекращаются, они только приостанавливаются на время отдельных договоров и контрактов, которые действуют в институтах доминирования теми акторами, которые достигли выигрышной позиции в борьбе за власть. Платой за такую победу является допущение некоторой доли институциональной репрезентации во имя плюрализма ценностей и интересов. Институты, организации и дискурсы, которые задают и регулируют социальную жизнь общества, никогда не являются выражением общества, они являются кристаллизацией властных отношений, «обобщенных социетальных средств», по Парсонсу, которые позволяют акторам осуществлять власть над социальными акторами во имя достижения своих целей.

Логика доминирования, как уже было сказано, может осуществляться также и дискурсивно. Дискурс – его мы будем понимать как Мишель Фуко, то есть, совокупность знания и языка – всегда подкреплён возможностью насилия, вдобавок, насилие государства всегда рационализировано и легитимизировано теми дискурсами, которые задают и формируют человеческие действия. Главными источниками таких дискурсов являются институты религии, университеты, элиты и медиа. Чтобы включиться в борьбу за власть, требуется производить альтернативные дискурсы, которые обладают потенциалом оспорить главенствующий дискурс государства и, как

следствие, нейтрализовать его возможность использовать насилие.

Однако, если властные отношения пролегают в конкретных социальных структурах, которые выстроены на основе пространственно-временных образований, и эти пространственно-временные основания более не располагаются на преимущественно национальном уровне, а делятся на глобальные и локальные, то границы общества меняются, и также меняются границы властных отношений, простираясь за границы государства. Кастельс подчеркивает, что речь идет не об исчезновении национальных государств, но о том, что национальное измерение властных отношений становится только одним из многих. Но это, разумеется, влияет на национальное государство, превращая его в сетевое государство.

С учетом указанных выше изменений, Кастельс предлагает считать общество множеством пересекающихся и взаимодействующих социо-пространственных сетей власти, которые взаимодействуют на локальном, национальном и глобальном уровнях. В исторической перспективе государство – будь оно национальным или каким-либо другим – сможет функционировать как привратник сетевой интеракции, обеспечивая некоторую стабильность конкретным конфигурациям взаимодействия таких сетей власти. Однако в условиях глобальной «новой нормальности» государство и само становится лишь узлом в масштабной политической и институциональной сети которая занимается настройкой социальных практик по всему миру. Если в этом процессе один из узлов оказываются ненужным для достижения целей сети, то она переконфигурирует себя, удаляя ненужные узлы и добавляя новые, поскольку узлы выступают лишь составляющей частью сети. В социальной сфере такие сети выступают как коммуникативные структуры, проводящие через свои узлы временные и пространственные потоки сообщений. Функционирование сети задается программой, которая включает в себе цели существования сети и правила ее

функционирования. Такая программа состоит из кодов, которые включают в себя оценку эффективности и критерии успеха или поражения тех или иных действий. В социальных и организационных сетях социальные акторы, артикулируя ценности и интересы и во взаимодействии с другими социальными акторами, являются источниками создания и программирования сетей. После того как сеть запрограммирована, она оперирует в режиме селф-конфигурации, руководствуясь целями и процедурами, прописанными в ее операционной системе. Взаимодействие сетей между собой – в рамках содружества или соперничества – основывается на их способности к взаимной коммуникации, которая зависит от наличия кодов передачи информации и протоколов коммуникации, а также от наличия доступа к «переключателям», точкам, соединяющим сети между собой.

Как уже говорилось в предыдущей главе, сети работают в бинарной логике включения/исключения. Внутри сети расстояние между узлами стремится к нулю, поскольку каждый узел напрямую связан с каждым другим узлом. Таким образом, сети - это сложные структуры коммуникации, построенные вокруг набора целей, которые одновременно обеспечивают единство цели и гибкость их исполнения благодаря адаптивности к условиям эксплуатации. Такие структуры постоянно эволюционируют в поиске все более эффективных сетевых договоренностей. Однако здесь Кастельс снова выступает против кибер-утопизма, указывая на то, что сети взаимодействуют не в полностью горизонтальной, а в вертикально-горизонтальной логике, поскольку первая сталкиваются с материальными ограничениями для своей реализации. Эти ограничения связаны с ограничением доступа к технологиям. Достигая определенного размера, сложности и объема проходящих через нее инфопотоков сети становятся все менее эффективными в сравнении с вертикально организованными структурами, основанными на

принципах контроля и подчинения.

Наибольшая эффективность сети как организационной формы в «новой нормальности» определяется ее *гибкостью*, *масштабируемостью* и *выживаемостью*. Гибкость заключается в возможности переконфигурации в зависимости от меняющегося окружения, сохранении цели вместе с заменой компонентов внутри себя и способности обходить заблокированные точки в каналах коммуникации в поиске новых соединений. Масштабируемость сетей состоит в их способности сжиматься и расширяться без потери функциональности. Выживаемость присуща сетям в силу их децентрализации и широкого набора возможных конфигураций, которые позволяют сохранять в рабочем состоянии узлы и коды операций, поскольку эти коды хранятся во множестве узлов, которые могут репродуцировать инструкции и искать новые возможные пути функционирования при уничтожении узлов. Сеть может быть элиминирована только при уничтожении точек соединения.

Сетевое общество есть общество, чья социальная структура строится вокруг сетей, работающих благодаря цифровым информационным и коммуникационным технологиям. Социальные структуры таких обществ являются организационными договоренностями людей в отношении производства, потребления, репродуцирования, опыта и власти, выраженных в смысловой коммуникации, которая кодируется культурой. Благодаря возможностям сетевого устройства сетевое общества есть общество глобальное. Специфика исторического момента заключается в том, что хотя и далеко не все население мира включено в сети, они, тем не менее, задают те социальные практики, которые влияют и на людей, невключенных в сеть: финансовые рынки, транснациональное производство, управление и дистрибуция товаров и услуг, само-программируемый и ориентированный на знание и компетентность труд, наука и технологии, система высшего

образования, СМИ, Интернет и Всемирная паутина, культура, искусство, наднациональные государственные и экономические объединения, даже социальные движения и НКО – все эти элементы современной жизни организованы как глобальные сети. Исключение из этих сетей равносильно структурной маргинализации в глобальном сетевом обществе.

Международные отношения в этом смысле пролегают в трех измерениях:

- 1) На уровне глобальной архитектуры самореконфигурируемых сетей, которые постоянно программируются и репрограммируются властными отношениями;
- 2) На уровне взаимодействия различных геометрий и локаций сетей, которые включают в себя деятельность по формированию жизни и работы общества;
- 3) На уровне вторичной интеракции между доминирующими сетями и геометриями и локациями тех сетей, которые остались за бортом глобальной сетевой логики.

Поскольку сети - как на уровне локальной геометрии, так и на уровне глобальной архитектуры – оперируют через цели, ценности и интересы, Кастельс предполагает, что именно тот, кто обладает властью в конкретной сети, обладает также и монополией на право решать, что ценно, а что – нет. Однако такое решение должно опираться на социокультурную традицию тех социальных акторов, которые будут включены в данную сеть. На уровне глобальной архитектуры происходит межкультурная коммуникация – так соединяется глобальная и локальная логика информационного общества. Через какие протоколы происходит такая коммуникация?

Кастельс выдвигает теорию, согласно которой общая культура глобального сетевого общества есть культура протоколов коммуникации, которые делают возможной коммуникацию между разными странами не на

основе общих ценностей, но на основе общей ценности самой коммуникации. Иными словами, новая культура заключается не в содержании, а в процессе, примерно таким же образом как демократия подразумевает собой не идеологию, но процедуру. Глобальная культура есть культура коммуникации ради коммуникации. Она представляет собой бесконечную сеть культурных значений и смыслов, которые не только сосуществуют, но и взаимодействуют, осуществляют культурный взаимообмен.

Она кроется в вере – как верили в то Иммануил Кант, Марсель Мосс и Стюарт Бренд – в силу сети и синергии на основе безвозмездного дара, где каждый получает и дарит подарки всем. Кастельс подчеркивает, что речь идет не об изощренной трансформации капитализма на основе сети, не об идеалистических предположениях о мире без границ и стран, речь идет о процессе, в рамках которого осознанные социальные акторы различного происхождения делятся своими ресурсами и убеждениями с другими, ожидая получить взамен то же самое – и даже больше: опыт знакомства с изобильным и разнообразным миром, освобожденном от страха перед инаковостью.

На уровне национальных государств этот процесс протекает через три основных механизма:

- 1) Национальные государства объединяются в наднациональные сети – политические вроде Европейского Союза или торговые вроде Таможенного союза, или военные вроде НАТО.
- 2) Усилиями государств наш мир оплетен сетью международных и наднациональных организаций, которые занимаются или вопросами мирного сосуществования (ООН) или более специализированными вопросами (ВТО, МВФ, Всемирный Банк и пр.)
- 3) В ряде продвинутых и развитых стран все больше властных

полномочий делегируется различным НКО и местному самоуправлению.

Государство при этом постепенно превращается в сетевое – участника реального процесса по принятию политических решений, который осуществляется в интерактивной сети между национальными, наднациональными, интернациональными, региональными и местными и гражданскими институтами власти. В ходе этого процесса сетевое государство сталкиваются с рядом координационных проблем, среди которых особо можно выделить геополитическую: увидев выгоду в имеющихся ресурсах сетевого управления глобальными процессами, национальное государство может решить продолжать руководствоваться традиционными политическими принципами, которые включают в себя максимизацию прибыли такого национального государства и приоритизацию интересов истеблишмента такого государства.

Кастельс выделяет 4 формы власти в таком обществе:

- 1) *Власть сетевых связей* заключается во власти акторов и организаций, включенных в сети, которые составляют сердце глобального сетевого общества, над коллективами и людьми, которые не включены в глобальные сети. Это реализация бинарного принципа сети.
- 2) *Власть сети* кроется в том, что глобализация включает в себя координацию действий между множеством включенных в сеть акторов. Такая координация требует стандартов, которые и создают ту глобальную координацию, которую Кастельс называет властью сети. Координационные стандарты становятся тем ценнее, чем большее количество акторов руководствуется ими. Вдобавок, динамика принятия таких стандартов имеет решающее значение для искоренения альтернативных вариантов координации.
- 3) *Распределенная сетью власть* заключается в том, что никакой из

акторов не обладает абсолютной сетевой силой, а только некоторой ее частью. К примеру, как НАТО не сможет устранить проблему финансового кризиса, так и МВФ не сможет устранить угрозу военного конфликта.

4) *Власть по созданию сети* является наиболее мощной формой власти. В мире сетей, возможность осуществлять контроль над другими зависит от двух базовых механизмов:

(а) способности создавать сеть (или сети) и программировать/перепрограммировать сеть (сети) в терминах целей, поставленных перед сетью;

(б) способностью соединять и обеспечивать кооперацию между разными сетями через “объединение целей” и суммирование ресурсов, одновременно обороняясь от конкуренции со стороны других сетей с помощью стратегического сотрудничества.

Обладателей первой способности Кастельс называет «программистами», обладателей второй – «операторами». Они являются социальными акторами, но необязательно относятся к какой-нибудь группе или другому актору. Чаще всего они работают как интерфейс между различными социальными акторами, что определяет их позицию в социальной структуре и организационном устройстве общества. Следовательно, во многих случаях властными акторами выступают сами сети или субсети в больших сетях, организующих все общество. Не абстрактные, подпольные сети, не сетевые роботы, но люди – организованные вокруг общих проектов и интересов.

Все эти сети в основе своей имеют общую черту: идеи, проекты и ценности, будучи культурным материалом, ложатся в основу программ. Контроль над точками соприкосновения различных стратегических сетей осуществляют «операторы». К примеру, связи между сетями политических

лидеров, сетями медиа, научными и технологическими сетями, военными сетями складываются в геополитическую стратегию. Соприкосновение политической сети и медиасети рождает специфические политико-идеологические дискурсы.

Однако «программисты» и «операторы» не являются властной элитой в традиционном понимании. В глобальной сетевом обществе не существует такой элиты. Они представляют собой упрощенное изображение власти, чья ценность проявляется только в крайних случаях. Это происходит именно потому что, никакая объединенная властная элита неспособна удерживать операции по программированию и операторской деятельности всех важных сетей под своим контролем, поскольку новые условия требуют более сложной переговорной системы власти. По этой причине очень важно, чтобы медиаолигархи не становились политическими лидерами – как в случае с Сильвио Берлускони. В равной степени важно, чтобы государства не обладали тотальным контролем над медиaprостранством. Чем больше «операторы» являются выражением командно-приказного доминирования, тем больше властные отношения в сетевой обществе душит динамизм и инициативу множественных источников всей социальной структуризации и социальных перемен в целом. «Операторы» - это не просто люди, они состоят из людей, но представляют собой акторов, состоящих из сетей субъектов, представляющих собой динамичные интерфейсы, которые задействованы в каждом процессе соприкосновения. В то же время, набор интерфейсов, к которым прибегают операторы в процессе соприкосновения, задаются программным обеспечением сети, авторами которого являются «программисты». «Программисты» и «операторы», благодаря своей позиции в социальной структуре, обладают властью по созданию сетей – ультимативная форма власти в «новой нормальности». В конечном выражении, власть в сетевом обществе есть коммуникационная власть.

Источники социальной власти в нашей мире – насилие и дискурс, подавление и убеждение, политическое доминирование и культурное моделирование – не изменились кардинальным образом в исторической перспективе. Изменилось пространство, в котором проводятся властные отношения: как уже говорилось, оно выстраивается вокруг взаимодействия глобального и локального и не вокруг единичного, но вокруг сети.

Но как в глобализированном мире, характеризующимся многообразием культурных паттернов, фрагментацией и дифференциацией, кастомизацией и сегментацией коммуникационных процессов, вообще происходит коммуникация? Становится ли культура фрагментированной или интегрированной в процессе коммуникации? Кастельс считает, что она является и тем и другим: фрагментированной в процессе доставки сообщения и интегрированной в процессе производства смыслов и значений через серию протоколов коммуникации, что и делает возможной разборчивость и ясность в коммуникационноцентричной культуре. Построение протоколов коммуникации между различными коммуникационными процессами и воссоздает ту самую публичную сферу, о которой говорилось выше. Основными протоколами коммуникации Кастельс считает *рекламную деятельность*, которая присутствует во всех культурных паттернах и на всех платформах – от телевидения и радио до Интернета и мобильных устройств. Именно через рекламу культура коммодификации, сердце глобального капитализма, влияет на все культурные выражения и их медийное выражение. Помимо рекламы есть еще *брендинг*, который структурирует отношения между индивидуумами и коллективами в многообразные культурные паттерны. Так или иначе, протоколы коммуникации основаны не на обмене культурой, но на культуре обмена. Поэтому они выстраиваются в сознании людей через интеракцию между множеством точек соприкосновения в коммуникационных системах и человеческом менталитете.

Коммуникация, таким образом, происходит, когда человеческое сознание обменивается значением, смыслом. Под сознанием Кастельс понимает процесс создания и манипулирования ментальными изображениями (как визуальными, так и всеми остальными) в человеческом мозге. Человек есть нейронная сеть, соединенная к миру таких же сетей. Человек конструирует реальность как реакцию на реальные события, внешние и внутренние, но человеческий мозг не различает эти события – он вписывает их в себя в соответствии с паттернами конкретного человека и, по большей части, это происходит бессознательно. Созданные в мозгу схемы связываются с языком через метафоры – конструируя, таким образом, человеческий нарратив по отношению к миру. Эти схемы, будучи нейронными сетями ассоциаций, выражаются в смысловых полях, которые присутствуют в человеческом языке. Иными словами, посредством таких схем язык и сознание коммуницируют, структурируя описательный нарратив. Метафора моделирует коммуникацию, отбирая конкретные ассоциации основываясь на схемы сознания.

Возникающие нарративы определяют социальные роли в рамках социальных контекстов. Такие роли основываются на моделях, которые существуют как в человеческом сознании, так и в социальной практике. Само моделирование складывается, таким образом, в результате сообщения ролей, организованных в нарративы, нарративов, структурированных в модели, сложения простых моделей в сложные и их присоединении к семантическим полям в языке.

Реакция на реальные события также подвержена влиянию эмоций, побуждая человека принять то решение, к которому он склоняется: в конце концов, люди стремятся потреблять ту информацию, которая выставит в выгодном свете решение, которое они готовы предпринять.

Таким образом, процесс принятия решения базируется на ментальных

моделях, из которых складываются человеческие нарративы, и на эмоциях. Коммуникация, в различных своих модальностях, играет важнейшую роль в активации соответствующих нейронных сетей в процессе принятия решения.

Встав на подобную точку зрения, мы получаем удобную канву для аналитики практик политической коммуникации в «новой нормальности». Кастельс указывает на косвенную связь между политическими сообщениями и принятием политических решений: эта связь осуществляется сознанием на основе эмоционального стимула, полученно из коммуникационного окружения. Механизмы обработки информации, которые соотносят содержание и формат сообщение с ментальными схемами (паттернами нейронных сетей), существующими в сознании, активируются коммуникационными сообщениями. Это объясняет, как новости отбираются и интерпретируются человеческим сознанием: новости могут работать как источник стимула, альтернативный человеческому опыту. Ненависть, тревога, страх, и высокий восторг являются самыми яркими стимуляторами и сохраняются в долговременной памяти. Когда информация носит такой характер, что никакой необычной реакции не требуется, люди реагируют на полученные стимулы обыденно. Но когда в сознании срабатывают эмоциональные механизмы, активируются мощности по принятию решений, в больше степени фокусируя внимание человека на полученной информации и побуждая его к поиску дополнительной информации. По этому, осознанное моделирование, как правило, основывается на всплеске эмоций. В таких случаях стимул работает сам по себе, активируя ментальные модели, в результате чего пробудившийся человеческий нарратив сам становится источником действия и реакции.

Поскольку СМИ являются главным источником социетальной информации – той, которая обладает возможностью охватить большую аудиторию – моделирование общественного мнение, по большей части,

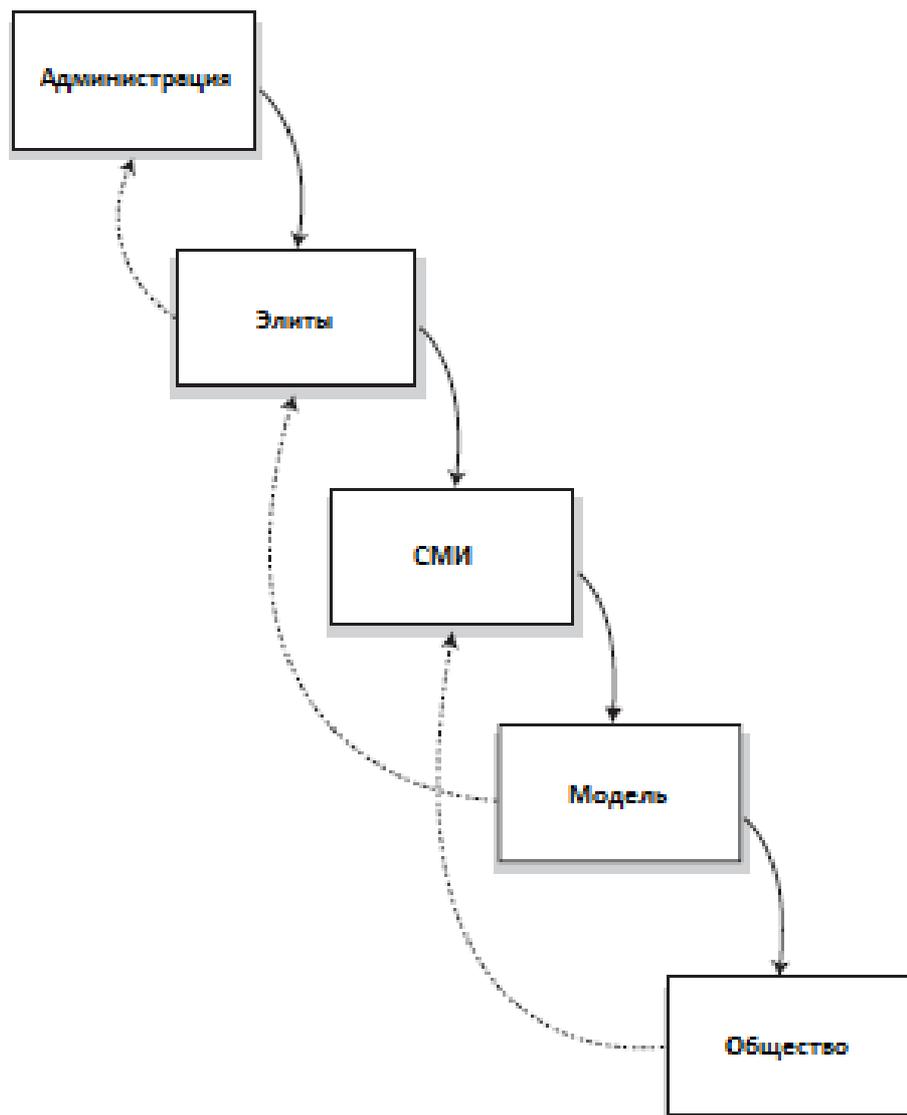
осуществляется именно этими институтами. Кастельс выделяет три главных процесса, через которые осуществляется такое моделирование:

- 1) *Формулирование повестки дня*. Оно заключается в приоритизации того или иного инфоповода источником сообщения (СМИ) в ожидании, что аудитория среагирует с повышенным вниманием на содержание и формат сообщения. Иными словами, даже если медиа не могут заставить аудиторию думать определенным образом, они могут заставить ее думать об определенном событии. Благодаря этому политические взгляды как элиты так и граждан во многом задаются той информацией, которые поставляют СМИ или другие источники дистрибуции контента.
- 2) *Грунтовка* представляет собой продолжение формулирования повестки дня. Она заключается в том, что СМИ могут формировать те условия, которые люди будут принимать в расчет, вынося суждения о полученной информации. Грунтовка предполагает, что новости по конкретной теме могут повлиять на человеческое сознание, после чего редакционная точка зрения будет влиять на мнение и отношение человека и к информации по другим темам.
- 3) *Моделирование* представляет собой процесс отбора и подсвечивания некоторых аспектов события или проблемы, и создание связей между ними, с тем чтобы содействовать созданию конкретной интерпретации, оценки и/или решения. Моделирование является фундаментальным механизмом активации сознания, поскольку оно напрямую связывает структуру нарратива, предложенную СМИ, с нейронными сетями человеческого мозга. Моделирование всегда обосновывает прямую связь между сообщением, мозгом и последующим действием.

Кастельс отмечает, что все три механизма строятся вокруг построения

сообщений СМИ, между тем, процесс доставки сообщения также связан с процессом, который ограничивает интерпретационное поле человека: с индексацией. В сфере политических коммуникаций это приводит к тому, что государство, как наиболее вероятный первичный источник информации и коммуникации, придает информации разную важность. Специалисты медиарынка, в свою очередь, выстраивают сообщения по важности, учитывая позицию государства. Возможность СМИ принимать решения о таком выстраивании зависит от уровня согласия или несогласия по вопросу, достигнутого между элитами и лидерами общественного мнения. Если достигнута единая точка зрения – как, например, в случае с терактом 11 сентября 2001 года, которая привела к модели «война против террора» - СМИ будут проводить индексацию по общему набору оценок. Однако чем больше разногласие по тому или иному поводу – как в случае с последствиями урагана Катрина в США – тем в большей степени СМИ будут озвучивать собственную оценку в процессе индексации события. Таким образом, индексация журналистами того или иного события зависит не столько от его важности для общественного мнения, сколько от уровня вовлеченности в него властных элит. В то же время, общественности требуется информация и контрмодели, чтобы обладать свободой в выборе интерпретаций.

Моделирование представляет собой многослойный процесс, которые начинается с переговорами между ключевыми политическими акторами или группами интересов и СМИ – еще до того, как инфоповод войдет в сферу общественного мнения. Для лучшей иллюстрации Кастельс ссылается на модель Роберта Энтмана, которую тот назвал моделью каскадной активации:

В этой модели блок СМИ также подвержен стратификации: к примеру, газеты The New York Times и другие ведущие медиа обладают более высоким положением по отношению к своим коллегам, и их модели также каскадом сливаются на нижестоящие СМИ через процесс формулирования внутримедийно повески дня. Вариации процесса выработки модели зависит от двух главных факторов: уровня объединенности или разногласий между политической элитой и культурной конгруэнтности или неконгруэнтности предложенных моделей.

Журналисты, при этом, обладают существенно большими возможностями продуцировать контрмодели или наборы интерпретационных схем, когда существует несоответствие между элитами и/или культурная несовместимость между людьми, принимающими решения и культурой страны. Для того, чтобы контрмодели обладали достаточной мощностью, чтобы оспорить главенство моделей, озвученных государством, они должны культурно резонировать с широкой публикой – или, по крайней мере, с журналистскими представлениями об общественном мнении.

Поскольку информации сама по себе не заменяет отношение людей к тому или иному вопросу (если только не приводит к небывалому уровню когнитивного диссонанса), то люди чаще всего отбирают ту информацию, которая соответствует их когнитивным моделям. К примеру, для того, чтобы убедить граждан США поддержать войну в Ираке, администрации Буша пришлось приложить ряд усилий, чтобы в сознании людей активизировались две главные модели того времени: патриотизм и война против терроризма. Достигнув консенсуса с американскими СМИ руководство США в известной степени достигло своей цели. Однако когда в Ираке не было обнаружено оружия массового поражения, обозначенный консенсус просто сдвинулся к нарративу спасения: США пришли в Ирак, чтобы спасти его граждан. Однако когда «освобожденные» граждане Ирака становились партизанами и вели боевые действия против американских военнослужащих, консенсус снова перешел – на этот раз, к нарративу оборонной войны, модели патриотизма.

Любопытно, что примерно в такой же тактике редакция британской Guardian заподозрила Россию после убийства оппозиционного политика Бориса Немцова. По мнению газеты, идея о том, что существуют множественные интерпретации правды стала фундаментальным основанием информационной политики путинской России. Тактическим отображением такой философии стала установка на создание максимально возможного

количества описательных нарративов.¹¹⁰

Основываясь на модели каскадной активации, Кастельс предполагает, что процесс формулирования повестки дня, по большей части, идет по направлению к СМИ, поскольку именно через них модели и нарративы распространяются среди аудитории. Чем больше уровень политической конкуренции в стране, тем больше журналистов в ведущих медиа сами осуществляют грунтовку и индексацию инфоповодов.

Политика есть процесс распределения власти между институтами государства. Как уже было показано, властные отношения во многом основаны на формировании человеческого сознания через конструирование смыслов и создание имиджа. На уровне общества имиджмейкинг происходит в мире социализированной коммуникации, где СМИ являются решающими игроками. Таким образом, в «новой нормальности» политика является, в первую очередь, медиаполитикой. Сообщения, организации и лидеры, не представленные в СМИ, не существуют в общественном сознании. Только те, кто умеет доставить свое сообщение до публики имеют возможность осуществлять такие действия, которые приведут их к властным позициям в государстве. Однако СМИ не являются четвертой властью, они обладают существенно большим значением: они являются тем пространством, в котором рождается власть. В этом пространстве властные отношения формируются между соревнующимися политическими и социальными акторами. Поэтому они вынуждены принять правила медиапространства, перенять язык медиа и учитывать интересы медиа.

Мир медиа не является объективным или политически нейтральным, но и не является игрушкой в руках властей. Медиа-акторы конструируют коммуникационные платформы и продуцируют сообщения в соответствии с

¹¹⁰ The Guardian view on Russian propaganda: the truth is out there Editorial. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/mar/02/guardian-view-russian-propaganda-truth-out-there> (дата обращения: 28.03.2015)

их специфическими и профессиональными интересам, которые так же многообразны, как и сами СМИ. Практика медиаполитики влияет на выполнение ряда ключевых задач, среди которых Кастельс выделяет:

- 1) Обеспечение доступа социальных и политических акторов, вовлеченных в сферу властных отношений, к медиaproстранству;
- 2) Разработка таких сообщений и производство такого имиджа, которые наилучшим образом служат интересам каждого властного игрока. Это подразумевает идентификацию собственной целевой аудитории;
- 3) Доставка сообщений для такой аудитории требует использования специфических технологий и форматов коммуникации. Они же требуются для измерения эффективности собственной политической деятельности;
- 4) Финансирование политики, которое является центральной точкой соприкосновения между представителями политической и экономической власти.

Конвергенционный паттерн политики в форме медиаполитики является чертой глобализованного общества. Глобальная концентрация медиабизнеса и растущая независимость обществ по всему миру ведет к развитию глобальной медиакультуры и распространению глобальных профессиональных практик, которые будут соответствовать формам медиаполитики. К примеру, политический консалтинг американского типа, сыгравший такое большое значение в ряде выборов в России, Израиле и других странах. Таким образом, уделяя должное внимание специфике каждого медиаполитического режима, надо учитывать, что все они подчиняются общей логике. Эта логика подчиняется двум факторам: уровню прямого государственного контроля над медиаполитическим пространством и уровнем участия в этом пространстве бизнеса. И те и другие могут играть роль привратником, не допуская тех или иных игроков в медиаполитическое

пространство.

Это, конечно, касается только рынка традиционных медиа, поскольку в мире онлайн-коммуникации, в киберпространстве доступ есть аксиома. Интернет и традиционные СМИ являются ключевыми платформами по конструированию политического пространства, и в обоих случаях процесс коммуникации формируется способом сообщения.

В то же время, медиаполитика в целом обладает рядом ключевых особенностей: персонализации политики, электоральные кампании, суть которых упирается в использование СМИ, и ежедневное осуществление мощных практик изобретательной пропаганды, которая подразумевает коммуницирование в выгодном свете своих интересов с одновременным нанесением ущерба интересам противника. На всех уровнях учитывается многообразие современных медиаплатформ: телевидение, радио, печать, Интернет, рассылка СМС, оплаченная реклама, интервью, политические дебаты и пр. Показательно повышение роли социально-научного подхода к анализу потенциального электората. Его развитие, наряду с развитием инструментария политической науки и коммуникационной психологии привело, по мнению Кастельса, к возникновению нового типа профессионализированной политической практики, которую он называет *информациональной политикой*.

Эта практика начинается с артикуляции сообщений, основываясь на интересах и ценностях общественно-политической коалиции, выстроенной вокруг тех или иных политических акторов. Содержание и формат политических проектов все больше определяются с помощью профессиональных мозговых трестов, которые включают себя экспертов, ученых, политических стратегов и медиаконсультантов. Использование баз данных, таргетированные разработка и доставка сообщений, отслеживание результатов опросов общественного мнения – все это черты перемен, которые

произошли в США чуть позже Уотергейтского скандала и отставки президента Ричарда Никсона, а также провала военной операции США во Вьетнаме. Усиленная экономическим кризисом, политическая нестабильность привела к усилению влияния Демократической партии США. В ответ республиканцы решили привнести академическое знание и профессиональную экспертизу в сферу политической практики. Таким образом, в американской политике произошло примерно та же ситуация, которую мы описывали, рассказывая про индустрию персональных компьютеров и «Каталог всей Земли». Коллаборативные практики и научная культура военно-индустриально-академического комплекса времен Холодной войны вновь вошли в сферу общественной жизни – в этот раз, не благодаря продуктам компании Apple, но через сферу политической практики. Ситуация в мире и в Америке требовала глубокого осмысления, долгосрочного политического планирования и необходимого инструментария, которых помог бы перевести их результаты в область политической практики. Все это привело к созданию целого ряда мозговых трестов.

Кастельс напоминает о манифесте Люиса Пауэла, который привел к созданию таких трестов как Heritage Foundation, Manhattan Institute, Cato Institute, Citizens for a Sound Economy, Accuracy in Academe и других влиятельных организаций. Все эти тресты делали упор на системной использование СМИ во имя формирования общественного мнения. В 2000-ые годы схожие тресты демократического направления начали уравнивать свои позиции с конкурентами. При этом, последние сосредоточились на связях со СМИ и государственном лоббировании, в то время как первые – на политическом анализе. Однако, в целом, большая часть этих трестов вовлечены в политический анализ и разработку идеологий, а не прямые разработки операционного характера. Практика информационной политики обычно отдается на откуп политическим консультантам растущей

глобальной индустрии, которая корнями уходит в американские традиции.

Ключевым практиками мозговых трестов стали опросы общественного мнения – как способ измерения эффективности тех или иных сообщений и эволюции общественного мнения. Однако опросы сами по себе не являются изолированным инструментом политического навигирования, поскольку они только обнаруживают сложившийся имидж политика в общественном мнении. Подлинное понимание текущих тенденций в политическом пространстве складывается на стыке результатов опросов и анализе социальных данных. Данные, полученные в результате такого стыка, позволяют политическому актору адаптировать его сообщения, чтобы настраивать общественное мнение в свою пользу.

Возрастающей ролью в политических действиях – и особенно избирательных кампаниях – отличается Интернет, особенно в тех странах, где разрешены частные пожертвования. Именно в них Интернет становится главной площадкой по сбору средств на избирательную кампанию. Вдобавок ко всему прочему, Интернет используется избирательными штабами для координации действий своих сторонников, информирования их о последних событиях, а также для общения с избирателями. Политические дебаты и информационные сети в Интернете становятся главными организационными инструментами для современных избирательных кампаний. Привлекательность и функционал сайтов, посвященных избирательным кампаниям, становятся торговой маркой для успешных политических проектов, как по причине эффективности инструмента, так и по причине демонстрации таким образом своей технологичной продвинутой и интерактивности. Вдобавок, становится возможным обратиться к действительно обширному количеству избирателей – через Интернет, мобильные устройства и пр. Другой характерной чертой современного поведения избирателей становится визуализация их восприятия, при котором

условные ролики на YouTube, которые могут становиться вирусными, являются ультимативным оружием в ходе онлайн-борьбы за избирателя. В равной степени они могут и разрушить его карьеру.

Взаимодействие новых и традиционных медиа становится главной характеристикой современной медиаполитики, где новость, опубликованная в традиционных СМИ может развиваться автономно в новомедийном пространстве, вызывая дискуссии и обрастая контентом, созданным обычными гражданами, а тема, возникнувшая в новомедийном пространстве может стать настолько влиятельной, что отобразится на федеральных каналах и на страницах ведущих печатных изданий страны. Таким образом, восприятие и поведение людей задается одновременно и массовой коммуникацией и массовой селф-коммуникацией. Это создает обширные возможности для манипулирования общественным мнением, будь то вбросы, сливы информации и пр.

Другой характерной чертой, как уже говорилось, является персонализация политики, которая объясняется целым рядом факторов: спад прямого влияния на общественное мнение политических партий, краткосрочность политических акций, визуализация восприятия новостей, возрастающая роль политической рекламы. Персонализация глубоко меняет политически эффективные тактики: в первую очередь, приводит к расцвету «черного пиара», где нанесение ущерба личному имиджу конкурента является приоритетом. Это демонстрирует и еще один тренд: современная политика является скандальной политикой. По мнению Кастельса, 24-часовой цикл новостей, с бесконечными новостями-молниями естественным образом вылился в склонность аудитории к скандальному характеру политики. Онлайн-коммуникация особенно способствует такому характеру. Во-первых, она позволяет проводить коммуникацию из множества источников, обходя привратнические мощности мейнстримных медиа. Вдобавок, природа

массовой селф-коммуникации склонна к различного рода слухам и конспирологическим теориям. Ко всему прочему, Интернет окончательно размывает понятие личной жизни касательно политических деятелей. Во-вторых, любое сообщение, появившееся в Интернете, может превратиться в вирусное, однако каждый такой вирус должен нести в себе «изюминку», которая и сделает контент привлекательным для горизонтального кросс-группового распространения.

Благодаря этому в политической практике выделяется «культура продвижения», в которой политики, государства и корпорации продвигают свои интересы, а само политическое завоевание власти осуществляется через раскрутку личности того или иного актора – без индустриальных отсылок к идеологии, программе и принадлежности к партии.

Склонность политической системы к скандалам определяется и структурными тенденциями во взаимоотношении между глобализацией и государством, которые влияют на этичность политики. Будучи ограниченным в своих полномочиях, национальное государство постепенно размывает идеологические ценности, и поэтому властный статус мало чем отличается от других статусов: он, в первую очередь, награждается финансово. Вдобавок, теневая экономика, также став глобальной, наращивает свою мощь и внедряется в национальные государства, также ослабляя их моральные устои. Нелегальные источники финансирования, коррупция, теневой лоббизм, черный пиар – все это в совокупности остается вызовом для сетевых государств, вызовом, на который пока еще нет ответа.

В то же время, скандальная политика неотделима от медиаполитики. Во-первых, потому что эти скандалы проводятся именно через медиа. Во-вторых, поскольку медиаполитика упирается в персонализацию политики, она самой своей природой склонна к агрессивным и личностным практикам. Поскольку негативные сообщения гораздо могущественнее, чем позитивные,

и эти сообщения вертятся вокруг личностей персональных акторов – остается сложить 2 и 2, чтобы понять, что фабрикация данных, скандальное поведение, методики по «исследованию оппонента» становятся главными инструментами политики сегодня.

Между тем, государство остается критически важным игроком во властных отношениях. Оно во многом задает – через пропаганду и контроль – те правила, по которым осуществляется описанное выше взаимодействие СМИ и политических акторов. Опираясь на анализ Кастельса, попробуем рассмотреть три различные – и самые характерные – такие модели: американскую, российскую и китайскую.

Кастельс отмечает, что американская модель обладает долгой традицией фабрикации данных, особенно, если дело касается критических моментов: убедить общественное мнение вступить в военный конфликт и пр. Однако даже по меркам США многофакторная пропагандистская кампания 2003 года, направленную на участие страны в войне в Ираке, является хрестоматийным примером. Расследование 2008 года, проведенное газетой *The New York Times*, выявило, что Пентагон создал группу из 75 военных аналитиков, которые участвовали в программах на телевизионных каналах – например, Fox, NBC, CBS и ABC – и давали комментарии ряду печатных изданий. Эксперты эти обычно были офицерами в отставке – и потому были более убедительными в глазах аудитории, чем спикеры Пентагона. Вдобавок, те журналисты, которые соглашались публиковать полученные комментарии в изначальном виде, получали доступ к источникам в Министерстве обороны США. В целом, история вмешательства США в деятельность СМИ – как отечественных, так и зарубежных – образует собой целостный паттерн. Будучи государством с ограниченными возможностями по цензуре и контролю информации, США чаще всего берут инициативу в свои руки, производя сообщения, доверяя их авторитетным источникам, которые уже

доставляют эти сообщения как посредники аудитории.

В то же время, российская модель, находящаяся в состоянии перехода к демократическому устройству, имеет обширный советский опыт, который убеждает, что информация есть власть, и условие этой власти – контроль над коммуникацией. Несмотря на то, что возможности по цензуре Российской Федерации несравнимо меньше, чем они были в Советском Союзе, контроль над медиа все еще осуществляется: финансовыми и административными способами. Эти способы складывались во время борьбы Владимира Путина с олигархами в начале 2000-ых годов, о чем будет подробнее рассказано ниже. Ключевым эпизодом этой борьбы Кастельс называет возвращение Первого канала в государственную собственность. Другим ценными активами государства являются медиахолдинг «Газпром-Медиа» и конгломерат ВГТРК. Одновременно с установлением мощного медийного блока, лояльного государству, российские власти установили многообразные способы давления на нелояльные медиа: от налоговых проверок до отзыва лицензии под любым предлогом. В текущий исторический момент специфика российской модели определяется тем, что она строится на самоцензуре, поскольку государство отчетливо артикулирует набор неписаных правил, которым лучше следовать всем. Таким образом, создается обстановка, когда выгоднее следовать этим правилам, а если отклоняться от них – последствия могут быть плачевными. Помимо финансовых и административных способов давления, Россия также широко использует и юридические рычаги давления. Пакет законов против борьбы с терроризмом, подписанный Владимиром Путиным в 2014 году только подтверждает этот тезис: Россия понемногу расширяет потенциальное юридическое давление на медиа и Интернет под предлогом борьбы с кибертерроризмом, Интернет-пиратством, экстремизмом и т.д.

Кастельс отмечает, что, судя по всему, Россия готовится к битве против свобод киберпространства, намереваясь использовать те же методы, которые

сработали в случае с медиапространством:

- 1) Создание юридического поля, которое легитимизирует слежку;
- 2) Распространение самоцензуры через публичные показательные наказания;
- 3) Инкорпорирование в сферу своих интересов провайдеров Интернета и владельцев сайтов, перекладывая на них ответственность за содержание сайтов;
- 4) Использование государственных предприятий для покупки популярных Интернет-площадок (к примеру, приобретенный в 2008 году «Газпром-Медиа» Rutube).

Как отмечал Монро Прайс в предисловии к исследованию «Benchmarking Public Demand:

Russia's Appetite for Internet Control», Россия уже начинает предоставлять удобную модель по регулированию Интернета для других полуавторитарных режимов. В то же время, само исследование выявило, что различные методики по использованию Интернета и киберпространства во благо авторитарных режимов не вызывает у россиян чувства отторжения. Согласно данным, полученным в результате опроса, россияне могут мобилизоваться на защиту Интернета только в случае попытки запретить его по примеру КНДР. Другие, более гибкие формы государственной цензуры – к примеру, под эгидой «защиты нравственности» или «духовных скреп» - не вызывают должного отторжения, и большая часть россиян верит, что зарубежные СМИ и порталы нужно цензурировать, а сами зарубежные страны используют Интернет исключительно против России. При этом, 59% отечественных онлайн-пользователей не верят, что регулирование Интернета негативно сказывается на их личных свободах.¹¹¹ Очевидно, это вдохновляет

111 Benchmarking Public Demand: Russia's Appetite for Internet Control. URL: <http://www.global.asc.upenn.edu/app/uploads/2015/02/Russia-Public-Opinion.pdf> (дата обращения: 28.03.2015)

российского руководство на дальнейшие ограничительные меры по отношению к киберпространству: 12 марта, в дополнение к уже существующему законодательству, по которому любая онлайн-площадка с 3 тыс. посетителей в день подпадает под действие законодательства о СМИ, Совет Федерации предложил внести в законодательство термины «популярный блогер» и «социальная сеть», подводя и эти, ранее абстрактные, социальные роли под отечественно законодательство.

По мнению Кастельса, дальнейшее разворачивание подобной войны против Интернет-свобод приведет к тому, что российское государство обратится к опыту самого изощренного контроля и ограничения киберпространства, опыту, предпринятому Китаем.

Уже в 2001 Китай создал Информационное агентство Государственного совета КНР под предводительством премьер-министра по контролю над информацией в стране – так называемый «информационный кабинет», в который входили главы различных коммуникационных служб и информационных агентств. Кабинет отвечает за координации политики относительно информационной безопасности и информационной экономики. Позднее при агентстве также было создано Административное бюро по пропаганде в интернете, которое отвечало за регулирование деятельности китайских медиа. Обширная реформа была запущена в 2003 году, в результате которой множество печатных изданий, радио- и телестанций были закрыты, реорганизованы. При одновременной коммерциализации рынка, инвестиции в медиабизнес разрешались только подконтрольным Коммунистической партии Китая организациям. Таким образом, своенравные медиа были отрезаны от потока финансирования или закрыты. При этом вопросы контроля Интернет-пространства стоят перед Китаем очень остро: при политическом авторитаризме, КНР является еще и самой населенной страной в мире (по данным Кастельса, в 2007 году в количество китайских

Интернет-пользователей составляло 210 млн. человек – против 216 млн. в США; в 2008 их количество составило уже 253 млн.). Однако китайское руководство предпочло использовать киберпространство себе во благо, правильно оценив его образовательный, культурный и пропагандистский потенциал. Плодотворность такого подхода мы уже описывали ранее. По мнению Кастельса, успех китайской модели определится тем, что каскадная иерархия слежки, в конечном счете, вызывает самоцензуру на всех уровнях государства и общества и призывает виновных к ответу при малейшем сбое в работе этой многослойной работы.

Перечисленные примеры показывают, что модели медиаполитики могут отличаться, но все они основываются на двух ключевых моментах: они нацелены на борьбу за власть с помощью формирования общественного мнения и вносят свой вклад в кризис политической легитимности институтов современного общества. Кастельс иронично отмечает, что налицо складывается следующая тенденция: негативные новости о состоянии социальных институтов, проводимые через медиа, де-факто подрывают веру и в сами медиа, которые также являются институтом. Однако «новая нормальность» дает гражданам ряд мобилизационных ресурсов, благодаря которым они могут влиять на состояние институтов, будь то идеологическая мобилизация, которая приводит к обновлению того или иного института (чаще всего, партии), контекстуальная мобилизация за третьего кандидата или мобилизация за внесистемного кандидата (если речь идет о выборах) или забастовочная мобилизация.

При этом, взаимосвязь между установившейся медиаполитической моделью, политическим доверием к институтам и уровню вовлеченности населения в политику складывается по-разному в развитых и развивающихся демократических государствах. В первых высокий уровень вовлеченности, скорее, приводит к повышению доверия, однако, во вторых взаимосвязь

обратная. В ряде случаев кризис легитимности и вовсе приводит к повышению вовлеченности населения в политику. Хотя медиаполитика и скандальная политика действительно вносят свой вклад в расшатывание политическое легитимности, последняя все же не приводит к понижению политической активности населения.

В то же время, если мы принимаем гипотезу Кастельса о том, что источник власти кроется в способности формировать общественное мнения, то налицо более глубокий и фундаментальный кризис демократии, который определяется диссонансом между властью репрезентации (представительства) и властью коммуникации. Если эффективность демократических процедур политического представительства интересов зависят от СМИ, то, как мы уже показали выше, СМИ не предоставляют равных возможностей для всех акторов и идейных течений. В сетевом обществе демократия может существовать, если общество прорывается сквозь корпоративные, административные и технологические заслоны, выраженные в моделях.

Подобный прорыв может быть возможен с использованием тех ресурсов, которые дарит человеку киберпространство. Кастельс демонстрирует возможности Интернета по трансформации политических практик общества на избирательной кампании Барака Обамы от 2008 года, которая показала, что возможная синергия массовой селф-коммуникации и автономные мощности общества могут привести к социальным переменам.

По мысли Кастельса, сети индивидуумов в сетевом обществе становятся партизанскими обществами. Социальное группирование интересов, убеждений и норм становится тем процессом, на котором выстраивается идентичность таких обществ. К этому процессу добавляются критерии территориального, религиозного, сексуального, национального характера и другие. Однако существует и сообщества, выстроенные вокруг

той или иной практики. Будучи тесно связаны между собой коллобаротивной практикой, вне этой практики членов таикх сообществ ничего не связывает – это близко к модели адхократии Тоффлера. С учетом мобильных технологий, которые позволяют людям вступать в сетевую коммуникацию в любой момент и в любом месте, становится возможной мгновенное выстраивание сети множества людей. Если практика таких людей носит оппозиционный характер, то такое общество становится «мгновенно восставшим». ¹¹²

Кастельс задается вопросом: как афроамериканец с мусульманской фамилией и кенийской родословной и без значительной поддержки от истеблишмента Демократической партии США смог стать президентом. Во-первых, благодаря мобилизации молодежи. В 2008 году 17% процентов проголосовавшего населения приходилось на людей до 30 лет – против 9% в 2000 году. Во-вторых, благодаря индивидуальным взносам в свой избирательный фонд. По данным Кастельса, в целом, в фонд поступило почти 745 млн. долларов США – рекордная сумма. Такая сумма стала возможной благодаря тому, что до 88% средств поступало от индивидуальных взносов. Около 47% из всех взносов составляли менее 200 долларов. Эти цифры определяются умелым использованием привлечения средств через Интернет. Позитивные впечатления о кандидатуре Обамы складывались из двух эмоций: надежда и перемены. Обе эмоции в итоге создали нарратив энтузиазма по отношению к кандидату. Этот нарратив широко развернулся в онлайн-коммуникациях. Помимо целого ряда запущенных сайтов (My.BarackObama.com с 15 миллионами посетителей и т.д.), Обама учитывал и происходящую визуализацию психологии населения Америки. Благодаря искусным отсылкам к поп-культуре и запуску ряда вирусных роликов через YouTube, Обама объединил контркультурный и

112 M.Castells. Communication power. Oxford University Press, 2009, p. 363

творческий потенциалы индустрии развлечений и использовал их в выстраивании собственного имиджа.

Вдобавок, избирательная кампания Обамы комбинировала в себе централизацию сбора средств вместе с локализацией мобилизационных тактик. Такой подход позволил штабу Обамы выстроить собственную, независимую от Демократической партии, инфраструктуру по сбору и использованию данных. Он также привел к тому, что активизировались «мгновенно восставшие» сообщества, свободно коммуницирующие между собой, . В то же время, централизация процесса сбора данных и средств позволила штабу Обамы координировать действия таких сообществ. Действия штаба Обамы были глобальными и локальными одновременно, находясь как бы в синхронизации с дискурсом современной политики.

Обама и его сторонники не только обошли многочисленные корпоративные и административные барьеры, но также избежали и ядовитых практик скандальной политики. Это стало возможным благодаря транслированию нарратива энтузиазма и надежды и мобилизации миллионов граждан, находящихся или в маргинальном положении (цветные меньшинства) или и вовсе отказавшихся от участия в политической жизни.

Опыт компании Обамы показал, что политические практики общественных движений (= «восставших обществ») в текущих реалиях зачастую оказываются гораздо эффективнее чем политические практики партий. Элементами успешной деятельности таких движений становятся наличие харизматического лидера (правильно составленного харизматического нарратива), совмещение глобального и локального принципов в политическом менеджменте, формирование качественных подробных баз данных сторонников и колеблющихся, позволяющих использовать технологии микротаргетинга.

Опираясь на культурные коды, которые моделируют общественное

сознание, социальные движения могут действительно преобразовать мир, в то же время, как отмечает Кастельс, более традиционные политические практики приведут только к репродуцированию норм и правил, принятых в данном обществе. Превнося новые практики и новых акторов, политические «повстанцы» создают альтернативную существующей системы властных отношений и новые точки принятия решений. Поддержка социальных перемен в сетевой обществе осуществляется за перепрограммирования коммуникационные сетей, которые задают символический базис практик по формированию общественного сознания и его манипулированию. Иными словами, создание нового содержания и новых форм коммуникации в сетях равносильно перепрограммированию общественного сознания. Принимая новые значения и смыслы, мы начинаем действовать по-другому и, в итоге, начинаем преобразовывать общество – или преобразуя существующий порядок дел, или заключая новый социальный контракт, которые признает новым источником власти изменения в общественном сознании. Ключевым инструментом для таких изменений Кастельс считает процесс массовой селф-коммуникации.

С таким подходом отчасти спорит Морозов: имея в наличии легкий и быстрый доступ к киберпространству, у человека де-факто может остаться мало желания участвовать в какой-либо политической или социальной борьбе. Вдобавок, по мнению Морозова, политическая деятельность онлайн скорее демонстрирует эффект Рингельмана, нежели синергию, поскольку любая форма устойчивого политического «восстания» требует централизации, наличия лидеров, полной лояльности и строгой дисциплины. Современные коммуникационные технологии действительно помогают мобилизовать и публицизировать протест или социальное движение, однако спонтанные митинги и онлайн-акции не могут заменить стратегических и долгосрочно планируемых политических действий. Так легко полученные

способности по мобилизации могут отвлекать людей от развития более эффективной мощностей по организации. То, что Морозов иронично называет «клик-активизмом» мешает людям увидеть всю трудность сдвига достигнутых положительных трансформаций из пространства виртуального в пространство реальное. Иначе публичная сфера постепенно вытеснится публичной сценой, где политическая культура заменится театральной и карнавальной культурой, а политическая идентичность – субкультурной, что мы видели в ходе зимних протестов 2011-2012 гг. в России.

Любопытно сравнить опыт избирательной кампании Обамы с отечественным. Президентские выборы 2012 года были отмечены возросшим онлайн-присутствием претендентов на высший пост в стране. Владимир Путин, будучи кандидатом от «Единой России», в социальных сетях представлен не был. Однако за Путина активно агитировали его сторонники, представители и волонтеры. 4 февраля была представлена социальная сеть «Сторонников Путина» МойПутин.рф, нацеленная на поддержку выбранного кандидата. Сеть была вызвана к жизни необходимостью ответа возросшей оппозиционной активности – в том числе, онлайн – в связи с болотными протестами 2011-2012 годов. К участию в YouTube-канале StoropnikiVV был привлечен ряд селебрити – Мария Кожевникова, Илиас Меркури, и т.д. Огромное количество обсуждений в Сети вызвало участие Чулпан Хаматовой. Однако российский опыт отличается куда большей скудостью в силу ряда причин, среди которых можно выделить наше пограничное положение между второй и третьей волной, юридическими тонкостями (в России не предусмотрены частные пожертвования в избирательные штабы кандидатов) и пр. По факту, единственным электоральным примером политических практик третьей волны можно назвать только мэрскую кампанию Алексея Навального.

Теория Кастельса полезна тем, что она акцентирует внимание на значениях и смыслах (нарративах, фреймах) как источнике власти в «новой нормальности». Это совпадает с трендом символизации политики в современном мире.

Как писал Мерам Мамардашвили, «когда я приводил пример превращенного действия или превращенной формы, я уже говорил тем самым, что то, что мы можем предметно описать, руководствуясь понятием системности или эффекта системности, органической целостности, содержит в себе определенные мнимостные значения, вносит в наше мышление мнимое измерение. То есть в основе мы имеем дело с чем-то, что мы в принципе не должны стремиться представить наглядно или модельно, с чем мы должны обращаться как с косвенными, символическими значениями (символическими в нашем, неминуемо предметном языке, а не в бытии), не предполагая, что мы можем их содержание и объект существования наглядно развернуть в некотором пространственном расположении или реальной последовательности событий. Никакой целостный эффект не разворачиваем в реальную совместность или же последовательность дистинктных объектов с их свойствами. Напомню то, что уже говорилось об особых многообразиях "целых как многих", где в точках пересечения мира и его наблюдения мы имеем дело с объектами, относящимися к ряду рядов, но ни к какому из них в отдельности, и которые похожи на так называемые "размытые множества" в математике (никакое свойство таких объектов не может быть представлено как множество, состоящее из отдельных дистинктных предметов). Тем более в области мышления о мышлении нужно приостановить в себе манию наглядности. В XX веке, как в физических рассуждениях, так и в анализах сознания, мышления это требование (и его выполнение) особенно ясно

проступило, вышло на передний план». ¹¹³

Необходимость изучения символов в качестве не только форм, опосредующих реальность, но и элементов, конституирующих политическую действительность, хорошо показал основоположник теории политики как символического действия Мюррей Эдельман. По Эдельману, политическое поведение не может не включать в себя формирование общих смыслов, а также их трансформацию в процессе постижения группами людей. Помимо этого, символы, которые позволяют организовать репертуар познаваемого человеком в смыслы, лежат в основе процесса восприятия реальности и осуществления действий, вытекающих из такого восприятия. Другую трактовку символической политики предложил У. Сарцинелли, по которому она является визуализацией политических расхождений и инструментом политического менеджмента. В российский научный оборот понятие символической политики – специфической формы политической коммуникации, реализующейся не через рациональное осмысление, но через внушение аудитории устойчивых смыслов посредством визуальных эффектов – было введено Сергеем Поцелуевым. Научная традиция осмысления символической коммуникации во многом перекликается и развивает концепцию Кастельса, акцентируя внимание на деятельности политических акторов в публичном пространстве – в первую очередь, в медийном – и манипуляции общественным сознанием.

Между тем, элиты, занимающиеся конструированием смыслов, сами подчиняются логике производства таких разделяемых обществом смыслов. Как отмечал Бурдье, идеологии всегда детерминированы дважды: интересами групп и специфической логикой поля их производства. Степень освоения такой логики и есть основание эффективной символической политики. Эта

113 М. Мамардашвили. Классический и неклассический идеалы рациональности. URL: http://philosophy.ru/library/mmk/knir/mam_rat5.html (дата обращения: 13.12.2014)

логика доступна не только элитам, но и обычному населению. Таким образом политика становится полем схватки визуальных смыслов и символов, что наиболее, как мы увидим в следующей главе, характерно для современных политических конфликтов, которые проводятся, по большей части, информационно и коммуникационно. И легитимизация и оспаривание социального порядка являются конкуренцией разных способов интерпретации социальной реальности. Для нашего исследования ключевой особенностью такой символической политики является то, что она протекает всецело в виртуальной реальности.

Как утверждал Эдельман, политические события суть символические конструкции – и будут таковыми всегда, поскольку аудитории недоступно прямое наблюдение реальных процессов. Косвенное же, опосредованное наблюдение, осуществляется через взаимное согласие общества относительно значимых символов. Особенно это характерно, как мы увидим, для международной политики.

Таким образом, с одной стороны, символы выполняют осмысленную редукцию сложной социальной реальности, которая делает политический процесс постижимым для граждан, а с другой - выступают в качестве эрзаца политики, в роли обманного средства. По мнению ученого, необходимо признать тот факт, что медийный образ политики сам является реальностью. Медийная составляющая политики становится действительностью самой политики, где, по мнению Сарцинелли, медийно опосредованная политическая коммуникация оказывается сложным процессом конструирования реальности, которая и является «символическим миром», где символизм является имманентной стороной политического пространства.

Однако среди теоретиков символической политики нет единого мнения относительно открытости символов для прикладной эксплуатации в политических целях:

- Во-первых, символы политического в процессе избыточного, чрезмерного обращения в информационном пространстве утрачивают свой знаковой статус. Будучи искусственно внедряемы или суггестивно навязываемы, символы перестают выполнять свое значение и утрачивают статус символического. Во-вторых, из-за повышения металингвистической компетенции аудитории, произвольное обращение с символами становится все более труднодоступным – и все менее эффективным в разрезе влияния на аудиторию (уже рассмотренная нами проблема двойного кодирования информации). На фоне расширения пространства онлайн-коммуникаций становится все труднее рассматривать аудиторию как пассивных участников ассиметричного процесса политических коммуникаций.
- Во-вторых, произвольное обращение с вербальными символами в политике с точки зрения прагматики в наши дни становится все более и более проблематичным делом из-за повышения металингвистической компетенции аудитории, которую в эпоху Интернета уже не рассматривать как пассивных участников ассиметричной коммуникации. Новые технологии сетевого общения радикально трансформируют языковую среду политической деятельности и условия циркуляции политически релевантных и опосредованных знаками смыслов. Под воздействием сетевых технологий в языковом оформлении политической реальности происходят системные сдвиги: в корне меняются соотношение и взаимовлияние категорий официальной и неофициальной публичной коммуникации, отменяются стилистические и жанровые иерархии, происходит постоянная идейная картография и каталогизация политически значимых сообщений и тем, ранжирование популярности и «символического веса» информационных явлений.

Одним из самых глубоких исследований касательно открытости символов для прикладной эксплуатации в политических целях следует признать книгу *Тёна ван Дейка* «Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации». В своей работе Дейк сосредотачивается на том усложнении властных взаимоотношений, которые принесло установление глобального информационно-коммуникативного пространства в мире. Политика гегемонии – или политика исключения из этого пространства – в наши дни определяется воздействием на концептуальные структуры современных систем знаний. По мнению ученого, фундаментальный источник власти в наши дни сдвигается от аппарата принуждения к знанию, формируемому путем включения субъектов в исторически обусловленные гетерогенные дискурсивные практики. При этом критичным является доступ к различным формам и жанрам дискурса или средствам его воспроизводства. Особенно это касается взаимодействия акторов на международном, глобальном уровне. При этом, прямая конфронтация приравнивается к неспособности элит формировать системы знаний, которые бы исключали возможность звучания флуктуационных точек зрения. Таким образом Дейк развивает логику постмодерна – особенно философию Фуко (по которому, обладать дискурсом значит обладать властью) – и коммуникационную теорию власти Кастельса. К символическим элитам Дейк причисляет те группы, которые осуществляют функции общественной экспертизы и контроля: врачей, писателей, ученых, преподавателей, юристов, чиновников, консультантов и журналистов, иначе говоря, теми группами, которые, по выражению Бурдье, обладают «символическим капиталом». Иными словами, элитарность группы понимается Дейком не в контексте материальных ресурсов как основе власти, не в контексте социетальных руководящих позиций, а, скорее, в контексте символических ресурсов, определяющих символический «капитал» и, в

частности, особый доступ к публичному дискурсу.

Анализируя взаимодействие возникших благодаря «новой нормальности» коммуникационных мощностей с традиционными институтами, автор приходит к выводу, что государство еще никогда до этого момента не обладала таким обширным и тотальным аппаратом социального-когнитивного воздействия на субъекта. Манипуляции смыслами посредством СМИ приводят не только к тому, что могут приниматься нелегитимные решения, более того, они могут выставлять такие решения как необходимые и легитимные. Свой метод Дейк называет критическим дискурсивным исследованием (КДИ), двумя основными понятиями которого являются дискурс и власть. Дискурс, при этом, трактуется в семиотическом смысле и может включать в себя невербальные выражения, такие как рисунки, картины, жесты, мимика и т. д. Метод КДИ исходит из того, что и письменные/устные тексты, и устные разговоры могут быть проанализированы на различных уровнях и в различных аспектах. Для каждого конкретного случая КДИ предполагается и исследование контекста, поскольку не всегда очевидной составляющей социально-когнитивных практик, проводимых через дискурс, являются политические импликатуры – смыслы, производные не столько от самого дискурса, сколько от контекстов, которые обычно скрыты от аудитории. Эти контексты задаются символическими элитами, которыу выступают инициаторами дискуссий, задают тон и стиль дискурса, определяют его темы, участников и реципиентов. Чем более влиятельным является дискурс, тем меньшей публичностью от он обладает. Эту характеристику нам также придется учитывать в следующей главе, когда мы будем разбирать конкретные примеры по реализации практик политической коммуникации в «новой нормальности».

Подобный «кулуарный» тип публичного дискурса с ограниченным к

нему доступом лежит в основе того, что Дейк называет символической властью. Контроль над политическим пространством и сознанием людей у такой власти не является тотальным в силу того разделения труда, которое заключает в себе глобальное общество, в рамках которого «властные агенты могут обладать властью только в одной социальной области политике». Этот принцип мы уже иллюстрировали выше на примере распределенной сетью власти. Этот же принцип лежит в основе того, что можно назвать «скрытой идеологией», когда принимаются усилия, чтобы идеология система ценностей – особенно это видно на примере политической деятельности США – воспринималась как общая или единственно естественная. При этом, «реализация и поддержка социальной власти предполагает идеологический контекст, который состоит из социально разделяемых, обусловленных интересами, фундаментальных знаний группы и ее членов и который может быть постигнут, закреплён и изменён главным образом в ходе коммуникации и дискурса». ¹¹⁴

Такой контекст предписывает предписывает когерентность социальных оценок, что в свою очередь тоже детерминирует социальные практики. Идеологические социальные знания, направленные на защиту базовых интересов элитных групп, представляют собой когнитивную систему, которая контролирует формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения. Иными словами, идеологии позволяют конструировать социальную реальность, которая, при этом, основывается на групповых интересах. По мнению Дейка, это означает, что дискурс и коммуникация играют центральную роль в (транс)формировании идеологии.

114 Т. ван Дейк, Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 51

Одним из ключевых акторов в этом процессе являются СМИ, которые обладают стратегическим контролем над знанием благодаря возможности селекции тем и формирования повестки дня. СМИ подчиняются системе журналистских ценностей и профессиональными идеологиями. Точно так же самоуправляюся и другие символические элиты. Вдобавок, эти элиты не обладают автономным положением по отношению к другим, преимущественно экономическим и политическим элитам, которые обладают прямыми или опосредованными средствами управления символическим воспроизводством. Следовательно, политические процессы определяются взаимодействием этих элит.

В свою очередь, взаимодействие элит выстраивает вокруг конструируемых дискурсов, власть через которые проводится одним из следующих образов: ¹¹⁵

1. *Прямое управление действием* через дискурс, выполняющий директивные прагматические функции (имеющего ораторскую силу («elocutionary force»)). Власть дискурса, в данном случае подкрепляется институциональной властью инициатора.

2. Такие *убеждающие дискурсивные формы*, как реклама и пропаганда, власть которых основана на экономических, финансовых или, в целом, корпоративных и институциональных ресурсах и реализуется за счет доступа к масс-медиа и вниманию широкой аудитории.

3. *Воздействие с помощью описания будущих или возможных событий, действий и ситуаций*, например, в форме прогнозов, планов, сценариев, программ и предупреждений, которые часто комбинируются с различными видами совета («власть экспертов»).

4. *Нарративные тексты* – романы или кинофильмы – производимые

115 Т.ван Дейк, Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 57-58

«символическими элитами». Отличительной чертой этого класса дискурса являются новостные сообщения в СМИ. Консенсусная основа власти вырабатывается преимущественно этим способом.

Как мы видим, подавляющая часть этой типологии относится к убеждающему характеру коммуникации через риторические и художественные формы выражение мысли, а дискурс играет ключевую роль в «производстве согласия» в обществе. Символическим аспектом такой социетальной власти обладают, по большей части, медиапрофессионалы. По мнению Дейка, «журналистские практики обычно реализуются в пределах гибкого, но доминантного консенсуса, даже если остается «место» для спора и критики». ¹¹⁶

В рамках глобального информационного общества становится также заметно и влияние западного журналистского дискурса – в смысле тех самых профессиональных идеологий и кодексов, которые регулируют данную профессиональную деятельность. Дейк ссылается на свое изучение международного освещения убийства избранного президента Ливана Башира Жмайеля в сентябре 1982, которое выявило, что большая часть газет «третьего мира» прибегали к услугам западных новостных агентств. Распространение «западных» стандартов журналистских материалов во многом определяет доминирование и власть западной цивилизации при урегулировании международных конфликтов. Таким образом, власть медиа предполагает не только привратнические и селективные инструменты давления, но также и исключение альтернативных источников, альтернативной информации и условий альтернативного описания событий.

Это особенно явно видно в мире геополитики, где западные медиа однозначно фокусируются лишь на определенных негативных по отношению к противнику нарративах: недостаток демократии, диктатура, насилие и

116 Там же. - С. 77

гражданские войны, технологическая и культурная отсталость. Это усугубляется тем, что онлайн-коммуникации отличается таким уровнем ускорения, что традиционные институты, вовлеченные в международные отношения, просто не успевают оперативно и одновременно вдумчиво (дискурсивно) реагировать на вирусно происходящие события. Таким образом, эпоха Интернет-политики лишает дипломатов большей части их автономии, поскольку они вынуждены обращаться за дополнительными мощностями по проведению политических коммуникаций.

Переключаясь с Кастельсом, Дейк считает, что в основе своей манипуляции направлены на структуры долгосрочной памяти, которые включают в себя знания, установки и идеологии - стабильные перманентные общепринятые убеждения, или «социальные репрезентации». Обычно дискурсивная стратегия заключается в том, чтобы дискурсивными способами подчеркнуть те элементы моделей, которые отвечают нашим интересам и нивелировать те элементы моделей, которые противоречат нашим интересам.

В случае, например, с военными интервенциями США, как мы уже показывали выше, нарративные модели отбирались таким образом, чтобы формы любого политического насилия со стороны Америки, чтобы «дать возможность аудитории сформировать, генерализировать и классифицировать модели не террористических атак на независимое государство, а легитимных форм вооруженного противостояния насилию и преступности».¹¹⁷ Неудачным примером манипулирования можно считать американскую войну во Вьетнаме, когда некоторые влиятельные СМИ становились на сторону противников манипуляции, что привело к срыву деятельности модели каскадной активации, поскольку аудитория приобрела достаточное количество контраргументов, чтобы активно противостоять насаждаемой

117 Т.ван Дейк, Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — С. 270

нарративной модели.

Таким образом, исследуя акты политической коммуникации, следует всегда учитывать не только их ситуативные характеристики и контексты, но также и те ментальные модели опыта, которые разделяет между собой аудитория или цивилизационный социокультурный контекст, если речь идет о геополитическом конфликте.

Сирийский и украинский конфликты, которые мы будем рассматривать в следующей главе, потребуют от нас хотя бы краткого изучения такого контекста в отношении США и России.

2.2 «Новая нормальность»: США и Россия

«Когда-нибудь мы поймем, что мы фактически единственная страна на Земле,

которая пытается войти в двадцать первое столетие

*с устаревшей идеологией века девятнадцатого».*¹¹⁸

Борис Ельцин. Мемуары. 1990 г.

В предыдущих главах мы уже показывали, что структура идеологии США и ее политические практики являются критически важными в условиях «новой нормальности» - и особенно при разборе геополитических конфликтов, которым отведена следующая глава нашего исследования. В современном мире любой крупный международный конфликт так или иначе проходит под эгидой участия США. Поскольку сирийский и украинский конфликты также входят и в сферу интересов России, которая все отчетливее отходит от распространенной в 90-ые годы практики содружества с Америкой к модели цивилизационно-идеологического столкновения, постольку же нам важно осветить традицию взаимоотношений США и России на международном уровне.

Критическим для каждой страны опытом является опыт Холодной войны, который - что является общим местом в научных исследованиях - в случае с Россией проявляется в виде реваншизма,¹¹⁹ а в случае США - как мы это уже показали, анализируя книгу Евгения Морозова, считается как свежий, актуальный и успешный опыт коммуникационной борьбы с идеологическим противником. В рамках этого соображения, рассмотрим взаимоотношений России и США мы ограничим временным отрезком с президентства Рональда Рейгана, которым были заложены ключевые для Холодной войны нарративы, до наших дней. Двумя ключевыми

¹¹⁸ М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/08.php (дата обращения: 04.12.2014)

¹¹⁹ О чувствах реваншизма и неполноценности российскогко общества после «сдачи» СССР американцам См.: <http://www.forbes.ru/mneniya/opyty/27278-my-i-oni>

комментаторами этого отрезка выступят двое ученых, консолидирующих в себе условно «идеальное» и «реальное» восприятие «новой нормальности»: Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер соответственно. Рассматривая их научную деятельность, мы также обратим внимание на то место, которое они уделяют Украине (оба ученых признают ее ключевым вопросом в отношениях с Россией) в далеко идущих планах США по установлению парадигмы «новой нормальности» как основы нового миропорядка.

Как уже говорилось, технологические компоненты являются определяющим атрибутом информационно-коммуникационных процессов в политической сфере. От них зависят скорость передачи информации, масштаб охваченной сообщениями аудитории, интенсивность информационных потоков и ряд других характеристик коммуникативного взаимодействия. Появление среды Интернет, выстроенной по сетевому принципу и объединяющему миллионы людей, создало в информационном пространстве политики, сфере политических коммуникаций качественно новую ситуацию, когда множатся изменения норм, участников и институтов политического процесса.

На данном моменте это еще не полностью укоренившаяся реальность, а лишь тенденция – и многие страны решают задачу оптимального соотношения традиционных, электронных СМИ и Интернета.

Тем не менее, в современных условиях Интернет создает, возможно, самую активную среду, транслирующую влияние внешних социально-экономических условий на политику. Политические структуры, не имеющие должного информационного сопровождения своих проектов, утрачивают позиции и снижают свое влияние на процессы принятия государственных решений. Аналогичная проблема проявляется и во внешнеполитической среде (самым ярким примером относительно России является конфликт с Грузией в 2008 г. и последующее основание телеканала Russia Today).

На данный момент традиционные институты и системы власти, представители правящего класса и рядовые граждане не всегда еще органично взаимодействуют с этим инструментом коммуникации, не вполне научились использовать его для выражения и защиты своих интересов. Политический потенциал Интернета еще до конца не понят и не освоен. Одно ясно наверняка: применение новых информационных и коммуникативных практик становится центральной проблемой большинства развитых стран по удачной реализации своих политических решений.

При все возрастающей роли информации и технологий другими факторами, влияющими на формирование новых моделей политической коммуникации и на культуру информационного взаимодействия являются социокультурные традиции общества.

Первые ростки современной американской внешнеполитической доктрины, включающей в себя как новое звучание тезиса об американской исключительности (как символическом капитале, который де-факто монополизирует первенство США в борьбе за свободу в Интернете), так и экспансионную модель демократии, следует отсчитывать с Рональда Рейгана. Эта же исключительность подкрепится революциями в сфере коммуникационных технологий и ляжет в основу речи Хиллари Клинтон. о свободе в Интернете.

Рональд Рейган обосновывал сопротивление советскому экспансионизму в конфронтационном стиле. Риторические утверждения Рейгана относительно уникальности американской морали не являлись чем-то качественно новым. Но его конкретную трактовку американской исключительности можно считать уникальной из-за ее интерпретации как направляющей силы в проведении внешней политики. Государственный секретарь Джордж Шульц так разъяснял эту концепцию в речи, произнесенной в Сан-Франциско в феврале 1985 года:

«В течение многих лет мы наблюдали, как наши оппоненты без всякого стеснения поддерживали инсургентов по всему миру, чтобы распространять коммунистические диктатуры... Сегодня, однако, советская империя ослабевает под давлением собственных внутренних проблем и внешних обязательств... Силы демократии во всем мире ценят наше с ними единение. Оставить их на произвол судьбы было бы постыдным предательством — предательством не только по отношению к храбрым мужчинам и женщинам, но и по отношению к самым высоким нашим идеалам». ¹²⁰

Генри Киссинджер в своей «Дипломатии» утверждал, что на деле Рейган склонил внешнеполитический диалог Америки к экспансионной модели:

«Америке незачем пассивно ждать, пока в результате эволюции появятся свободные институты, и незачем ограничиваться отражением прямых угроз для собственной безопасности; вместо этого она будет активно способствовать распространению демократии, поощряя те страны, которые соответствуют демократичным идеалам, и наказывая те, которые им не соответствуют, даже если они не бросают открытого вызова Америке и не представляют для нее угрозы. Таким образом, команда Рейгана перевернула вверх ногами призывы времен раннего большевизма: не ценности «Коммунистического манифеста», но демократические ценности грядут, определяя собою будущее». ¹²¹

В результате дальнейшей победы над Советским Союзом США остались единственной глобальной супердержавой, которая обладала возможностью вмешательства в любой части земного шара.

120 Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/46/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/46/Kissindzher_-_Ponyat_Putina._Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

121 Г. Киссинджер. "Дипломатия". URL: <http://mognovse.ru/bzc-nauchno-izdateleskij-centr-stranica-89.html> (дата обращения: 28.03.2015)

Но парадоксальным образом «конец истории» не наступил: Америка сумела в одностороннем порядке диктовать глобальную международную деятельность лишь непродолжительное время. По иронии судьбы, сила ее стала более рассредоточенной. Планы по общей безопасности провалились – на смену стабильному противостоянию двух систем пришли новые игроки, не признающими никаких правил: религиозные фанатики международный терроризм. Впереди - 11 сентября. «Конец истории» стал только «целью истории». ¹²²

В своей «Великой шахматной доске» Збигнев Бжезинский утверждал, что центральной целью внешнеполитического влияния Америки является Евразия. Исходя из этого, Бжезинский включил в список соперников Америки Францию, Германию, Китай, Индию. И Россию – то есть, страны с собственными геостратегическими амбициями.

По мнению Бжезинского феномен Вашингтона, как столицы США, определяется тем, что он стал первой глобальной политической столицей в мировой истории. В рамках нашего исследования особенно интересно, что Бжезинский трактует этот феномен символически, обращая внимания на «треугольник власти»:

«Решения, принимаемые внутри отчасти перекрывающихся друг друга, но очень четко ограниченных треугольников, распространяют американскую мощь на весь мир и весьма существенно влияют на то, как идет процесс глобализации. Линия, прочерченная от Белого дома до монументального здания Капитолия, затем к напоминающему крепость Пентагону и обратно к Белому дому, образует периметр этого треугольника власти. Другая линия - от Белого дома до расположенного в нескольких кварталах от него Всемирного банка, затем к Государственному департаменту и обратно к

122 Игра слов: «End» на английском означает и «конец» и «цель». Намек на книгу Ф. Фукуямы «End of History».

Белому дому (это пространство также включает Международный валютный фонд и Организацию американских государств) - обозначает треугольник глобального влияния. Взятые вместе, эти два треугольника свидетельствуют о том, до какой степени «мировые дела» в их традиционном понимании стали для Вашингтона внутренними делами, замкнутыми в пределах его окружной дороги». ¹²³

В политической сфере США символы играют большое значение. Бжезинский отмечает, что у каждого президента, например, был свой личный стиль приема важных посетителей. Важность встречи определялась по времени, уделенному американским президентом гостю, а также место встречи: встреча в Овальном кабинете демонстрировала серьезность намерений, государственный обед – особые национальные отношения, а встреча в Кэмп-Дэвиде – личную близость президенту. Более того, примерив на себя амплуа глобальной империи США придали новое, актуальное звучание тем символам, которые считаются как наследие Рима: Сенат, Конгресс и пр. Такие символы теперь подчеркивают, что США, как мировая держава, относится к обособленному цивилизационному классу, у нее больше нет врагов, есть только бунтовщики против нового миропорядка, террористы и государства-изгои (выключенные из бинарной логики «новой нормальности»). Такая держава может позволить себе не воевать, теперь в случае международного конфликта она будет выполнять карательные функции. Так происходит инструментальная реализация всемирной сети бинарности, которая основана на идентичности, рождающейся на разделенных культурных символах.

Бжезинский отмечает, что коронация Америки глобальным лидером стала ситуационным фактом, свершившимся в результате развала советского

123 З. Бжезинский, Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : [перевод с английского] - Москва: Астрель, 2013. – С. 412

блока. Эта коронация привела к необходимости свежей политической интерпретации новой эры. По мнению Бжезинского, - и в этом характерно проявляется его апологетика глобализации и «идеализм» - уникальность положения США обусловилась тем, что они стали первой и единственной действительно мировой державой. Обладание и применение Америкой «имперской власти» в большой степени является результатом ее синхронизации с дискурсом «новой нормальности»: высокие способности к мобилизации, динамизму и значительные мощности культурной сферы. В основе глобальной мощи США лежат четыре фактора: военный, экономический, технологический и культурный. Нас интересует последний.

Как и в случае с Римом, где имперское могущество опиралось на психологическую реальность (*Civis Romanus sum* как высшая форма легитимизации), так и культурное превосходство Америки узаконивает имперское правление, склоняет другие страны к ассимиляции и включению в имперскую структуру (например, присоединение к НАТО или ЕС – основному союзнику США на мировой арене). Более того, находясь в русле информационного общества, США в целом гораздо больше внимания уделяет методам кооптации с поверженными противниками и потенциальными союзниками, чем империи былых времен. Даже стилистика внешней политики постепенно меняется под влиянием модели США. Особенно это заметно на примере бывших стран-участниц советского блока, где подражание американскому стилю в политике символические приравнивалось к укреплению демократии после победы над тоталитаризмом. Бжезинский считает, что все указанное выше дает основания говорить об американском «культурном империализме», в котором органично сплелись новая информационная логика и ядро классической имперской политики.

Мощь Америки определяется не тем, что она покорила вершину мира,

но тем, что она заняла центр мира, она стала центральным узлом в сетевом миропорядке, она стоит в центре взаимосвязанной и взаимозависимой коммуникационной и политической вселенной, в которой властные отношения проводятся через постоянный диалог, маневрирование, диффузию и формальные консенсусы. Вмешательство иностранных лидеров во внутреннюю жизнь Америки строжайше запрещено: поскольку программа сети задается из центра, то в этом центре не может быть программных сбоев. Зато любой другой узел, внезапно озвучивший свою девиацию, сразу попадает в положение обвиняемого. При этом, надо, конечно, оговориться, что американская глобальная власть не подразумевает осуществление непосредственного управления своими союзниками, речь идет скорее о возможности оказания решающего давления при всякой отдельной взятой девиации. Таким образом, мы можем скорее говорить о США как о медиуме, фасилитаторе, модераторе международных отношений в мире.

По мнению Бжезинского, самым действенным способом выразить несогласие с «центральностью» Америки в новом миропорядке и ее видением такого миропорядка является констрсимволизм: «когда более слабая сторона принимает (по крайней мере внешне) правила игры, применяемые более сильной стороной, и направляет их против сильной стороны. Классическим примером является мобилизация индийских масс партией ИНК Махатмы Ганди, который использовал тактику мирного гражданского неповиновения и призывы к британскому либерализму для завоевания политических симпатий в Великобритании и нейтрализации возражений британских правителей против независимости Индии». ¹²⁴

Бжезинский считает, что первыми признаками появления контркредо стали взрывы насилия в первом году XXI века во время конференции ВТО в

124 З. Бжезинский. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство? URL: <http://mognovse.ru/pqu-globalenoe-liderstvo-moskva-mejdunarodnie-otnosheniya-stranica-13.html> (дата обращения: 28.03.2015)

Сиэтле, заседаний Всемирного банка в Вашингтоне и МВФ в Праге. В этом смысле, для того, чтобы понять реализацию американской модели внешней политики в сетевом обществе было бы очень плодотворно обратиться к опыту Джорджа Буша-старшего, при котором такая модель, зарождаясь, наткнулась на контркредо, заявку на первенство от другого игрока.

Осенью 1990 года американской администрации помимо кризиса в советском блоке пришлось уделить чрезвычайное внимание иракскому вторжению в Кувейт, которое ставило под угрозу все идеалы нового мироустройства, установившегося после окончаний Второй мировой войны. Именно тогда впервые за очень долго время президент США мог действовать, не опасаясь сопротивления со стороны СССР. В то же время ошибка Саддама Хуссейна, который был убежден, что две супердержавы целиком поглощены другими делами, заключалась в том, что он не осознал новых геополитических реальностей, в которых «Буш возвышался над миром, став первым в истории глобальным лидером, и Соединенные Штаты получили едва ли не всеобщее признание в качестве единственной сверхдержавы». В этом смысле вызов Хуссейна был не политическим, не экономическим, а коммуникационным, символическим: оспаривалась доминирующая роль США в мире. Была совершена попытка утвердить собственное право на самостоятельное решение вопроса, связанного с межгосударственными отношениями без санкции США. Подобное оспаривание является мощнейшим стимулом для активизации американской внешнеполитической мощи и начала подлинно глобального политического конфликта.

В другой своей книге, «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» Бжезинский анализирует попытки последних американских лидеров выстроить новую политическую геостратегему США в свете «новой нормальности». По мнению ученого, если Билл Клинтон

столкнулся с целым комплексом глобальных проблем, доставшихся в наследие от индустриального общества - устоявшиеся интересы, национальное соперничество, культурный гедонизм богатых, сильная озлобленность бедных и уверенность в своих правах этнических и религиозных антагонистов – и помешавшими превратить глобальное верховенство Америки в доброе деяние, то при президентстве Джорджа У. Буша была впервые осуществлена попытка интерпретации новой политической роли Америки в мире.

Буш противостоял экономическому детерменизму, который почитался сторонниками глобализации (к которым принадлежал и Клинтон) и выступал за более воинственную позицию (первое и второе течение Бжезинский нарекает «марксистами» и «ленинцами» соответственно, что тоже характерно в свете описываемых нами в предыдущей главе метафор Холодной войны). Для описания такой «воинственности» Бжезинский вспоминает следующий случай:

«Высокомерие, охватившее при Буше Белый дом, достаточно точно отразил Рон Саскинд в материале, опубликованном в октябре 2004 года в «Нью-Йорк таймс магазин», в котором один из старших помощников Буша едко урезонивал критиков, выступавших от той части общественности, которую он называл «сообществом реалистов». Этот чиновник сказал: «Мир больше так не живет... Мы теперь империя, и когда мы что-то делаем, мы создаем нашу собственную реальность. И пока вы будете изучать эту реальность — как всегда вдумчиво, — мы снова будем действовать, создавая новые реальности, которые вы можете также изучать, и вот так и будет все это продолжаться. Мы являемся действующими лицами истории... а вы, все вы, будете изучать то, что мы делаем».¹²⁵

125 З. Бжезинский. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=181929&p=29> (дата обращения: 28.03.2015)

Однако «изучение» действий США в Ираке, Сирии, Иране, Саудовской Аравии подорвали международную легитимность Америки как гаранта нового миропорядка. В свою очередь, реализация «нелегитимной» власти требовало существенно большего количества ресурсов: ослабление «мягкой» силы привело и к ослаблению «жесткой» силы. Создание «новых реальностей» оказалось чрезвычайно дорогим занятием как во внутреннем, так и во внешнем отношении.

Это подводит Америку к тому, что следующие за Бушем президенты должны будут восстанавливать глобальную легитимность США. Среди главных проблем на пути решения этой задачи не военная сила – она только выросла в сравнении с 1991 годом – сколько «способность страны привести в действие, воодушевить, задать общее направление и таким образом формировать глобальные реальности». Иными словами, тот комплекс действий и ресурсов, которые являются доминирующе важными в «новой нормальности». Бжезинский и сам убежден, что военной силы, пусть даже и основанной на экономической мощи страны и таланте ее руководства, уже недостаточно, чтобы прочно занять центральное положение в глобальной сети:

«С наступлением глобальной эры доминирующая держава не имеет другого выбора, кроме как проводить внешнюю политику, подлинно глобалистскую по своему духу, содержанию и масштабу. Ничего не может быть хуже для Америки и в конечном счете для всего мира, чем восприятие американской политики в постимперскую эру как самонадеянно имперской, увязшей в колониальном прошлом вопреки наступившему постколониальному времени, эгоистически безразличной в условиях беспрецедентной глобальной взаимозависимости и уверенной в собственной культурной ценности в религиозно разделенном мире. Кризис американской сверхдержавы стал бы тогда смертельным».

Какие непосредственные шаги, по мнению Бжезинского, должны предпринять США в русле такой политики? По мнению ученого, ключевым условием для распространения американского господства над всем миром является Евразия – та самая шахматная доска, игру на которой вели все выдающиеся империи истории. Россия, даже чисто территориально контролирующая большую часть Евразии естественным образом становится главным предметом размышлений Америки: исторический аспект наслаивается на прагматический. В этом смысле нам чрезвычайно важно отметить ту геостратегему Америки, которую Бжезинский формулирует в отношении России: центральное место в ней занимает Украина, и это поможет нам при дальнейшем разборе украинского конфликта.

Как считает ученый, Украина «является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав

Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы». ¹²⁶

Таким образом, включенность Украины в евроатлантическую сферу влияния, с ее сетевым дискурсом «новой нормальности» и западным комплексом ценностей прямо связывается с дальнейшими геополитическими и цивилизационными перспективами России. Позволив Украине такое включение, Россия бы продемонстрировала свою приверженность демократии и могла бы стать младшим партнером в создании более стабильной и основанной на сотрудничестве Евразии. Однако если учитывать, что большая часть российского внешнеполитического истеблишмента прошла социализацию в СССР и испытывает в известной степени равно как чувства реваншизма, так и желание играть особую евразийскую роль, то становится ясно, что украинский вопрос – это не внутривосточный вопрос и даже не межгосударственный, но в настоящем смысле геополитический и цивилизационный.

Более того, независимость Украины уже бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества:

«Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в

126 З. Бжезинский. ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА (Господство Америки и его геостратегические императивы). URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf (дата обращения: 28.03.2015)

себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземноморья и всего мира в целом».¹²⁷

Основываясь на расширении Европы (включение все новых государств в ЕС) и распространении трансатлантической системы безопасности Бжезинский выдвигает следующий – почти пророческий - прогноз касательно будущего Украины: «где-то между 2005 и 2010 годами Украина, особенно тогда, когда она добьется значительного прогресса в проведении реформ внутри страны и тем самым более четко определится как страна Центральной Европы, должна быть готова к серьезным переговорам как с Европейским Союзом, так и с НАТО».¹²⁸

В этом смысле США сталкиваются с дилеммой: способствование внутреннему развитию России, по американской логике, приведет к усилению ее демократических тенденций. Демократизация России приведет, следовательно, и к ее европеизации. Однако укрепление российской мощи неизбежно поставит вопрос и о восстановлении ее имперской мощи, что, как мы показали выше, для США и ЕС является крайне нежелательным.

Географическая протяженность России давно уже привела к тому, что ее элита мыслит геополитически. После развала СССР в 90-ые годы убеждение, что геополитика – это новая идеология, разделялось большей частью политического истеблишмента, что и привело к плану Евразийского Союза Владимира Путина. Подобная новая имперскость в свое время очень сильно повлияла на специфику украинского национализма. Еще на этапе

127 Там же. URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf (дата обращения: 28.03.2015)

128 З. Бжезинский. ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА (Господство Америки и его геостратегические императивы). URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf (дата обращения: 28.03.2015)

формулирования принципов функционирования СНГ, обращает внимание Бжезинский, оппозиция «идеям Москвы в отношении «интеграции» была особенно сильной на Украине. Ее лидеры быстро поняли, что такая «интеграция», особенно в свете оговорок России в отношении законности независимости Украины, в конечном счете приведет к потере национального суверенитета. Кроме того, тяжелая рука России в обращении с новым украинским государством: ее нежелание признать границы Украины, ее сомнения в отношении права Украины на Крым, ее настойчивые притязания на исключительный экстерриториальный контроль над Севастополем — все это придало пробудившемуся украинскому национализму явную антирусскую направленность. В процессе самоопределения во время критической стадии формирования нового государства украинский народ, таким образом, переключился от традиционной антипольской или антирумынской позиции на противостояние любым предложениям России, направленным на большую интеграцию стран СНГ, на создание особого славянского сообщества (с Россией и Беларусью), или Евразийского союза, разоблачая их как имперские тактические приемы России». ¹²⁹

Именно по этому, по мнению ученого, проводить линию на увековечивание дилеммы единственной альтернативы для России является важнейшей внешнеполитической парадигмой США во всех вопросах, связанных с контролем на евразийском пространстве. В практическом русле это должно быть достигнуто постепенным расширением НАТО и ЕС: «более крупная Европа расширит границы американского влияния — и через прием в новые члены стран Центральной Европы также увеличит в европейских советах число государств с проамериканской ориентацией, — но без одновременного образования такой интегрированной в политическом плане

129 З. Бжезинский. ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА (Господство Америки и его геостратегические императивы). URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf (дата обращения: 28.03.2015)

Европы, которая могла бы вскоре бросить вызов Соединенным Штатам в геополитических вопросах, имеющих крайне важное для Америки значение, в частности на Ближнем Востоке. Политически оформленная Европа также необходима для прогрессивной ассимиляции России в систему мирового сотрудничества». ¹³⁰

Любопытно, что Бжезинский является еще и одним из авторов разновидности теории постиндустриального общества. Грядущее общество Бжезинский называет «технотронным». Эта концепция является попыткой наложения постиндустриализма на тот геополитический контекст, который сложился к 70-ым годам. Акцент в ней делается на глобальной интеграции, которая способствует уничтожения старых верований, таких как национальные или идеологических общностей людей, которые вынуждены будут уступить новому глобальному видению мира. В этом контексте Бжезинский считает культурную гегемонию США в мире естественным следствием из постиндустриализма. Новый эволюционный путь, ведущий через деидеологизацию глобален и неизбежен.

Было бы, однако, ошибкой считать идеалистическое, направленное на экономический детерминизм глобального общества течение внутри американского истеблишмента единственным. Ему в лице архитектора развала СССР Генри Киссинджера противостоит так называемое «реальное» течение (Realpolitik), которое видит в глобальном информационном обществе всего лишь сцену, на которой правят бал классические принципы политического прагматизма.

«Все это способствует уменьшению глобалистской эйфории, а также снижению активности мантрических танцев вокруг возведенного в культ постиндустриально-цифрового общества, зяждущегося на кредитно-

¹³⁰ Там же. URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf (дата обращения: 28.03.2015)

долговых пузырях. Те государства, которые некоторое время назад добровольно отказались от собственных идей национального развития... начинают задумываться над самоидентификацией, источниками и векторами формирования стратегических приоритетов собственной внутренней и внешней экономической политики». ¹³¹

«Реальное» течение в гораздо большей степени лишено идеологического компонента – и потому меньше связано с темами, разобранными нами ранее – и опирается, в основном, на социокультурную и политическую специфику каждого актора, вовлеченного в международные отношения.

«Экономический глобализм не заменяет собой мирового порядка, хотя и может быть его существенным компонентом. Уже сам по себе успех глобализированной экономики станет источником неурядиц и напряженности как внутри государств, так и в отношениях между ними, что с неизбежностью окажет соответствующее давление на мировых политических лидеров. Между тем во многих частях света национальное государство, пока еще остающееся единицей политической ответственности, подвергается влиянию двух противоположных тенденций: или распадается на этнические компоненты, или растворяется в больших региональных объединениях». ¹³²

Этот принцип ярко представлен в стратегии «челночных переговоров», которую ее автор Киссинджер описывал следующим образом:

«Допустим, я прихожу к Рокфеллеру и спрашиваю:

– Послушайте, Рокфеллер, вы хотите заполучить в зятя «крутого» сибирского мужика?

131 Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/10/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/10/Kissindzher_-_Ponyat_Putina._Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

132 Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina._Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

– Что за идея взбрела вам в голову, – недоумевает Рокфеллер. – Зачем мне это?

– А если он клиент швейцарского банка? – настаиваю я.

– Это другое дело, – говорит он.

Дальше – совсем просто. Я иду в банк и спрашиваю:

– Хотите, чтобы вашим клиентом стал «крутой» сибирский мужик?

– Этого еще нам не хватало! – возмущается директор банка.

– Ну а если он зять Рокфеллера? – говорю.

– Это меняет дело, – заинтересовывается директор банка.

Теперь наступает завершающий этап. Я приезжаю к «крутому» сибирскому мужику и предлагаю:

– Хочешь жениться на американке?

Он пожимает плечами:

– Зачем это мне?

Я снабжаю его дополнительной информацией:

– А если она дочь Рокфеллера?..

– Ну, это – совсем другое дело, – соглашается он.

Остается суцая ерунда.

Я посещаю дочь Рокфеллера и спрашиваю ее:

– Хочешь выйти замуж за клиента швейцарского банка?

– Эка невидаль! – отвечает она. – Таких клиентов вокруг – пруд пруди.

Выбирай любого...

– Ну а если он «крутой» сибирский мужик?

Выражение ее лица меняется.

– Так бы сразу и сказал!». ¹³³

Самым ярким примером такой стратегии можно назвать совместное –

133 Там же. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina_Politika_zdravogo_smysla.html (дата обращения: 28.03.2015)

Никсона и Киссинджера – разыгрывание китайской карты для нейтрализации «доктрины Брежнева», венцом которого стало Шанхайское коммюнике, подписанное Никсоном в 1972 года. Активное вмешательство в международные дела - в частности, в Азию - было крайне негативно воспринято американской прессой. В связи с этим любопытен анализ Киссинджера тех двух главных течений во внешнеполитической парадигме Америки, которые мы описывали выше:

«Как потом покажут годы пребывания Рейгана на президентском посту, более решительная политика по отношению к Советскому Союзу породила ряд успехов и достижений, хотя эти успехи стали очевидны лишь на позднейшей стадии советско-американских отношений. Но когда только разгорались дебаты по поводу разрядки, Америке еще предстояло оправиться после Вьетнама и позабыть про «уотергейт». А у советских лидеров должна была произойти смена поколений. Но то, как разворачивались дебаты в начале 70-х годов, тем не менее позволило сохранить определенное равновесие между идеализмом, пронизывающим все великие американские инициативы, и реализмом, предопределенным переменной глобальной обстановки». ¹³⁴

Реализм Киссинджера поддерживается еще и тем, что после 11 сентября 2001 года он стал ярко выраженным государственнымником. Однако процесс стратегического расхождения двух ключевых режиссеров-идеологов информационной войны против СССР, Бжезинского и Киссинджера, начался чуть раньше - с 1995 года. Концептуальная разница идеолога глобализма и идеолога реализма проявилась ярче всего в 1997-1998 годах после появления их трудов: «Великая шахматная доска» и «Дипломатия». Если Бжезинский снова подразумевает активно давление на Россию, то Киссинджер де-факто

134 Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina._Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

является форвардом и рупором той части американского истеблишмента, которая призывает «понять Путина», иначе говоря расценивать Россию как равного (в смысле признания того факта, что и у нее могут быть свои интересы) партнера. Как мы увидим дальше, именно такой подход мог бы оказаться самым плодотворным во внешнеполитических отношениях США и России, ведь самое сильное разногласие двух этих стран, выраженное Владимиром Путиным во время известной Мюнхенской речи, заключается во все увеличивающемся отходе американской стороны от подчиненности «правил для всех», которые она же сама и сформулировала в свое время.

Между тем для Киссинджера свойственно понимание специфики сетевого геополитического ландшафта, которую он описывает очень близко к Кастельсу:

«Международная система XXI века будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментации, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой. На уровне отношений между государствами новый порядок, пришедший на смену «холодной войне», будет напоминать европейскую систему государств XVIII — XIX веков. Его составной частью станут, по меньшей мере, Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия, а также великое множество средних и малых стран. В то же время международные отношения впервые обретут истинно глобальный характер. Передача информации происходит мгновенно; мировая экономика функционирует на всех континентах синхронно. На поверхность всплывет целый ряд проблем, таких, как вопрос распространения ядерных технологий, проблемы окружающей среды, демографического взрыва и экономической взаимозависимости, решением которых можно будет заниматься только в мировом масштабе».¹³⁵

135Г.Киссинджер. Понять Путина. Политика здравого смысла. URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina_Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

Место России в этой системе, как и раньше, обуславливается ее цивилизационной матрицей, специфика которой находится на стыке европейской, азиатской и мусульманской культур. Никогда не являясь национальным государством, в силу своей специфической матрицы Россия всегда была присуща модус имперской политической модели. Посткоммунистическая Россия, после ряда поражений в XX веке и в сжатых границах сегодня сталкивается с потребностью переосмысления своей сущности.

Анализируя потенциально ведущих игроков в XXI веке Киссинджер приходит к выводу о фундаментальной неспособности любой из ведущих стран выстраивать новый мировой порядок в одиночку, который теперь должен сочетать в себе атрибуты исторических систем равновесия сил с общемировым демократическим мышлением, а также стремительно развивающейся современной технологией:

«Будет ли международный порядок относительно стабилен, как после Венского конгресса, или весьма непрочен, как после Вестфальского мира и Версальского договора, зависит от степени, в какой он согласует чувство безопасности составляющих его обществ с тем, что они считают справедливым. Две международные системы, оказавшиеся наиболее стабильными, а именно, порожденная Венским конгрессом и возглавляемая Соединенными Штатами после окончания второй мировой войны, имели то преимущество, что строились на общности взглядов. Государственные деятели, собравшиеся в Вене, были аристократами, для которых существовали одни и те же моральные запреты и основополагающие принципы; а американские лидеры, сформировавшие послевоенный мир, являлись порождением исключительно цельной и жизнеспособной интеллектуальной традиции. Возникающий сейчас порядок должны будут строить государственные деятели, которые представляют совершенно разные

культуры. Они руководят бюрократическими системами такой сложности, что зачастую энергия этих государственных деятелей в большей степени уходит на приведение в действие административной машины, а не на определение цели». ¹³⁶

Иными словами, ключевой проблемой политического оформления нового миропорядка – уже оформившегося экономически, технологически, культурно и коммуникационно – станет сложное сочетание фрагментарности и цельности, самобытности и универсальности, уникальная красота каждого узла при цельности сети. Решение этой проблемы требует от Америки осторожного отношения к культурной и политической специфике всех включенных в глобальное общество партнеров, а от представителей других цивилизационных образований – Иран, Россия, Китай – требуется готовность встраиваться в «новую нормальность», которая, пусть и многообразная, но все же работает на западной программном обеспечении. Как мы увидим ниже, символические игры, проводящиеся в международных конфликтах сегодня, равно как и борьба нарративов, проводимая в информационных кампаниях, практически во всех случаях отсылают к этой проблеме. Клишэ российского и американского подходов обостряется не только в практическом измерении, но также и в историческом: обе страны приписывали и приписывают себе особую глобальную миссию.

Мы рассмотрели рекомендации Бжезинского по дальнейшему выстраиванию отношений с Россией. Что же рекомендует его заклятый коллега Киссинджер? Киссинджер выделяет два приоритета в таких отношениях:

«В первую очередь нужно постараться, чтобы к мнению России с уважением прислушивались в возникающей системе международных

¹³⁶ Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina_Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

отношений; необходимо сделать все для того, чтобы Россия почувствовала, что она участвует в принятии многосторонних решений, особенно касающихся ее безопасности. В то же время Соединенные Штаты и их союзники должны постоянно подчеркивать — вопреки любым своим пристрастиям, — что их обеспокоенность сохранением баланса сил отнюдь не исчезла с окончанием холодной войны. Соединенные Штаты не должны смиряться с поддержкой Россией ядерной программы Ирана, ее систематическими нападками на американскую политику в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, и ее стремлением поддерживать группировки, провозгласившие своей целью демонтаж того, что российские лидеры упорно называют американской гегемонией. Соединенные Штаты должны уважать законные интересы России в области безопасности. Но это предполагает, что российское понимание законности должно быть совместимо с независимостью соседних государств, а сама Россия должна серьезно относиться к американской обеспокоенности распространением ядерных и ракетных технологий». ¹³⁷

Мы увидели, что представители американского «идеализма» и «реализма» в равной степени уделяет внимание вопросу «сможет ли потенциально могучая Россия создать систему устойчивых отношений с остальным миром?». Этот вопрос, следовательно, является ключевым для всех акторов внешнеполитической коммуникации Америки. В нем легко увидеть описанную Кастельсом бинарность «новой нормальности». Однако проблема заключается не только в способности России выстроить подлинно стабильный курс взаимоотношений с миром, «включенность» в глобальное информационное общество. Дело в том, что институциональное оформление такой «включенности» (вступление России в НАТО или ЕС) в

137 Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher - Ponyat Putina. Politika zdravogo smysla.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina_Politika_zdravogo_smysla.html) (дата обращения: 28.03.2015)

ближайшем будущем просто невозможен:

«Членство России в НАТО превратит Атлантический альянс в инструмент безопасности типа мини-ООН или, напротив, в антиазиатский — особенно антикитайский — альянс западных индустриальных демократических государств. Российское членство в Европейском Союзе, с другой стороны, разделило бы два берега Атлантики. Такой шаг неизбежно подтолкнул бы Европу в ее поисках самоидентификации к дальнейшему отчуждению от Соединенных Штатов и заставил бы Вашингтон проводить соответствующую политику в остальном мире. Институциональные отношения между Россией и Европой, более близкие, чем отношения Европы с Соединенными Штатами, или даже сравнимые с ними, произвели бы переворот в трансатлантических взаимоотношениях — вот почему Путин так прилежно обхаживает кое-кого из американских союзников».¹³⁸

Складывается ситуация, при которой возникает так называемый «унилатерализм», своего рода настойчивый консилиум, требующий от стран доказывать свою пригодность к вступлению в международную систему, соответствовать американским предписаниям. При этом в случае с Россией США не обладает возможностью политического вознаграждения за такое соответствие.

Это приводит к несоответствию ожиданий. К примеру, Мюнхенская речь Путина – Киссинджер называет ее «переломной» - была вызвана именно тем, что военная инфраструктура НАТО приближалась к российским границам в нарушение договоренностей, которые, по мнению Москвы, были гарантированы. Как мы увидим дальше, точно такое же несоответствие озвученных договоренностей и непосредственных действий США послужило поводом для включения России в украинский конфликт. Такое несоответствие

¹³⁸ Там же. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032647/Kissindzher_-_Ponyat_Putina_Politika_zdravogo_smysla.html (дата обращения: 28.03.2015)

является, пожалуй, самым болезненным раздражителем для российского руководство, ведь оно наносит не только психологический удар (показывает неуважение), не только выставляет Америку как ненадежного партнера, но также свидетельствует и о структурном символическом непонимании США и России, металингвистическом разрыве в их коммуникации. В противовес Киссинджер приводит пример первой встречи Джорджа Буша-младшего и Владимира Путина, когда Буш заявил, что заглянул Путину в глаза и увидел в них родственную душу. По мнению Киссинджера, для Путина «то было признание равенства, права на равное партнерство с США».

Мы вкратце описали отношение внешнеполитического истеблишмента США к новому мироустройству XXI века. Теперь попробуем разобраться, с каким багажом в новое тысячелетие вошла Россия. Российская картина мира и модель внешнеполитической коммуникации существенно изменилась на рубеже веков. Отказавшись от советской модели, российское политическое руководство долгое время проводило антидержавную политику. Вторжения и диктат Америки в случаях с Югославией, Афганистаном, Ираком проходили без сколько-нибудь серьезного вмешательства России. Пришедший к власти после Бориса Ельцина, Владимир Путин, сохранивший ментальный код и традиции, сформированные в советских условиях, вернулся к более амбициозным представлениям о статусе и возможностях России в глобальной политике.

В рамках данного исследования особенно важно отметить, что советская, державная картина мира во многом определяет и отношение к СМИ как к каналам вертикальной коммуникации. Представителем такого отношения к средствам массовой информации долгое время являлся и Владимир Путин, предпочитающий довольно жесткую и вертикальную модель информационной политики в стране. Характерно, что модель информационного взаимодействия, использованная в ходе размещения статьи

Владимира Путина в рамках сирийского конфликта, к традиции вертикальной коммуникации не относится ¹³⁹, поскольку носит полилогический характер (задачей стояло привлечь и вовлечь в диалог обывателей и не показывать остро критическое отношение к американской позиции по сирийскому вопросу).

Традиция российско-американского диалога долгое время существенно ограничивала российское политическое руководство в ресурсах, которые могли бы способствовать влиянию на американское правительство. Нейтрализовывала любые обвинения российской стороны в нарушении Америкой международного законодательства (Югославия, Ирак, Афганистан). Это отчасти, как мы увидим в случае с сирийским конфликтом, предопределило ситуацию, при которой Владимир Путин был вынужден создавать новый ресурс сам, обращаясь напрямую к американскому народу, ссылаясь на нормы международного права и разные авторитеты, не имея, по сути, возможности напрямую проводить собственную политику.

В своей книге «Информационная политика в России» С.В. Коновченко и А.Г. Киселев отмечают, что самая традиция государственного отношения к знанию и информации существенно отличается от западной. К примеру, даже начало книгопечатания на Руси было инициировано властью во имя упрочения государственности, в то время как на западе появление печати было вызвано «пробуждением умов», приведшим к эпохе Возрождения. На Руси же печать изначально была государственной – и, разумеется, подцензурной. А первая русская рукописная газета «Куранты» не была средством массовой информации, как в Европе, а аккумуляторов сведений из-за рубежа для узкого круга элиты для корректировки государственной

¹³⁹ Политическая пропаганда (от лат. пропаганды *pro* — распространять) представляет собой основную форму односторонней и монологической организации информационных потоков в сфере власти, формирующуюся без учета мнений реципиента и на основе остро критического отношения коммуникатора к позициям своих конкурентов.

политики. В то же время ряд попыток несколько демократизовать отечественное информационное пространство – например, разрешение частных журналов Екатериной II - мгновенно сворачивались, стоило внешнеполитическим или внутривнутриполитическим событиям поставить под угрозу сохранность русского государства.

Коновченко и Киселев отмечают, что внимание России к просветительским идеалам и практикам было вызвано претензией на равноправное положение с другими европейскими государствами. Иными словами, символическое значение внешней политики и зачатки бинарного коммуникационного пространства уже тогда во многом влияли на поведение политических акторов. Однако ценой за увеличение имиджевого и коммуникационного капитала является делегирование части своих властных ресурсов более широкому кругу лиц:

«Уже к концу царствования Елизаветы Петровны потребность в книгах в России выросла настолько, что казенные типографии не могли справляться со всеми заказами; кроме академической книжной лавки, стали появляться частные, владельцы которых в том числе выписывали и продавали зарубежные издания Вольтера, Руссо, Дидро и других представителей западноевропейской философии, увлекших своими идеями многие русские умы. Так подготавливалось появление интеллигенции в России.

В анализируемую эпоху наблюдалось также развитие научных, литературных и литературно-политических журналов и сборников, пусть не во все периоды одинаково продуктивное. Да, их деятельность была стеснена цензурой, однако с их помощью активно обсуждались передовые идеи, на статьях этих изданий воспитывалась альтернативно мыслящая интеллигенция. Например, если в 1801 г. выходило 10 журналов, то в 1841-1850 гг. - 57 и в 1851-1855 гг. - уже 88 журналов. Правда, число общественно-политических и литературных журналов, выросших в количественном

отношении к 1830 г. до двух с половиной десятков, в период между 1835 и 1855 гг. колебалось в пределах от десяти до двадцати и резко возросло только с приходом к власти Александра II. Однако число научных изданий, которых до 1825 г. было менее двадцати, увеличилось к 1855 г. втрое (т.е. стало выходить более шестидесяти). В 1837-1838 гг. произошел резкий скачок числа официальных изданий: правительственных, городских, земских, а также частных объявлений, листовок и т.д. Так, если в 1825 г. таких периодических изданий было менее десяти, то к 1855 г. - 60 341. Немаловажным фактом является и то, что число типографий с 1825 г. по 1855 г. увеличилось в полтора раза, а количество издаваемых книг - в три раза 342». ¹⁴⁰

Иными словами, расширение информационного пространства, качественная и количественная трансформация знания в жизни общества приводит к росту общественного сознания и укреплению его автономии. Основанное на знании общество является более устойчивым нежели общество, основанное на мифологическом или политическом мировоззрении. В переломные моменты российское государство всегда предпринимает попытки консервации установившегося миропорядка. Вторая половина XIX и начало XX веков характеризовались интенсивной индустриализацией, накоплением и концентрацией капитала, урбанизацией – все процессы, лежащие в основу сознания человека индустриальной эпохи – и вели к включению России в мир Второй волны. В то же время императоры Александр III и Николай II прилагали немалые усилия к замедлению происходящих трансформаций, что привело к искажению процессов общественного развития. В итоге индустриализация была проведена снова не снизу, а сверху, авторитарно. Это, как мы показали при разборе теорий

140 Коновченко С.В., Киселев А.Г., ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ - М.: РАГС, 2004. – С. 206

Кастельса и Тоффлера, привело к тому, что советское индустриальное государство существенно отличалось от западного, хотя и принадлежало к тому же цивилизационному коду.

По мнению Тоффлера, это отличие и предопределило падение советского государства:

«В конце концов Советы погубило не вооружение и не экономика, а фактор новых знаний, от которых сейчас все больше зависит и военная мощь, и экономическая сила». Эту же мысль развивает декан факультета журналистики МГУ Я.Н. Засурский: «Когда мы начинаем думать, почему СССР развалился, то приводим многие данные и многие соображения, но никогда не задумываемся над тем, что с централизованным вертикальным управлением, которое было в СССР, невозможно было войти в новую эпоху, в новую технологию. Для развития информационного общества необходимо расширять горизонтальные и сетевые структуры. Они открывают новые возможности для инициативы каждого гражданина, а это огромный ресурс для среднего, малого бизнеса, для того, чтобы новые идеи не только быстро рождались, но и быстро реализовывались». И ту же идею проводит Кастельс: «Я считаю, что жесточайший кризис, который сотрясал основы советской экономики и общества, начиная с середины 1970-х годов, был выражением структурной неспособности этатизма и советского варианта индустриализма обеспечить переход к информационному обществу».

Иными словами, схожую с 1917 годом ситуацию мы наблюдаем сегодня с разворачивающейся третьей волной. Любопытно, что при подобных попытках консервации обычно повышается социальная активность населения, общество политизируется и становится склонным к агрессивному решению конфликтных ситуаций. На фоне таких изменений СМИ проходят через кризис самоопределения. Коновченко и Киселев отмечают, что в случае перехода от общества традиционного к индустриальному СМИ

самоопределяются как «четвертая власть», мы предполагаем, что при переходе от индустриального общества к постиндустриальному СМИ должны будут самоопределиться как «пятая власть», суть которой мы разобрали в начале этой главы, или – инкорпорироваться в состав какой-либо из схлестнувшихся волн, потерять оставшуюся автономность и перестать быть СМИ по определению. В этом заключается вызов новой эпохи для традиционных и новых медиа.

В этом разрезе положение российского медиарынка нельзя назвать радужным. После процессов перераспределения государственной собственности в пользу советской номенклатуры в 80-ые годы окончательно установились формы прямого и внутреннего лоббизма. Уже к началу 90-ых годов начала формироваться практика по размещению крупными экономическими структурами заказных материалов в СМИ. В последствие на фоне приватизации такие стратегии начали дополняться стратегиями овладения СМИ. При этом, первое поколение российских бизнесменов считало медийный бизнес чем-то второстепенным. Однако уже следующее поколение рассматривало СМИ как важнейший инструмент политического и коммуникационного давления на власть и конкурентов. Концепция замкнулась выборами 1996 года, когда владельцы СМИ по сути инкорпорировались в систему государственного управления. Это способствовало окончательному установлению непубличного лоббизма как основного типа коммуникации между бизнесом и властью.

В итоге, в конце 90-ых годов СМИ становятся основной средой политической коммуникации. Иван Засурский в «Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е» отмечает, что переплетение сферы политики и СМИ позволяет говорить о формировании медиаполитической системы. По сути такая система функционирует по модели каскадной активации нарративов. Однако российская система отличается сниженной автономией

СМИ (поскольку они инкорпорированы в систему госуправления) и расширенным властным пространством государства.

Возникновение нового ресурса – киберпространства – не считывалось, конечно, в согласии с заветами Брэнда или Барлоу: сообщения в Интернете стали самым быстрым способом вброса в информационное пространство политически ангажированных и недостоверных сведений. Ускоряя и обогащая отечественный информационный трафик, российский Интернет привел к серьезному падению качества информации, которая не была профессионально отобрана и проверена. Дистанцируясь от моральных оценок, важно отметить, что существование киберпространства существенное повлияло на язык политического дискурса, стилистику поведения политических акторов. Соловьев отмечает, что сочетание двух факторов – возрастающая информированность электората и возможность повышения транспарентности политики – ведет к нарастанию ресурсов власти, объемы которых в процессе использования увеличиваются. При правильном обращении возникнувшими ресурсами «новой нормальности» есть возможность стабилизировать государство и общество, повышая легитимность государственных институтов. Появляется возможность постепенной трансформации традиционной вертикальной и централизованной структуры макрорегулирования общества, чья фрагментарность возрастает, и чья идентичность становится не метанарративной, а сетевой. Интернет, в то же время, становится мощным механизмом децентрализации и деbüroкратизации общества, увеличивая пространство источников власти, куда теперь включены не только отдельные одиозные личности или институты государства, но и любой онлайн-пользователь.

Однако вынужденность новой внешне- и внутривнутриполитической самоидентификации России в мировой политике вкупе с возникновением Интернета привела к формированию транснациональных институтов,

появлению зачатков новой коммуникационной культуры и новых связей с внешним миром.

Сложившееся к началу 2000-х годов российское медиаполитическое пространство было символическим. При этом Засурский отмечает, что «мечты и чаяния мятежных девяностых воплощаются в картину "Великой России", вновь объединяющуюся вокруг нового президента, против внешних и внутренних врагов. И тем не менее, главное отличие современной ситуации от всего, что было ранее - это системно заложенная фрагментированность информационного поля, которая проявляется не только в простроенных различиях политических позиций газет и медиа-холдингов, но и в появлении новой коммуникационной среды - Интернет. Если с помощью давления (угроза отнять лицензию, уголовное преследование) власти без особых сложностей удастся поставить под контроль медиа-политическую систему, то значение Интернета для коммуникационной системы пока трудно оценить. Пожалуй, на сегодняшний день можно высказать только два утверждения. Во-первых, Интернет уже завоевал определенные позиции в информационной системе и его роль продолжает расти. Во-вторых, сеть гораздо в меньшей степени поддается контролю и не имеет столь же высокого входного барьера, как традиционные масс-медиа».¹⁴¹

В то же время исследователь отмечает падение авторитета традиционной роли СМИ и журналистов в обществе: концепция «четвертой власти» строилась на том, что медиаинфраструктура является рупором для народного мнения. В случае с Интернетом рупор более не требуется: у публики появился собственный голос. В этом и заключается кризис самоопределения медиа на схлесте двух волн, о котором мы говорили выше:

«Своеволие публики, сглаженное форматом газеты и подавляемое

141 И.Засурский. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в России девяностых. URL: <http://old.russ.ru/politics/20001114-pr.html> (дата обращения: 28.03.2015)

долгое время ограниченным выбором в сфере телерадиовещания, в интернете проявляется вполне и с такой ясностью, которая может быть в чем-то даже травмирующей для профессионального журналиста, воспитанного в иной традиции. Если в начале девяностых журналисты полагали, что они являются голосом общества и именно на этом неписаном законе строилось все здание концепции "четвертой власти", то теперь ситуация изменилась - у публики появился свой голос. И если он не вписывается в традиционные рамки медиа-дискурса, то это не значит, что его можно игнорировать. Осознание того, что в интернете ни одно издание не способно обойтись без собственной аудитории - вот, пожалуй и вся соль того сакрального знания, которое "пионеры" русского интернета принесли в издания, куда они пришли на работу консультантами и редакторами». ¹⁴²

Как отмечает – развивая линию Бодрийера – в своей диссертации «Аутопойецис социальных сетей в Интернет-пространстве» Егор Лавренчук: «общество теперь и есть система медиа. Участники соцсетей, в отличие от телезрителей или читателей, стремятся войти в один дискурс с автором, не просто общаться, а использовать понятные друг другу мемы, порождать знакомые смыслы и находить схожие идентичности. Это может быть выражено исключительно формально – в виде манеры писать все слова строчной буквой или использовать (не использовать) смайлы. Смыслы в данной системе производятся пользователями без прямой привязки к видео или тексту. Сама сеть, как выражение техносоциальной сущности, за счет коммуникативной рекурсии направляет и распределяет их. Кроме того, сеть трансформирует, формирует пользовательские ожидания и стремления, влияет на модели поведения пользователей. В качестве эмпирической отсылки можно сравнить идентификацию пользователей в LinkedIn и Twitter.

142 И.Засурский. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в России девяностых. URL: http://old.russ.ru/politics/20001114_IY.html (дата обращения: 28.03.2015)

“Ненормальным” будет считаться использование псевдонима в одной сети, и, наоборот, “нормальным” в другой. Подобная “нормальность” определяется непосредственно системой, ее внутренне сопряженной коммуникативной средой». ¹⁴³

Иначе говоря, если власть традиционных медиа заключалась в их репрезентативных функциях, то власть новых медиа, реализовавших в себе дискурс «новой нормальности», будет и уже заключается в их коммуникативных мощностях. Влиятельное СМИ или журналист (поскольку журналист теперь может быть сам себе СМИ) теперь есть успешный коммуникатор, медиэксперт, медианавигатор публики в информационном глобальном сетевом пространстве. ¹⁴⁴ Это пространство символично по своей природе. Символизм русского информационного пространства определяется его медиаполитическим характером. Засурский приводит в качестве разъяснения такого символизма следующую цитату председателя фракции СДПГ в ландтаге земли Саксония Райнхарда Хёппнера:

«Место того, что раньше называлось политикой, место дискуссий, формирования общественного мнения и политических решений все чаще занимают некие символические действия. Эта символическая политика появляется там, где политикой не могут ничего изменить, где ожидания, которые они пробудили, не могут быть удовлетворены. Мы слышим, читаем, а иногда и видим псевдособытия, которые происходят лишь постольку, поскольку о них рассказывают. Эти псевдособытия закрывают дорогу к общественно важным событиям и критическим мыслям. Соответственно,

¹⁴³ Е.Лавренчук . Социальные сети как медиа-площадки.

URL:<http://www.newmediacenter.ru/ru/2014/08/12/%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0-%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B8/> (дата обращения: 22.01.2014)

¹⁴⁴ Нелишним будет напомнить, что первое российское интернет-СМИ – «Вечерний интернет» был своего рода путеводителем: справочные истории, рекомендации по программам и сервисам, где обсуждают литературу, а где – политику, и т.д.

конкурентная борьба за тиражи и количество зрителей все чаще и чаще вынуждает журналистов искусственно создавать важное из незначительного, замечать необычность там, где ее нет, выискивать мнимые сенсации или даже создавать их». ¹⁴⁵

В целом, «символизм» и есть искомая нами главная точка пересечения дискурса информационного общества, постмодерна и практики политической коммуникации. Политическая система мимикрирует под технологии медиа, которые функционируют в сфере пространства постмодерна. Медиа уже давно, будучи владельцами Текста, являются авангардом в борьбе за установление ценностей постмодерна. Доминирование подобного символизма приводит к тому, что большая часть политических действий – как минимум, вся их публичная часть – так или иначе должна быть включена или соотноситься с символическим полем общества. Это поле всегда видоизменяется, и его, в силу фрагментарности и сетевой децентрализации, нельзя свести к общему знаменателю. Те или иные узлы символов активируются в нем ad hoc, в зависимости от того, какой нарратив требуется политическому актору: «сегодня роль сети состоит прежде всего в том, чтобы позволить сохранить многообразие в информационной системе и облегчить коммуникацию тем, кому это действительно нужно. На фоне реконструкции образа Великой России, доминирующего в символическом поле, достаточно и того, что сеть позволяет комьюнити и референтным группам существовать за рамками политического дискурса и вырабатывать собственные культурные коды. Совмещая роль "самиздата" с индустрией социальных связей, сеть, возможно, больше востребована громкими меньшинствами, чем молчаливым большинством. Но в некоторых случаях (как например, в случае войны в

145 И.Засурский. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в России девяностых. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/99293p15.html> (дата обращения: 28.03.2015)

Чечне) это уже само по себе очень важно, поскольку оставляет в коммуникационной системе окно свободы, не позволяет большинству загнать инакомыслящих в угол "спиралью молчания"». ¹⁴⁶

Это приводит к тому, что публичная сфера Хабермаса обращается в публичный спектакль. На примере 90-ых годов российский политический истеблишмент усвоил, что такой спектакль является неотъемлемой чертой современного цивилизованного демократического общества:

«В этом смысле одной из забавных особенностей публичной сцены является постоянная мимикрия под публичную сферу - игра, в которой участвуют с равным успехом и политики, лоббисты, журналисты и зрители. Цена виртуальной политики оказывается высокой, когда для создания необходимого информационного фона политики объявляют войны - используя архаические рычаги социальной мобилизации. Как правило, речь идет о региональных конфликтах ограниченного масштаба. Политический спектакль функционирует как заклятие, в этом его магическая функция - и его эффективность обеспечивается как раз непредсказуемостью того медиа-окружения, в котором развивается политическая драма. В непредсказуемости залог эволюции политической драмы. В закрытой системе энтропия возрастает - и политическая система не исключение. Другое дело, что институционализация механизмов власти и государственных институтов в России начала 21 века является если не благом, то неизбежной необходимостью. Но попытки власти жестко структурировать политическую систему и установить контроль за телевидением - основной сценической площадкой политической драмы - способствуют созданию закрытой системы и, следовательно, снижению значимости политического спектакля как

146 И.Засурский. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в России девяностых. URL: http://old.russ.ru/politics/20001114_IY.html (дата обращения: 28.03.2015)

общественного института». ¹⁴⁷

Мы вкратце рассмотрели трансформации политического пространства под давлением «новой нормальности», осветив, по возможности, сложившиеся дискурсы по ее использованию Россией и Америкой. Рассмотрению коммуникационной составляющей политических действий России в сирийском и украинском конфликтах в условиях – с одной стороны – вышеуказанных трансформаций политического пространства под влиянием бинарной «новой нормальности» и авторитарной структурированности отечественной политической системы – с другой посвящена следующая глава нашего исследования.

147 И.Засурский. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в России девяностых. URL: http://old.russ.ru/politics/20001114_IY.html (дата обращения: 28.03.2015)

Глава III. КОНФЛИКТЫ В «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

«Бездушные, далекие от философии, лишённые искусства, с расовыми инстинктами, доходящими, до зверства, бесцеремонно считающиеся лишь с реальными успехами, стоят они между эллинской культурой и пустотой. Их направленная только на практическое фантазия—они обладали сакральным правом, регулирующим отношения между богами и людьми, как между частными лицами, и ни одним доподлинно римским сказанием о богах—представляет собою черту характера, которая вообще не встречается в Афинах. Греческая душа и римский интеллект — вот что это такое. Так различаются культура и цивилизация. И это можно сказать не только об античности. Все снова и снова всплывает этот тип крепких умом, но совершенно неметафизических людей. В их руках духовная и материальная участь каждой поздней эпохи. Они провели в жизнь вавилонский, египетский, индийский, китайский, римский империализм. В такие эпохи буддизм, стоицизм и социализм достигают зрелости окончательных жизненных настроений, способных еще раз охватить и преобразить угасающее человечество во всей его субстанции. Чистая цивилизация, как исторический процесс, состоит в постепенной *выемке* (Abbau) ставших неорганическими и отмерших форм». ¹⁴⁸

148 О. Шпенглер. Закат Европы. – М.: "Мысль", 1993. — С.164

3.1 Сирийский конфликт

*Требование отказа от иллюзий о своём положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях.*¹⁴⁹

Карл Маркс

Рассмотренные выше подходы к проблеме коммуникации дают основание рассматривать сферу политических коммуникаций – особенно в информационном обществе – как тяготеющую к масштабному, горизонтальному диалогу властных и гражданских структур, приводящему к сетевой и неформальной коммуникации среди вторых.

В сирийском конфликте нас будет в первую очередь интересовать культура информационного взаимодействия и политической коммуникации российского политического руководства на примере статьи Владимира Путина, размещенной на сайте газеты The New York Times.¹⁵⁰ Объектом исследования будут являться принципы коммуникации политического руководства России с США, в ходе которого были выявлены новые коммуникативные практики российского политического руководства, возрастающей ролью коммуникации в сфере политики, возникновением новых форм политической коммуникации в России.

Ряд шагов российского политического руководства для мирного урегулирования сирийского конфликта с легкой руки журналистов получил название «план Путина». Важно понимать, что этот план не ограничивается статьей в The New York Times, хотя она и являлась важной частью коммуникационной кампании против инициатив американской стороны.

Еще 19 августа 2013 года Вашингтон, несмотря на смещение баланса сил в пользу Башара Асада, был твердо настроен на продолжение своей

¹⁴⁹ К.Маркс. К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА. URL: http://krotov.info/library/13_m/ar/ks_01.htm (дата обращения: 15.04.2015)

¹⁵⁰ A Plea for Caution From Russia. URL: http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html?_r=4& (дата обращения: 15.04.2015)

политики «силового невмешательства» в сирийский конфликт и на его политическое решение. Атака 21 августа кардинальным образом изменила ситуацию и загнала Обаму в тупик: президент страны, претендующей на моральное лидерство, не мог не отреагировать на применение оружия массового поражения (ОМП). Барак Обама, обвинив в проведении химической атаки правительство Башара Асада и, не дожидаясь заключения экспертов, начав подготовку авиационного удара по Сирии. После публичного выступления президента США в пользу военного вторжения в Сирию оставалось ждать 11 сентября – на этот день было назначено заседание Сената. Обама поставил себя в патовую ситуацию: соглашение Сената на интервенцию поставило бы крест на политических успехах его второго срока, а отказ Сената привел бы к политическому ослаблению позиций президента.

31 августа Владимир Путин призвал к консолидированным действиям по решению сирийского конфликта. На следующий день госсекретарь США Джон Керри заявил, что у американской стороны есть доказательства использования правительством Башара Асада химического ОМП, а 3 сентября США совместно с Израилем совершили демонстративный запуск двух баллистических ракет в Средиземном море. 4 сентября Комитет по международным делам сената США проголосовал за военную операцию против Сирии.

Всего пять дней спустя, 9 сентября, Джон Керри, в своей речи перед журналистами в Лондоне дал понять Москве, что предотвращение американского удара против Сирии возможно в случае сдачи Башаром Асадом своего химического оружия, создав таким образом возможность мирного решения конфликта. В результате Владимир Путин сумел предложить Бараку Обаме неожиданно удачный выход из сложившейся ловушки. Уже 14 сентября главы российского и американского

дипломатических ведомств Сергей Лавров и Джон Керри после трехдневного переговорного марафона сумели согласовать план уничтожения сирийского химического арсенала.

Одним из ключевых факторов, повлиявших на ситуативное состояние информационного поля, в котором проходили все политические действия России, стало решение Владимира Путина оставить в России беглого агента ЦРУ Эдварда Сноудена. Разоблачения укрывшегося в России Сноудена значительно повредили прежним доверительным связям США с их европейскими союзниками: выяснилось, что американские спецслужбы шпионили не только за руководителями сверхлояльных Америке европейских стран, но даже за работниками ООН. Палата представителей, униженная Обамой, вместе с сенатом теперь готова взяться за расследование произвольных действий Агентства по национальной безопасности, и сама конъюнктура событий увеличивает шанс победы внутри республиканской партии более дружественного России антиинтервенционистского крыла.

В конце лета 2013 года, после отказа Барака Обамы встречаться с российским президентом в Москве, казалось, что международная обстановка ухудшилась, а грядущий саммит «большой двадцатки» в Санкт-Петербурге превратится в демонстрацию дипломатической изоляции России среди ведущих стран мира. События вокруг сирийского конфликта в корне изменили ситуацию. Владимир Путин делает Бараку Обаме предложение относительно ликвидации химического оружия в Сирии. У США появляется возможность начать мирные переговоры с Ираном, Катар берет курс на сближение с правительством Башара Асада. Сближение Вашингтона с Тегераном вносит трещину в явно невыгодный России альянс между США и Саудовской Аравией. Последняя сообщила о выходе из Совета Безопасности ООН 17 октября - именно в тот критический момент, когда организация Женевского процесса по Сирии стала исторической реальностью. Через

несколько дней после этого заявления глава Совета по национальной безопасности КСА и руководитель ее разведки принц Бандар бен Султан заявил, что принятое решение является посланием для США, а не для ООН и пообещал пересмотреть свои отношения с США и «существенно изменить внешнеполитический курс».

В таких условиях налаживание диалога российской стороны с рядовыми американцами через обращение российского лидера в своей статье являлось демонстрацией коммуникативно качественного содержания и собственной силы, показало уровень поддержки и одобрения российской позиции на фоне постепенного политического ослабления Обамы: дело Сноудена, угроза потерять лицо, если Конгресс откажется дать зеленый свет атаке на Сирию, последующая неспособность вовремя решить вопрос с повышением потолка государственного долга и скандал с прослушкой. Владимир Путин, существенно ограниченный традицией внешнеполитического диалога с Америкой и отсутствием возможных ресурсов давления, прибег к наиболее адекватной и реализуемой модели политической коммуникации – и сумел навязать Америке свой вариант развития событий.

Оказалось, что весьма традиционная российская дипломатия крайне уместна в современном глобализированном, но по нарастающей теряющем управляемость мире, где народы, испугавшись его вызовов, бросились обратно к ослабленному, но еще способному защищать их интересы государству. Как раз в тот момент, когда американское общество пополам расколото по отношению к возможным акциям, статья Владимира Путина оказалась очень уместной. Правильно рассчитав момент, российская сторона нанесла удар по эмоционально-психологическому тону аудитории, обеспечив ее определенным набором информации, создав единую систему координат для восприятия происходящего (в то время как позиции других

стран выглядели шаткими и неубедительными), показав себя как носителя истинно демократических ценностей, когда действия американского истеблишмента сильно отличались от исконных ценностей США. Иными словами, российской стороне удалось инкорпорировать альтернативный нарратив в повестку дня крупнейшей по коммуникационной мощи американской газеты, аудитория которой, в свою очередь, сумела косвенно повлиять на процесс принятия решений в «треугольниках власти». Де факто Россия встроилась во внутриамериканскую модель каскадной активации фреймов, повлияла на формирование общественного мнения в США не через иновещательные СМИ – что признается допустимым методом борьбы – но изнутри. Открыто протестовать против такого информационного вторжения в центр глобальной геополитической сети у Вашингтона просто не было возможности: в отличие от Хуссейна Пути весь свой план разворачивал под знаменами товарищества, содружества, гуманизма, коллегиальности и не действовал в одиночку, заранее заручившись определенной поддержкой рядовых американцев.

Эта система координат создала благоприятный внешний фон для дальнейших действий по мирному урегулированию сирийского конфликта и привлечению новых сторонников к российской позиции. Установив доверительный контакт самой технологией размещения (personal touch) материала и обращения «напрямую к американским гражданам и политическим деятелям» в условиях дефицита «контактов и общения между российским и американским обществами», Владимир Путин намекает аудитории, что его оппонент является частью проблемы, а сам автор – частью ее решения:

«Никто не хочет, чтобы ООН повторила судьбу Лиги Наций, которая развалилась из-за отсутствия реальных рычагов воздействия на международную ситуацию. А такое возможно, если влиятельные страны

*будут предпринимать силовые акции в обход ООН, без санкции её Совета Безопасности.»*¹⁵¹

Очевидно, что Владимир Путин выбрал максимально мягкий и доверительный стиль общения с американскими гражданами и не счел нужным в начале статьи напрямую напоминать о вмешательстве Америки во внутреннюю политическую жизнь Югославии, Афганистана, Ирака. На стадии формулирования проблемы акт политической коммуникации обязательно включает в себя и формулирование чувства причастности к событию:

*«Хотел бы отметить, что планируемый удар Соединённых Штатов по Сирии, невзирая на серьёзную и острую оппозицию множества стран, крупных политических и религиозных деятелей, включая Папу Римского, может привести лишь к новым невинным жертвам, к эскалации конфликта, выхлестнув его далеко за пределы Сирии. Неизбежны расширение насилия и новая волна терроризма. Ракетно-бомбовый удар может подорвать многосторонние усилия, направленные на решение иранской ядерной проблемы и урегулирование арабо-израильского конфликта, привести к дальнейшей дестабилизации всей обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это чревато полной разбалансировкой системы международного права и миропорядка».*¹⁵²

Чтобы еще больше усилить чувство причастности, Владимир Путин напоминает о последствиях недавнего свержения режима Каддафи в Ливии (которое точно так же совершалось Америкой в обход норм международного права) и связывает это с угрозой терроризма – больной темой рядовых американцев:

«Не может не беспокоить, что в Сирии воюют не только наёмники из

151 Сирийская альтернатива. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

152 Сирийская альтернатива. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

*арабских стран, но и сотни боевиков из ряда западных государств и даже России. Кто может гарантировать, что эти бандиты, набравшись опыта, не окажутся потом в наших странах, как это имело место в Мали после ливийских событий? Это реальная угроза для всех нас. Ужасная трагедия в ходе Бостонского марафона лишний раз подтверждает это».*¹⁵³

Статья была размещена на сайте New York Times в день слушаний Сената, который, как мы говорили выше, был назначен на 11 сентября. Символическая насыщенность этой даты не только обязала Владимира Путина лишь вскользь касаться темы международного терроризма, но также максимально усилила чувство причастности аудитории к обсуждаемой проблеме и в целом отвечала требованиям политических коммуникаций «новой нормальности», а именно необходимому символистскому насыщению. Россия правильно рассчитала эффективные среди американцев нарративы – патриотизма и борьбы с терроризмом – и использовала их во имя своего успеха.

Чтобы избежать негативного эффекта от своих слов и обвинений в том, что Россия поддерживает лично Асада и его авторитарный режим, Владимир Путин делает акцент на международном законодательстве:

«Россия с самого начала последовательно проводит линию на поддержку мирного диалога с целью выработки самими сирийцами компромиссной модели будущего развития страны. Причём мы защищаем не сирийское правительство, а нормы международного права. Постоянно доказываем необходимость полного задействования возможностей Совета Безопасности ООН. Исходили и исходим из того, что в современном сложном и турбулентном мире сохранение правопорядка – один из немногих рычагов, способных удержать международные отношения от сползания к хаосу. Закон остаётся законом. Его исполнение обязательно всегда –

¹⁵³ Там же. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

*независимо от того, нравится это кому-то или нет. Действующее международное право позволяет использовать силу только в двух случаях – либо при самообороне, либо по решению Совета Безопасности. Всё остальное по Уставу ООН недопустимо и квалифицируется как агрессия».*¹⁵⁴

В данном случае, любой, кто выступает за агрессию по отношению к Сирии в обход Совбеза уже де-факто стоит вне закона – понятного и священного для американского гражданина концепта. Далее Владимир Путин завуалированно намекает на разлад между словом и делом американской стороны:

*«Настораживает, что попытки силового вмешательства в различные внутренние конфликты становятся для США обычным делом. Возникает вопрос: отвечает ли это долгосрочным интересам самих Соединённых Штатов? Сомневаюсь. Ведь в сознании миллионов людей на планете Америка всё чаще воспринимается не как образец демократии, а как игрок, который делает ставку исключительно на грубую силу, сколачивая под конкретную ситуацию коалиции с лозунгом «кто не с нами – тот против нас».*¹⁵⁵

И, наконец, ключевой тезис материала, который и позволяет нам говорить о том, что весь материал был обусловлен имиджевыми целями, обусловлен задачей закрепления внешнеполитического успеха России и дальнейшей популяризации своей позиции среди рядовых американцев. После формулирования проблемы и чувства причастности формулируется решение проблемы, единственный цивилизованный выход из нее:

«Новые возможности обойтись без военной акции в Сирии появились в последние дни. США, Россия, все члены международного сообщества обязаны воспользоваться проявленной сирийским правительством

154 Сирийская альтернатива. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

155 Сирийская альтернатива. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

*готовностью пойти на установление международного контроля над своим химическим арсеналом и в последующем уничтожить его. Судя по заявлениям Президента Барака Обамы, Соединённые Штаты увидели в этом определённую альтернативу, позволяющую воздержаться от удара».*¹⁵⁶

И снова, чтобы избежать негативного эффекта от своих слов, Владимир Путин не упоминает, что «новые возможности» появились благодаря России. Эти возможности представляются как коллективное решение, совместная инициатива.

Только в конце статьи, уже после классической структуры аргументации конкретной проблемы, Владимир Путин переходит к идеологической составляющей. Эта часть, по его собственному признанию, появилась после ознакомления с обращением Барака Обамы к нации 10 сентября.

Полемический удар наносится в самое сердце американское мечты – прямо по американской исключительности, которая, в глазах российского руководства, в последствие также стала и причиной украинского конфликта. И если действия американской стороны по сирийскому вопросу опровергались священным законом, то идеологическая установка на исключительность опровергается другим священным для Америки концептом – Богом.

«Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось. Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. Мы разные, но когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас

156 Там же. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

равными». ¹⁵⁷

Начинаясь в примирительном тоне, статья, однако, последним резким абзацем подвергает критике американскую картину мира – видимо, видеообращение Барака Обамы задело российского президента. Становится ясно: Владимир Путин видит корень всех вышеописанных проблем именно в американском ощущении своего первенства среди прочих, своей исключительности. ¹⁵⁸

Композиционно заключение представляет собой подведение итогов, сведение воедино всех аргументов, касающихся как проблемы, так и ее решения, демонстрация того, каким образом подход, предлагаемый автором, обеспечит аудитории лучшее будущее, как в образ этого будущего на пути ее достижения «вплетаются» человеческие ценности.

«План Путина» не ограничивается статьей российского лидера, но представляет собой тщательно выверенную модель политической коммуникации, где каждый фактор в той или иной мере обеспечил успех выступления Владимира Путина.

1) В целом, Владимир Путин постарался донести три мысли: 1) нападение на другую страну без одобрения Совбеза ООН являет собой нарушение международного права 2) державы должны избегать вооруженного вмешательства во внутренние конфликты и гражданские войны в других странах 3) США не являются "исключительной" страной.

В прошлом Барак Обама высказывался в поддержку всех трех принципов, что существенно ограничило американскую сторону в критике заявленных российским лидером тезисов. Во время предвыборной кампании 2008 г. Барак Обама утверждал, что вторжение в Ирак было незаконным,

¹⁵⁷ Сирийская альтернатива. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 15.04.2015)

¹⁵⁸ Любопытно, что параллельно с этим удар по американской исключительности наносился и на глазах у российской аудитории. См., например, <http://www.rg.ru/2013/10/08/francia.html>

поскольку оно не получило санкции Совбеза. В 2009 г., отвечая на вопрос об американской исключительности он ответил: «Я верю в американскую исключительность, так же, как, я подозреваю, британцы верят в британскую исключительность, а греки верят в греческую». ¹⁵⁹ Получается, что, критикуя высказанные Путиным принципы, американский истеблишмент вынужден изменять своим собственным. Выступая по телевидению, бывший кандидат в президенты от республиканцев Пэт Бьюкенен заявил, что своей колонкой Путин «попал в точку»¹⁶⁰, поскольку он апеллировал к той половине американцев, к которой успешно апеллировал и Обама.

2) Политолог Марат Гельман отмечал, что «Путин после мюнхенской речи вообще не выступал ярко. Но в той речи я слышал слишком много обиды, а статья в NYT написана ответственным человеком, который не разделяет мир, а наоборот». ¹⁶¹ Действительно, статья отличается уместностью и логичностью, создает впечатление, что ее писал не президент, а человек мира. Текст насыщен американизмами, американским кругом тем, пропитан американской сдержанностью в стилистике – перед аудиторией Владимир Путин предстал как типичный политик США, чего никто не ожидал. Однако именно в этом и проявляется культурна геополитической коммуникации в «новой нормальности»: подобно бизнесу, политика также устойчиво совмещает глобальное и локальное, учитывая специфику культурной идентичности последней.

Онлайн технологии обуславливают совершенно иные подходы к информационному взаимодействию. Например, М.Гундарин считает, что в

159 Почему статья Путина не сходит с повестки дня в США. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/09/130917_putin_article_debates (дата обращения: 15.04.2015)

160 Там же. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/09/130917_putin_article_debates (дата обращения: 15.04.2015)

161 Статью Путина в NYT опубликовало PR-агентство Ketchum. Марат Гельман: Мне впервые за долгие годы понравилось поведение президент. URL: <http://snob.ru/selected/entry/65107> (дата обращения: 15.04.2015)

интернете «успех public relations кроется в том, что мы должны сами выйти навстречу пользователю и явиться ему в облике того, что он действительно хочет увидеть и узнать. Вот владению такими “виртуальными масками” и должны учиться пиарщики настоящего и будущего». ¹⁶²

В нашем случае целевой аудитории нужен был не человек, а образ, рассчитанный на западное сообщество. Образ морального превосходства, обусловленного четким следованием демократическим процедурам и нормам международного права. Последние годы им была Америка. Своей статьей Владимир Путин подал заявку на этот образ – и сделал это на страницах американской прессы.

3) Другим фактором успеха стал интуитивно правильно выбранный момент размещения статьи: когда Владимир Путин вступил в информационный контакт с рядовыми американцами, логика американской нации существенно отличалась от логики американского правительства и американские граждане искали систему координат, соответствующую их убеждениям. ¹⁶³

4) Стоит отметить, что Владимир Путин и американский народ говорили на одном языке – на языке третьей волны. Ставка на децентрализацию оказалось верной в условиях новой аудитории. Именно по причине ранее упомянутого тоффлеровского принципа «полосы» часто неформальные массовые коммуникационные процессы являются самыми эффективными каналами информационного воздействия. Хотя работа с ними наиболее сложна, требует максимальных усилий и времени, она оказывается наиболее результативной. Именно поэтому лучшими примерами политической коммуникации являются ситуации, когда через доступные

¹⁶² Гундарин М.В. Книга руководителя отдела PR : практические рекомендации. СПб, 2009. С. 234.

¹⁶³ Об отношении американского народа к атаке на Сирию см. http://ria.ru/arab_riot/20130903/960539457.html

формализованные, институционализированные средства массовой информации удается «запустить» действие механизма неформальных коммуникаций.

Именно соответствие культуре третьей волны, в совокупности с интернет-пространством, подразумевающим дальнейшую полилогизацию информации, и стало главным фактором успеха выступления российской стороны. Это предопределило успешное формирование общественного мнения и, как следствие, удачно осуществленную власть коммуникации. Но откуда российское политическое руководство почерпнуло новые коммуникативные практики?

Известно, что за размещение статьи Владимира Путина в «New York Times» отвечало американское PR-агентство Ketchum.¹⁶⁴

Начиная с 2006 года, американское PR-агентство Ketchum фактически стало выполнять роль стратегического отдела и пресс-службы Кремля. Английский сотрудник Ангус Роксборо разъясняет, как устроена эта работа Ketchum на Кремль:

«В кулуарах администрации президента родилась новаторская идея: России необходимо успешнее проецировать свой имидж. Для её осуществления требовалась западная компания, специализирующаяся на связях с общественностью <...> В роли советников Кремля наша задача представлялась нам довольно простой: объяснить русским, как действуют западные СМИ, и убедить их следовать лучшим методам установления и поддержания связей правительства с прессой. Но если перед западными специалистами, консультировавшими правительство Бориса Ельцина по вопросам экономики в 1990-е, все двери были открыты, никто из нас не предполагал, что консультировать администрацию Путина по столь

164 Статью Путина в NYT опубликовало PR-агентство Ketchum. Марат Гельман: Мне впервые за долгие годы понравилось поведение президент. URL: <http://snob.ru/selected/entry/65107> (дата обращения: 15.04.2015)

«идеологическому» вопросу, как связи со СМИ, будет легко. Вообще-то Песков проявил значительный интерес к изучению западных методов работы, но после некоторых первоначальных успехов мы увидели, что наш «клиент» возвращается к прежнему образу действия. <...> Самой серьезной проблемой, с которой столкнулась компания Ketchum, было смутное представление российских партнёров о том, как функционируют западные СМИ. <...> Российская сторона постоянно чинила помехи московскому корреспонденту Guardian Люку Хардингу и его родным — видимо, за опубликованное в его издании интервью с Борисом Березовским, призывавшим к свержению Путина, — хотя Хардинг не имел никакого отношения к этому материалу. В разгар «дела Литвиненко» на троих сотрудников Русской службы ВВС в Москве было совершено нападение. Все это едва ли располагало журналистское сообщество к положительным репортажам, которых ожидал Кремль. Российские партнеры постоянно требовали, чтобы Ketchum «воспользовался своими технологиями», чтобы изменить к лучшему тон репортажей. Я никак не мог взять в толк, что они имеют в виду. Мы же хотели, чтобы они приняли на вооружение такие технологии, как пресс-конференции вроде тех, которые ежедневно проводятся в специально отведенном помещении Белого дома. Но так этого и не дождался. <...> Мы же упорно возвращались к основной своей теме — открытости для прессы. Общайтесь с журналистами, приглашайте их на обеды, ведите с ними светские беседы, в неофициальном порядке делитесь интересными сведениями, постепенно располагайте их к себе. Обращайтесь к ним, объясняйтесь, и они начнут вам доверять. Давайте интервью, выходите в эфир, потому что в противном случае это сделают ваши оппоненты, и они же будут задавать тон». ¹⁶⁵

165 Как американский Ketchum создавал имидж Кремля. URL: <http://ttolk.ru/?p=19218> (дата обращения: 15.04.2015)

Современная культура информационного взаимодействия и воздействия со своей ставкой на децентрализованный характер, горизонтальный диалог и запуск сетевых, неформальных коммуникаций среди аудитории почти дословно повторяет прогнозы Элвина Тоффлера о коммуникациях третьей волны. Цивилизация второй волны, по меткому замечанию Тоффлера, привнесла с собой, помимо прочего, стандартизацию и централизацию. Цивилизация третьей волны уже показывает, что с этим будет покончено (например, постепенный переход от представительной демократии к полупрямой за счет развитых технологических возможностей).

Уже сам факт того, что Владимир Путин для решения конфликтной ситуации обратился не к представителям американского истеблишмента (как сделал Никита Хрущев в случае с Карибским кризисом или как пытался сделать Евгений Примаков в случае с Югославией), но напрямую к американскому народу, позволяет нам говорить о прецеденте перехода российской культуры информационного взаимодействия на новый уровень: с того, где главным источником власти является национального государства, на тот, где источником власти становится сеть.

Еще Дейк отмечал, подчеркивая важность контекста для проводимого актором дискурса, что политический дискурс более всего детерминирован не темой и стилем, но тем, кто говорит, кому, что, в какой ситуации и с какой целью. Развивая мысль ученого, можно отметить, что контекст во многом представляет собой взаимодействие когнитивных моделей участников коммуникационного события. Таким образом, на конечный текст или речь влияет не социальная или политическая повестка дня, но ментальные модели участников такого коммуникационного события: то, каким образом они понимают, представляют и презентуют релевантные аспекты события.

Для продавливания собственного нарратива актору требуется так называемая «демонстрация силы» (дискурс подкрепляется возможностью

насилия). В этом смысле Дейк отмечает особую важность политического текста (в широком смысле), который консолидирует власть. Характерно, что в США речи президента и его выступления в СМИ относятся к важным политическим событиям и сразу же становятся предметом для пристального изучения. Дело в том, что в американской традиции доминирующее присутствие в информационном поле и особый доступ к СМИ интерпретируются как демонстрация политической власти. Де-факто публичность текста предполагает возможность конструирования альтернативного нарратива, модели, контркредо. Еще Ролан Барт отмечал через свой термин «письма», что текст представляет собой опредметившуюся в языке идеологическую сетку, помещенную между человеком и действительностью. При этом, созданные смыслы, достигни они горизонтального или даже вирусного распространения среди граждан сетевого общества, уже не могут быть остановлены или сразу же разрушены государством, поскольку киберпространство по своей природе не подчиняется индустриальным институтам. Дейк также отмечает, что газетные материалы обычно лучше запоминаются, чем телевизионные новости и воспринимаются как более качественные, что также влияет на убеждающий характер и власть дискурса.

В этом смысле появления президента крупнейшей в мире страны страны, которая выразила несогласие с внешнеполитической волей США, в одной из ведущих американских газет действительно принадлежит к одному из потрясающих выступлений отечественного истеблишмента во внешней политике последних лет – и находится в полной синхронизации с природой и источником властных отношений в глобальном информационном обществе.

Одним из косвенных подтверждений фурора, который произвела статья Владимира Путина, можно считать ответы на нее. Тексты представителей мажоритарных групп *никогда не остаются без ответных реплик*. Ответная

реплика от небезызвестного сенатора Джона Маккейна последовала практически сразу же и была опубликована на информационном портале Pravda.ru.¹⁶⁶ Чуть более логично поступил Стив Израэля, член Палаты представителей Конгресса США от 3-го избирательного округа Нью-Йорка, опубликовав свой ответ на сайте газеты Коммерсантъ.¹⁶⁷

Более того, следующие события показали, что пример Путина стал заразительным и вернул моду на подобные транснациональные текстуальные выступления. В качестве примера можно привести колонку Алексея Навального,¹⁶⁸ Дмитрия Киселева,¹⁶⁹ президента Ирана.¹⁷⁰

Среди прочих итогов также важно отметить реакцию аудитории, читателей статьи Путина, поскольку она дает нам представление о сущности аудитории «новой нормальности». Г.Тард в работе «Мнение и толпа» отмечал, что если толпе присуща традиционная устная коммуникация, то публике – коммуникация через индустриальные институты коммуникации (печать, телевидение и пр.). Отличается ли чем-либо от них аудитория «новой нормальности»? И можно ли ее называть «аудиторией»? Как мы уже показывали на примере работы «Communication Power» Кастельса, участники Сети не являются автономными атомами современного мира, они являются потенциально восставшими сетевыми общностями, заснувшей роевой общность, нервной сетью. По своим характеристикам их коммуникация

166 Senator John McCain: Russians deserve better than Putin. URL: http://english.pravda.ru/opinion/19-09-2013/125705-McCain_for_pravda_ru-0/ (дата обращения: 15.04.2015)

167 Открытое письмо народу России. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2280172> (дата обращения: 15.04.2015)

168 How to Punish Putin. URL: http://www.nytimes.com/2014/03/20/opinion/how-to-punish-putin.html?smid=fb-share&_r=3 (дата обращения: 15.04.2015)

169 Russia and the west are trading places on freedom of speech. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/10/russia-west-trading-places-freedom-of-speech-sanction-eu-dmitry-kiselev-putin> (дата обращения: 15.04.2015)

170 Роухани написал колонку в немецкой газете. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/12/23/n_5837937.shtml (дата обращения: 15.04.2015)

скорее напоминает коммуникацию толпы – с ее скоростью, мгновенной обратной связью, горизонтальному принципу распространения, где сплетни и прибаутки (сетевой фольклор) являются более ценным ресурсом, нежели новости, где любой коммуникационный акт становится информационным фактом. В то же время, по собственным качествам аудиторию новых медиа нельзя определить как толпу в силу ее сетевого характера, идентичности, основанной на разделенном значении, смысле или хобби, дефрагментарности. Они скорее являются представителями тоффлеровской адхократии и заслуживают названия «активисты». При таком подходе очевидно, что убеждающая функция нарратива по формированию общественного мнения приобретает актуализированное значение, при успешной реализации которой актер сразу же получает доступ к политически активной общности. При удачном сочетании с политизированным контекстом эффективность такой реализации возрастает в геометрической прогрессии, Текст начинает творить реальность.

Интуитивное понимание момента и самой технологии размещения, выверенный текст статьи, выбранная аудитория и канал – все это позволяет говорить о тщательно спланированном акте политической коммуникации, но никак не о случайном и отдельном информационном успехе. Новые методики политической коммуникации показали себя чрезвычайно действенными в кризисной ситуации и принесли оглушающий внешнеполитический успех российской стороне.

Участие России в сирийском конфликте стало ярким примером обучаемости российского руководства, показало возможность его перехода от традиционного для нашей страны информационного консерватизма к более активному информационному представлению своих интересов, основанному на принципах альтернативы, интенсивной работе в сфере коммуникации и использовании социальных медиа как главного разносчика «вируса». В

целом, 2013 год действительно был годом успехов российских внешнеполитических коммуникаций: неслучайно газета Huffington Post назвала Путина «пиарщиком года».¹⁷¹ Отдельно подчеркивались такие шаги «мастера в сфере связей с общественностью», как статья Путина в The New York Times и освобождение Ходорковского, дело Эдварда Сноудена, предоставление российского гражданства актеру Жерару Депардьё, бежавшему из Франции из-за высоких налогов.

По разнице ситуаций 2006, описанной Ангусом Роксборо, и 2013 годов, описанной нами, мы можем понять, что характеристика проводимой Кремлем политической коммуникации существенно изменилась за прошедшее время. Но проявила ли Россия и лично Владимир Путин высокий уровень обучаемости и адаптивности к западным современным практикам?

Как видно уже по поведению в отношении возможной евроинтеграции Украины, Путин довольно быстро отошел от идеологии «мягкой силы», так ярко выраженной в коммуникации с Америкой по сирийскому вопросу. Следует, однако, отметить качественное различие украинского и сирийского случая.

В первом случае коммуникация была направлена непосредственно на элиту, было оказано силовое давление (экономический шантаж), коммуникация носила персонифицированный характер, а не институционализированной. Почему Владимир Путин так быстро изменил проводимую им коммуникативную линию?

Скорее всего, наибольшую роль здесь сыграл партнер Владимира Путина, Виктор Янукович, гораздо более близкий к русской ментальности человек, он вряд ли отказался бы от идеи евроинтеграции без существенного давления, а проявление «мягкой силы» расценил бы как слабость. Не была

¹⁷¹ The Huffington Post признал Путина «пиарщиком» года. URL: <http://russian.rt.com/article/20190> (дата обращения: 15.04.2015)

настроена на коммуникацию и украинская рядовая аудитория. Помимо этого, если в случае в Сирии Владимир Путин мог сослаться на высокие авторитеты (Папа Римский, божественное равенство, торжество международного законодательства), то в ситуации с Украиной представить свои интересы вне государственного прагматизма было, по сути, невозможно.

Владимир Путин убедительно показал, что Россия способна на ведение коммуникативной политики, соответствующей современной культуре информационного взаимодействия, а также использующей новейшие технологические возможности. Однако показано это было в условиях сирийского конфликта – когда целью политической борьбы была не защита государственной безопасности, а удержание своих ресурсов.

При этом, в случае с Украиной, а также во время зимних протестов 2011-2012 гг. – то есть, в тех случаях, когда конфликты находились в опасной близости от Кремля – мы вынуждены были наблюдать откат культуры политического диалога на уровень Второй Волны, с его централизацией, вертикальной структурой и силовым методом решения конфликта. Все это приводило к потере способности формировать общественное мнение, распыляя власть российской коммуникации.

Успех сирийской кампании показал, что под вопросом теперь стоит не адаптивность России к новым моделям политической коммуникации, но ее способность выстроить последовательный подход к моделям политической коммуникации и устойчивую традицию отечественной культуры информационного диалога. Ведь как обращала внимание еще Эдвард Бернейс, «методы работы с общественностью, используемые современными политиками, столь же архаичны и неэффективны, сколь неэффективны были бы сегодня методы рекламы начала XX века. Политика была первой из крупных областей, в которых американцы начали широко применять

пропаганду, однако она медленнее всех прочих приспособливает методы пропаганды к изменениям, происходящим в общественном сознании». ¹⁷²

Получилось ли это, мы узнаем в следующем разделе, посвященном украинскому конфликту.

172 Э. Бернейс. Пропаганда. URL: http://propagandahistory.ru/books/Edvard-Berneys_Propaganda/7 (дата обращения: 28.03.2015)

3.2 Украинский конфликт

*Это — море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими; там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нём.*¹⁷³

Псалтирь

Начавшись с выступлений на Майдане 2013 года, украинская история уже больше года находится в центре внимания украинских, российских и мировых СМИ.

В ноябре 2013 года украинское руководство приостановило процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Принятое решение привело к появлению так называемого Евромайдана – массовой акции протеста в центре Киева и других городах Украины. Длившаяся несколько месяцев акция привела к обострению ситуации в феврале 2014 года, когда в ходе столкновений между радикальными активистами Евромайдана и сотрудниками правоохранительных органов Украины было организовано «мирное наступление» на Верховную раду. Обострившаяся ситуация привлекла внимание западного сообщества и уже 21 февраля 2014 года президентом Януковичем и главами трёх оппозиционных партий в присутствии министров иностранных дел Польши, Германии и Франции было подписано Соглашение об урегулировании политического кризиса. Чуть позже, 2 апреля 2014 года Виктор Янукович дал интервью российским и зарубежным СМИ, в ходе которого сказал: «Сразу после подписания соглашения я начал выполнять ту часть обязательств, которую брала на себя власть. Как президент Украины, я, не откладывая, дал задание милиции отступить от майдана. Его радикальная часть ответила стрельбой... <...> Когда я подписал соглашение, я был обречен его выполнять. И я верил, что гаранты, министры иностранных дел стран ЕС, выполняют также свои

¹⁷³ Псалтирь. Глава 103. URL: http://www.mepar.ru/library/bible/vethy_zavet/teach/ps/103/ (дата обращения: 15.05.2015)

обязательства. Я не предполагал, что это была ловушка для власти, для президента Украины, потому что уже этой ночью меня начали атаковать боевики открыто, с оружием ... Я живой человек, прежде всего. Но я даже не услышал слов осуждения в адрес бандитов, которых начали называть активистами». ¹⁷⁴

Действительно, уже в тот же самый день, 21 февраля Евромайдан выдвинул Януковичу ультиматум, что, если президент не уйдет в отставку до 10 утра 22 февраля, люди пойдут в вооружённое наступление. В ночь с 21 на 22 февраля активистами Евромайдана были заняты здания Верховной Рады и президентской администрации.

После отстранение от власти президента Украины Виктора Януковича в обход процедуры импичмента в городах Юго-Восточной Украины начались массовые акции протеста под антиправительственными, сепаратистскими и пророссийскими лозунгами. «Антифашистские марши» прошли в Днепропетровске, Донецке, Луганске, Харькове и ряде других городов юга и юго-востока Украины.

1 марта 2014 года на фоне обострения внутривосточной ситуации на Украине Президент Российской Федерации Владимир Путин внёс в Совет Федерации РФ обращение об использовании войск Российской Федерации на территории Украины. В тот же день Совет Федерации России одобрил использование российских войск на территории Украины. 11 марта 2014 года Верховный Совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет приняли декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. В соответствии с декларацией, в случае решения народов Крыма в результате референдума войти в состав Российской Федерации, Крым будет объявлен суверенной республикой и

¹⁷⁴ Виктор Янукович дал интервью российским и зарубежным СМИ. URL: <https://news.mail.ru/politics/17666211/?frommail=1> (дата обращения: 28.03.2015)

именно в таком статусе будет воссоединён с Российской Федерацией на правах субъекта. Согласно официальным итогам проведённого 16 марта 2014 года референдум о статусе Крыма за присоединение Крыма к России проголосовало 96,77% жителей Крыма и 95,6% жителей Севастополя, при явке 81,37% в Крыму и 89,51% в Севастополе.¹⁷⁵

После присоединения Крыма и возникновения очага напряжения на Донбассе Украина столкнулась с конфликтом такой глубины, что она уже неспособна решить его в одиночку. Стратегическое для западной цивилизации положение Украины сделало внутривластный конфликт геополитическим, даже цивилизационным (возникает вопрос генезиса русской православной цивилизации, etc.). Эта развернутость конфликта значительно усложняет задачу понимания его сути, генезиса и специфики.

Отличительной чертой его стало развернувшееся между Россией и Западом информационно-пропагандистское противостояние. Украинская история сегодня служит главным предметом информационной войны, которая действует по всем указанным ранее принципам и в указанном ранее коммуникационном мироустройстве. Интерпретации и символы рождаются и умирают, сталкиваясь друг с другом. Ситуация дополнительно усложняется тем, что украинский конфликт протекает в едином коммуникационном, символическом, культурном и языковом пространстве. Если сирийский конфликт в этом смысле был довольно прозрачен и понятен, то суть украинского кризиса русскому человеку понять гораздо сложнее – и это несмотря на то, что украинский конфликт – один из самых ярких примеров конфликта в рамках «новой нормальности» (с новыми медиа как линией фронта, в едином языковом и историко-культурном пространстве, etc.). Именно лингвистически-социо-психологическая общность конфликтующих

¹⁷⁵ За присоединение Крыма к России проголосовало 96,77% крымчан. URL: <http://www.interfax.ru/world/365090> (дата обращения: 28.03.2015)

сторон, как мы увидим ниже, приводит к откату методов российского руководства на более архаичные и силовые способы ведения информационной кампании. Американская газета The Washington Post посвятила одну из своих статей разнице в освещении одних и тех же событий телевидением России и Украины. «Российские и украинские телезрители живут на разных планетах», – такой заголовок выбрало издание для заметки.

176

Символизм современных внешнеполитических практик, сплетая в себе постмодерн и специфику глобального информационного общества иногда приводит и к несколько неожиданным казусам политической борьбы. К примеру, забытый на десятилетия нарратив православия, совершенно внезапно снова стал значительным политическим и коммуникационным ресурсом, который ныне пытается разыграть Греция, формально поддерживающая право России на проведение самостоятельной геополитической линии. Казалось бы, конфессиональная и религиозная идентичность сегодня может насыщаться политическим содержанием, только если речь идет об исламском мире. Однако виртуальная и символическая реальность, выстроенная на новых медиа, позволяет расцвести практически любому нарративу – и вот уже все та же газета Guardian всерьез пишет, что время для масштабного «православного блока» России и Греции еще не пришло.¹⁷⁷ Особое внимание к генезису и развитию нарративов не случайно: сочетание информационного и глобального характера «новой нормальности» приводит к тому, что практически любой символ может насыщаться политическим значением и стать весомым ресурсом в геополитической борьбе. В этом контексте совсем неслучайной кажется

176 Russian and Ukrainian TV viewers live on different planets. URL:

http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2015/02/26/russian-and-ukrainian-tv-viewers-live-on-different-planets/?tid=sm_tw (дата обращения: 28.03.2015)

177 Greece can be forgiven for looking to Russia, but it should beware. URL:

<https://news.mail.ru/politics/17666211/?frommail=1> (дата обращения: 28.03.2015)

новость о том, что ЕС изучает связи между Кремлем и победившей в Греции партией.¹⁷⁸

В 2013 году никто не мог бы, даже при большой фантазии, заявить, что вся система международных отношений, установившаяся в мире после развала СССР, рухнет столь стремительно. После того, как ныне уже бывший президент Украины Виктор Янукович в ноябре 2013 года отказался подписывать соглашение об ассоциации с ЕС движения Евромайдана перешло к силовой эскалации конфликта. До некоторого времени Россия, начавшая наращивать имиджевый коммуникационный потенциал, не вмешивалась в дела Украины, рассчитывая продемонстрировать Западу свою возникающую «мягкую силу» во время беспрецедентных по размаху зимних Олимпийских игр в Сочи – и далее на саммите «большой восьмерки» в июне.

Однако уже в начале 2014 года российско-западные отношения прошли точку невозврата: для России такой точкой стало так и не реализованное на деле соглашение 21 февраля о поэтапном урегулировании украинского кризиса. Поскольку гарантом этого соглашения являлся западный истеблишмент, Москва крайне резко среагировала на то, что еще со времен Мюнхенской речи она считает обманом. В глазах российского руководства Запад перестал быть ответственным партнером. Всего через несколько недель после соглашения 21 февраля Крым перешел под юрисдикцию РФ, что стало точкой невозврата уже для западных игроков. «Возвращение» Крыма в состав России, с точки зрения Запада, было «аннексией» и нарушением базовых основ международного законодательства – территориальной целостности и нерушимости границ. Ситуация усложнилась введением западных и российских санкций, которые, с учетом всей совокупности экономических и политических факторов, оказала на отношения России и Запада

178 Спецслужбы ЕС изучат связи между Кремлем и победившей в Греции партией. URL: <http://top.rbc.ru/politics/29/01/2015/54ca0f699a794752f1097937> (дата обращения: 28.03.2015)

разрушительный кумулятивный эффект.

В то же время Украина столкнулась с новой проблемой – очагом напряжения на Донбассе. Этот этап конфликта называют по-разному (локальный конфликт, гражданская война) и оценивает тоже по-разному (здесь, в основном, дискуссия ведется на тему участия российских военных сил в конфликте) – в зависимости от выбранной парадигмы из всего комплекта нарративов (российский, украинский, западный и пр.), которыми обросли Донецкая и Луганская народные республики. На сегодняшний день, крымская история предстает как бы «замороженным конфликтом», в то время как кризис на Донбассе продолжает свое развитие, достигая уже инфраструктурного, системного уровня (конфликт президента Порошенко и уже экс-губернатора Коломойского).

Для российского истеблишмента украинский конфликт стал часом X цивилизационного выбора и – что интересует нас в данном исследовании – проверкой на прочность российской коммуникационной культуры. По факту, свое видение политического будущего России Владимир Путин изложил еще в 2007 году в Мюнхене – добиться уважения и признания отечественных интересов западным миром. Поскольку такая цель носит геополитический характер, поле российской внутренней политики нужно было зачистить, унифицировать и подвести под полный, абсолютный контроль. Это отразилось не только в политическом лексиконе (актуализация дискуссий о «пятой колонне», etc), но и в понятийно-когнитивном. К примеру, во время проведения прямой линии с Владимиром Путиным в 2014 году одним из его тезисов стало разделение «подлинных» оппозиционеров (в пример был приведен Лермонтов) и оппозиционеров, которые не являясь патриотами, становятся национал-предателями. Эта тема была поднята Путиным еще раз на ежегодном заседании коллегии ФСБ в марте 2015 года. Выступая на нем, президент отметил, что на грядущий избирательный цикл 2016-2018 годов

западными спецслужбами уже запланирован ряд акций в содействии с рядом российских неправительственных организаций с целью дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в России. Последние, по мнению президента, работают «по заказу извне, в интересах не своей, а чужой страны или чужих стран». ¹⁷⁹ Любопытно, что на фоне доминирования антизападной риторики в России, близкий к администрации президента фонд ИСЭПИ заказывает у коммуникационного холдинга Minchenko Consulting исследование «Итоги промежуточных выборов и перспективы выборов президента в США», ¹⁸⁰ где изучаются политические и электоральная практики «новой нормальности», опирающиеся на использование новых медиа и социальных сетей. Это в очередной раз показывает необходимость включения в информациональное глобальное общество, что, видимо, чувствуют и в Кремле. В целом же, возрастающая внутривнутриполитическая бинарность и мобилизация, откат к коммуникационной вертикали – все это ослабляет внешнеполитические коммуникационные мощности России, не позволяет говорить с позиции морального превосходства в том объеме, в котором это было возможно в 2013 году.

Чтобы конкретнее и более предметно понять эволюцию внешнеполитического стиля и мышления российского руководства, попробуем обратиться к исторической Мюнхенской речи Владимира Путина от 2007 года - речи, произнесённой Путиным на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. По факту, именно Мюнхен является отправной точкой для всей дальнейшей внешнеполитической эволюции Владимира Путина как российского

¹⁷⁹ Президент поставил ФСБ предвыборную задачу. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2694931> (дата обращения: 28.03.2015)

¹⁸⁰ В Кремле изучают американские технологии в контексте выборов в Думу в 2016 году. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/10/elektoralnoe-importozameschenie> (дата обращения: 28.03.2015)

президента.

Формат участия Путина в конференции был новаторским – так же, как и формат его участия в сирийском конфликте - Владимир Путин стал первым президентом России, который выступил на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене. Напомним, что Мюнхенская речь сосредотачивалась на проблеме взаимодоверия России и западных партнеров – то есть, на сотрудничестве в новом миропорядке, «новой нормальности». Ключевыми тезисами Путина стали следующие заявления:¹⁸¹

- «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна». Возможной и эффективной формой сотрудничества является развитие межцивилизационного диалога.
- «Вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединённых Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам». Этот пункт трактуется российским президентом негативно: глобальная сеть НКО, по его мнению, например, противоречит демократии и подрывает стабильные основы мирового порядка. В этом отношении Путин ярко проявляет себя как человек второй волны.
- «Но нельзя забывать, что её падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа — народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнёрства со всеми членами большой европейской семьи.» Постулируется включенность России в бинарные глобальные коммуникационные отношения.

«Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически

181 Здесь и далее цитируется по «Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности». URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml> (дата обращения: 28.03.2015)

всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня». Ясно дается понять, что Россия не намерена терпеть международный произвол США и НАТО. Всего меньше чем через год отношения между двумя странами резко ухудшились: 8 августа Грузия, при поддержке НАТО и американских военных специалистов потерпела поражение в Южной Осетии. США обвинили Россию в нападении на Грузию и оккупацию чужой территории. В 2008 году в США президента Буша сменил Барак Обама. Большая часть его предвыборной компании строилась на налаживании отношений с Россией.

Мюнхенское выступление Путина было воспринято западным миром неоднозначно. Американские делегаты на конференции, по большей части, пришли к выводу о возможном возобновлении холодной войны. В то же время, реакция министра обороны США Роберта Гейтса была весьма сдержанной, а американский сенатор Линдси Грэхам заметил, что «своей единственной речью он сделал больше для объединения США и Европы, чем мы сами смогли бы сделать за десятилетие».

В то же время, как верно подмечал бывший ведущий политический советник Кремля Глеб Павловский, Мюнхенская речь отличается «нормативной слабостью», поскольку Путин жестко и где-то справедливо указал на изъяны современного мироустройства, но не смог предложить альтернативную нормативную модель, ограничившись ссылками на ряд фрагментарных инициатив российской стороны: «доктринальная слабость Мюнхенской речи – не в радикализме ее риторики, а в непроработке стандартов политики для нового, постамериканского мира». ¹⁸² Любопытно, что (перевернем ситуацию) самый известный советолог Бжезинский примерно в том же обвиняет линию Обамы в украинском кризисе: отсутствие

182 Консенсус ищет столицу. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Konsensus-ischet-stolicu> (дата обращения: 28.03.2015)

всеобъемлющей нормативной концепции решения кризиса.¹⁸³

То же касается непосредственно Мюнхенской речи, на наш взгляд, лучше всего ее дискурсное содержание передает цитата самого Путина:

«Являюсь ли я демократом чистой воды? Конечно, я абсолютный и чистый демократ. Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая. В том, что я такой один, других таких в мире просто нет. Посмотрим, что творится в Северной Америке — ужас один: пытки, бездомные, Гуантанамо, содержание под стражей без суда и следствия. Посмотрите, что происходит в Европе: жестокое обращение с демонстрантами, применение резиновых пуль, слезоточивого газа то в одной столице, то в другой, убийства демонстрантов на улицах. Я про постсоветское пространство вообще уже не говорю. Была одна надежда на ребят с Украины, но и те просто полностью себя дискредитировали, там дело идет просто к сплошной тирании. Полное нарушение конституции, всех законов и так далее. После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем».¹⁸⁴

В теоретической части Мюнхенская речь успешно дала знать всему миру о традиционной для Путина линии «подлинного демократизма» в противовес западной «исключительности». Однако в практической и инструментальной плоскости Мюнхенская речь стала только первым шагом по созданию и внедрению этого нарратива в глобальную повестку дня. Она отличается эмоциональностью, которую можно объяснить только настоящей обидой Владимира Путина на западных партнеров, которые за более чем 15 лет не выполнили обещаний по необходимому объему включенности России в международные дела на равных и партнерских условиях. Россия окрепла и подлечила свои фантомные боли бывшей империи, но не дождалась

183 Бжезинский предложил США и России найти компромисс по Украине. URL: <http://top.rbc.ru/politics/18/03/2015/550938989a794712c15ff530> (дата обращения: 28.03.2015)

184 «Раб на галерах»: яркие высказывания Путина за 15 лет. URL: <http://daily.rbc.ru/photoreport/26/03/2015/55141f889a7947aad814cdec/8.shtml> (дата обращения: 28.03.2015)

подлинного уважения своих западных коллег в качестве равноправного партнера. Путин отметил и «шаблоны блокового мышления», и «стереотипы» холодной войны. Он отметил существенную разницу между демократией (которую проявил советский народ, решившись на снос Берлинской стены) и однополярностью (которую проявил народ американский). Он отметил, что открытость и транспарентность, ключевые столпы международных отношений в глобальном коммуникационном сетевом обществе, не соблюдаются, несмотря на заявления, коллегами России по всему миру. Он обратил внимание, что вместо Берлинской стены появились стены виртуальные, которые мешали и мешают России почувствовать себя в полной мере свободной и равноправной строительницей нового сетевого миропорядка.

Очевидно, что Мюнхенская речь стала личным переворотом для Владимира Путина, который после нее твердо решил, что Россия должна выстраивать альтернативную систему безопасности – раз уж западные коллеги так и не смогли принять Россию в свой круг.

Рассмотренный нами ранее тезис Кастельса о связке глобального и информационного убедительно подтверждается событиями, которые повлек за собой украинский кризис. Именно глобализация современного мира (в первую очередь, в экономическом смысле) позволила США и ЕС оказывать на Россию финансовое давление (санкции). Именно информационный характер глобального общества позволили вести полномасштабную информационную войну, самый яркий всплеск которой имел место после крушения Боинга (Большое событие, апеллирующее к Третьему). Всего за 6 лет до этого, когда Россия не представляла активно свои интересы в глобальном информационном пространстве, для решения конфликта потребовался прямой авторизованный ввод российских войск на территорию другого государства. Чему это научило руководство нашей

страны, что вместили в себя эти 6 лет?

Они включили в себя телеканал Russia Today, реформативное РИА Новости в МИА «Россия Сегодня», запуск международной сети мультимедийных хабов Sputnik, более гибкую внутреннюю политику (имеется ввиду временной отрезок с подавления болотных протестов до начала украинского конфликта), укрепление принципов soft power, представленной, в частности, характером участия российской стороны в сирийском конфликте или проведением Олимпиады, а также надвигающимся ЧМ по футболу.

По факту, появление и развитие альтернативных каналов коммуникации привело к тому, что вызревшие в советском обществе пропагандистские методики начали рассыпаться: золотые геббельсовские правила о повторении и упрощении работают исключительно в вакуумном обществе. Однако в мире, где существует киберпространство, невозможен постоянный и обширный вакуум. Этот факт послужил стимулятором для вынужденного перехода части российского истеблишмента на рельсы «новой нормальности».

Однако насколько глубока и насыщенная эта обучаемость? Насколько она необратима? Попробуем рассмотреть поближе реакцию других стран на подобное информационное усиление России во внешней политике в контексте украинского медиаполитического конфликта.

Уже сирийский кризис показал, что Москва усиливает свое влияние в международной политике, когда Путин, несмотря на кровавую гражданскую войну в Сирии, сумел спасти режим Башара Асада от вторжения западной коалиции во внутренние дела суверенного государства – как это случилось с режимом Каддафи. Параллельно со своим дипломатическим триумфом, Россия работала над интеграционными процессами с партнерами из СНГ и БРИКС. Общеполитический авторитет взлетел еще выше благодаря удачно

проведенной Олимпиаде. В то же время, церемония открытия убедительно продемонстрировала историю России как историю полноценной европейской державы.

Триумфальное шествие российской soft power в рамках бинарного включения в европейский (= современный) мир (церемония открытия Олимпиады, делающей упор на период Русской Европы) было, к сожалению, прервано эскалацией конфликта на Украине. The New York Times окрестили это торжеством geopolitik и осознания исторического значения России над накопленным российским коммуникационным и имиджевым капиталом. Таким образом, информациональное глобальное общество за счет своей бинарной системы включения через новые медиа прямо влияет на политические коммуникации и культуру их проведения, оказывает цивилизаторскую функцию. Это тем важнее, что руководство России представлено, по большей части, носителями еще советского уклада жизни и менталитета.

Как узнавал медиахолдинг РБК, отторжение от Украины Крыма и Донбасса «было частью более обширного плана – создания «коридора» от Донбасса до Приднестровья: конгломерата непризнанных квазигосударственных образований на юге и юго-востоке Украины, выполняющих несколько задач. Они обеспечивают сухопутную связь России с Крымом и Приднестровьем, их неопределенный статус мешает Украине вступить в ЕС и НАТО; создается буферная зона между Россией и потенциально враждебной Украиной; перманентные переговоры об их судьбе с участием Москвы усиливают ее позиции в торге с Западом. Подается все это как восстановление исторической справедливости, старых границ Российских империй и ее топонимов (Новороссия), как подъем

национальных чувств – «Русская весна». ¹⁸⁵

Однако план был реализован лишь частично, и быстрая победа в Крыму обернулась затяжной войной на Донбассе, введением санкций, обвалом рубля, оттоком рабочей миграции и международной изоляцией.

В то же время Запад – и в первую очередь США – столкнулись не только с экспансией российских внешнеполитических интересов, но также и с усилением мусульманских радикалов из «Исламского государства», которые уже контролируют обширные области в Ираке и Сирии. Последние, при этом, также активизировали свою медийную активность, запустив целую сеть мультимедийных хабов Al-Nayat Media. Сеть нацелена на иностранную и иноязычную аудиторию, производит собственные фильмы. Основные языки, которыми оперирует Al-Nayat Media: арабский, английский, немецкий, французский, русский, хинди и урду, бенгали, турецкий, курдский и другие. В то же время, после ухода из Афганистана основных сил НАТО, можно смело прогнозировать масштабное наступление талибов. Удары с воздуха неспособны решить ситуацию, сухопутную операцию не разрешает американского руководства, а сама по себе армия Ирака выиграть войну не в состоянии. Помимо всего прочего на данный момент, США и их союзники по НАТО, застряли на «украинском распутье»: двигаться к большому противостоянию с Россией или согласиться на вариант «замороженного конфликта». ¹⁸⁶

Однако политическое распутье не отменяет напряженной – проводимой через медиа – войны. В августе 2014 года телеканал Ukraine Today получил от национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания

¹⁸⁵ Русские заморозки: как быстрая победа в Крыму обернулась долгой войной. URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/12/2014/549bf0379a79474421c18b63> (дата обращения: 28.03.2015)

¹⁸⁶ Подробнее См. http://www.washingtonpost.com/opinions/natos-new-perils/2015/03/24/0e45faea-d259-11e4-8fce-3941fc548f1c_story.html

лицензию на спутниковое вещание.¹⁸⁷ В декабре 2014 года корпорация BBC запросила у МИД Великобритании дополнительного финансирования для вещания на Украину. Бывший директор BBC World Service Питер Хоррокс, уверен, что из-за финансового превосходства российских новостных государственных каналов Великобритания и США проигрывают Кремлю «глобальную информационную войну».¹⁸⁸ В январе 2015 года стало известно, что немецкая государственная телерадиокомпания Deutsche Welle планирует запуск международного новостного мультимедийного сервис DWNews на английском языке. По словам президента компании Петера Лимбурга, он предназначен для «борьбы с пропагандой [президента России Владимира] Путина».¹⁸⁹ В феврале 2015 года появилась информация, о заявлении госсекретаря США Джон Керри, согласно которому в Америке нет аналогов медиаструктуры, подобной телеканалу RT, поэтому Вашингтону необходимо вкладывать больше денег в разъяснение своей политики через СМИ.¹⁹⁰ В марте 2015 года премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон возродил программу времен холодной войны по поддержке стран в борьбе с «угрозой российского доминирования».¹⁹¹ В то же время, по данным исследования американского Совета управляющих по вопросам вещания (BBG), фрагменты которого были опубликованы в марте 2015 года, США проигрывает своим соперникам по информационной войне, а украинский кризис стал «самым

187 Ukraine Today начнет спутниковое вещание с 24 августа. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/08/14/n_6395441.shtml (дата обращения: 28.03.2015)

188 Британской BBC не хватает ресурсов для противодействия Russia Today. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/12/23/protiv-russkih-net-deneg> (дата обращения: 28.03.2015)

189 Германия начнет бороться с российской “пропагандой”. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/01/28/deutsche-welle-sobiraetsya-borotsya-s-rossijskoj-propagandoj> (дата обращения: 28.03.2015)

190 Джон Керри пожаловался на RT и попросил увеличить финансирование американской пропаганды. URL: <http://russian.rt.com/article/76448> (дата обращения: 28.03.2015)

191 Дэвид Кэмерон создал фонд борьбы с российским влиянием. URL: <http://top.rbc.ru/politics/20/03/2015/550baec69a7947e3800c2aae> (дата обращения: 28.03.2015)

серьезным испытанием для американского международного вещания со времен падения Советского Союза». В качестве рекомендаций ВВГ запросил дополнительного финансирования в размере \$15 млн., которые потенциально могут быть направлены на поддерживаемые советом «Голос Америки» и радио «Свобода». ¹⁹²

Сложно говорить о каком-то выдающемся новом витке культуры коммуникационной борьбы, когда действия конкурирующих сторон сводятся к наращиванию финансирования. По факту, мы имеем дело все с той же психологией эпохи Холодной войны, просто принцип взаимонаступательной гонки вооружений сдвигается от военной индустрии к индустрии информационной. The Financial Times также отметила эту тенденцию, осветив ее на примере действий Киева, ¹⁹³ который, отправив собственную гуманитарную помощь в восточные регионы Украины, вступил в гонку гуманитарных конвоев с Россией. Очевидно, что базовые принципы ведения геополитической борьбы, сама их матрица, остаются неизменными, происходит только обогащение и изменения инструментария этой борьбы, оттачиваются ее стилистика и множатся ее методы. Если и говорить о какой-то коммуникационной обучаемости в политическом измерении «новой нормальности» - то оно проходит только по этой линии.

Любопытным в этой связи представляется анализ журнала Time той информационной кампании, которую запустил отечественный прогосударственный канал RT после убийства Бориса Немцова. По версии Time, убийство политика привело к еще одной активизации изощренной пропагандистской машины России, с дистрибуцией на более чем 100 стран (включая потенциальную аудиторию RT на уровне 700 млн. человек) на

¹⁹² Исследование: США проигрывает информационную войну России. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/03/25/n_7048221.shtml (дата обращения: 28.03.2015)

¹⁹³ FT: Украина вступила в гонку гуманитарных конвоев с Россией. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/08/14/n_6394725.shtml (дата обращения: 28.03.2015)

нескольких языках, включая английский, испанский и арабский. Отмечается, что нигде российские пропагандисты не упоминали о ранее высказанных страхах Немцова о возможном убийстве прямо или косвенно Путиным. Умалчивалось и о более дюжины атак на критиков Кремля за последние 15 лет. А когда 1 марта в Москве состоялся марш памяти Бориса Немцова, RT транслировал документальный фильм об американском расизме и ксенофобии. Иными словами, самые характерные черты российской пропаганды – это широкий охват, неполное раскрытие информации и переключение нарратива. Считается, что прямой клинч с российской пропагандой – дело заведомо проигрышное, единственно возможный способ борьбы – строго придерживаться фактов при освещении конфликтных ситуаций.¹⁹⁴

Популярность RT в зарубежных странах (в декабре 2014 года сообщалось, что каналы RT на YouTube набрали рекордные два миллиарда просмотров) во многом объясняется контентом, который они транслируют: к примеру, довольно жесткое и бесцензурное освещение природных катастроф или событий криминальной хроники. Такой контент часто становится вирусным, что привлекает всё новую аудиторию, которая может ознакомиться и с политическими материалами о России.

Другую попытку анализа российской пропаганды предпринял Пол Гобл, сотрудник The Jamestown Foundation. По мнению Гобла, Россия полноценно участвует в «гибридной войне» (подробнее этот термин мы рассмотрим ниже), в которой с российской стороны происходит конвергенция дезинформации, правды, того, что люди хотят видеть правой, ловко замаскированной прямой ложью:

«Москва активно использует такую дезинформацию в рамках

194 Russia Today: Vladimir Putin's On-Air Media Machine.
URL: <http://time.com/rt-putin/> (дата обращения: 28.03.2015)

сознательной широкой политики по Украине. Перекручивая политические события, она легко меняет или выбрасывает элементы ложного повествования. Российская дезинформация высеялась на благодатную почву внутри страны, потому что она играет на глубоко укоренившихся эмоциях россиян и служит для того, чтобы отвлечь внимание людей от более насущных политических и экономических проблем. За границей сообщениям Москвы уделяется чрезмерное внимание из-за отсутствия сомнения в них и непонимания некоторыми западными журналистами разницы между балансом и истинной объективностью, а также из-за существования большого числа избирателей, чьи рабочие места зависят от поддержания тесных отношений Запада с Россией. Чтобы ограничить распространение и воздействие дезинформации, западные правительства должны признать разницу между простой ложью и фактической дезинформацией, приобрести опыт в определении дезинформации и отделении истины от лжи, а также разработать методы для ответа и противодействия такой дезинформации как дома, так и за рубежом». ¹⁹⁵ Любопытным в этом анализе представляется различие между ложью и дезинформацией: ведь дезинформация может на 99% быть правдой, оставаясь, при этом, умным сочетанием правды с тем, что люди хотели бы, чтобы было правдой, и с явной ложью, которую многие не заметят, если она ловко представлена.

Самым ярким примером отточенной пропогандистской техники Гобл считает крымскую историю:

«Путинская кампания дезинформации о Крыме в этом отношении особенно поучительна. Его послание сочетало все эти три элемента. Да, это правда, как настаивала Москва: Крым имеет более продолжительную историю связей с Россией, чем другие части Украины. Нет, это неправда, что

¹⁹⁵ Ложь, гнусная ложь и российская дезинформация. URL: <http://www.stopfake.org/lozh-gnuskaya-lozh-i-rossijskaya-dezinformatsiya/> (дата обращения: 28.03.2015)

Крым является «русским» в том же смысле, что и Москва. И явно не соответствует действительности, что этнические русские в Крыму подвергаются гонениям и угнетению, и была необходимость в их защите с помощью внешних российских войск. Но эти три темы работали вместе и даже подкрепляли друг друга в умах многих людей». ¹⁹⁶

В этом смысле рекомендации Гобла выглядят гораздо разумнее, нежели просто выделения дополнительных бюджетов: он предлагает сделать особый упор на воспитание и обучение западных журналистов с целью выявления и противодействия дезинформации.

Схожей версии придерживается журнал Economist (при этом, согласно его точке зрения, Россия опять же побеждает в текущем информационном столкновении). Повествуя о российско-украинской «битве мемов», издание отметило, что Россия продемонстрировала свое мастерство в «пропагандистской войне», а Украина с трудом пытается ее догнать, соревнуясь с профессиональной и прекрасной финансируемой российской пропагандистской машиной. ¹⁹⁷

Любопытно, что представители российских информационных войск придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. К примеру, из отчета руководителя ближневосточного бюро Russia Today Пола Слиер с совещания ОБСЕ о свободе слова в СМИ в условиях кризиса на Украине ясно следует, что западоцентричные нарративы обладают существенно большим влиянием на официальные регуляторы. По словам Слиер, "весь контент, который производят российские СМИ, зарубежные коллеги автоматически воспринимают как пропаганду просто потому, что не готовы принять альтернативную точку зрения". Это яркий пример того, как созданный

¹⁹⁶ Там же. URL: <http://www.stopfake.org/lozh-gnusunaya-lozh-i-rossijskaya-dezinformatsiya/> (дата обращения: 28.03.2015)

¹⁹⁷ Economist рассказал о российско-украинской «битве мемов». URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/03/13/n_7008581.shtml (дата обращения: 28.03.2015)

усилиями профессионалов дискурс приводит к ментальной "блокировке" российских инфопотоков, провоцируя дальнейшее отчуждение России от формирования глобальной повестке дня и ее изоляции:

"«Панельная дискуссия была несбалансированной, было много критики России, но критикуемой стороне — российским журналистам — просто не дали возможность высказаться. Я хотела внести свою лепту в эту дискуссию, потому что 20 лет работаю журналисткой. Я была на Украине и хотела рассказать, что я увидела сама своими глазами. Но как только я сказала, что работаю в RT, люди сразу же "закрылись" и потеряли ко мне интерес», — сказала тележурналистка".¹⁹⁸

В целом, тема российской пропаганды встречается сегодня в западных медиа довольно часто. Большая часть журналистов убеждены, что Россия выигрывает информационную войну благодаря возможностям авторитарного режима выделять большие средства на поддержку своей пропаганды в обход бюрократических заслонов. Часто подчеркивается, что основным оружием России становится дезинформация, которая на фоне «наивности» западных журналистов и их неосведомленности о внутреннем положении дел в Российской Федерации получает довольно широкое освещение на Западе.

Как изменилось восприятие нового сетевого мироустройства Владимиром Путиным за это время, за эти годы, принесшие России столько изменений? Проследить это можно, следуя за его программными выступлениями. С Мюнхенской речью часто сравнивают Крымскую речь Путина, которую он произнёс в формате послания к Федеральному собранию при присоединении Крыма к Российской Федерации. Ее тезисы были развиты на выступлении Путина в Ялте от августа 2014 года. Также Мюнхенскую речь именуют Первой исторической речью, а Крымскую речь, соответственно

198 Журналист RT: На Западе все российские СМИ считают пропагандой – это необоснованно и оскорбительно. URL: <http://russian.rt.com/article/51651#ixzz3GbUvd1tD> (дата обращения: 04.04.2015)

— Второй исторической. Серия продолжилась в октябре 2014 г. так называемой Валдайской речью в Сочи, где Путин сам прибегнул к аналогии с медведем, заявив, что «русский медведь своей тайги не отдаст». Вскоре после этого он провёл традиционную большую пресс-конференцию, где выразил опасение, что противники России «будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить медведя на цепь». Попробуем рассмотреть, что случилось с этим медведем за последний год.

В своей Крымской речи от 18 марта 2014 года Путина сразу подчеркнул: украинская земля священна для русского народа. В Херсонесе было произведено Крещение, и древняя Русь стала православной. Православие предопределило цивилизационную уникальность России, которая опирается на три народа: русский, украинский и белорусский. В свою очередь, Крым является родиной русского Черноморского военно-морского флота. «Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести». ¹⁹⁹ В пике политике нового украинского руководства Путин сразу заявляет: на территории нового субъекта Российской Федерации будут равноправно государственными три языка: русский, украинский и крымско-татарский. Путин сослался и на то, что ряд русских территорий сегодня, по сути, неправомерно принадлежат другим государствам: вследствие несбалансированной политики большевиков в начале XX века ряд русских земель стали юго-востоком Украины, а вследствие решения Хрущева в 1954 году Украине был передан и Крым. В то же время, российский президент косвенно признал и вину своего первого предшественника, указав на долю вины России в запуске «парада суверенитетов». В результате, русский народ стал, пожалуй, самым большим разделённым народом в мире.

199 Обращение Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 28.03.2015)

В начале своего первого президентского срока Путин, по его собственным словам, смирился с последствиями этих решений:

«Сегодня можно открыто говорить, я хочу с вами поделиться деталями переговоров, проходившими в начале 2000-х годов. Тогда Президент Украины Кучма попросил меня ускорить процесс делимитации российско-украинской границы. До тех пор этот процесс практически не двигался. Россия вроде признала Крым частью Украины, но переговоров о делимитации границы не проводилось. Понимая все сложности этого процесса, тем не менее я сразу дал указание российским ведомствам активизировать эту работу – работу по оформлению границы, чтобы было понятно всем: соглашаясь на делимитацию, мы фактически и юридически признавали Крым украинской территорией, тем самым окончательно закрывали этот вопрос».²⁰⁰

Однако сделано это было в расчете на то, что Украина всегда будет дружественной и братской страной, отношения с которой не будут омрачены тупиком территориальных споров и на территории которой русский народ не будет ущемлен в правах. Следующие десятилетия показали, что русский народ намеренно и насильно лишали исторической памяти и даже языка, подвергали насильственной ассимиляции. Путин обратил внимание и на то, что руководство Украины доило свою страну, в результате чего огромное количество заробитчан – рабочих мигрантов – отправлялись на заработки в другие страны, и не в Силиконовую долину, но на подденцину. Именно поэтому можно понять тех, кто вышел на мирный протест Евромайдана. Однако эскалация протеста привела к тому, что радикалы де-факто устроили государственный переворот, с террором, убийствами и погромами. Неонацисты и русофобы, принимавшие участие в этих действиях, вместе со своими зарубежными спонсорами и кураторами являются всего-навсего идейными наследниками Бендеры, который был приспешником Гитлера.

²⁰⁰ Там же. URL: <http://kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 28.03.2015)

Сопrotивляющиеся этому бесчинству регионы ставили себя в опасное положение, и Крым – с огромной долей русского населения – должен был первый подвергнуться ответным мерам. Не спасти Крым в таких условиях было бы предательством.

Далее Путин отмечает, что доверять западным партнерам становится все сложнее, ведь дело не только в двойных стандартах, но и в том, что они регулярно переводятся в практическую плоскость, как в случае с расширением НАТО на восток, о котором Владимир Путин снова напомнил. Эти двойные стандарты происходят из уверования западного мира о своей избранности, исключительности, которая дает право на силу – выпад против именно этого тезиса был ключевым, как мы помним, в сирийском конфликте.

Путин переходит на следующий, более геостратегический уровень, отмечая, что возможные контрмеры со стороны Запада, по сути, не будут существенными, потому что Россия и так, спустя почти четверть века не оказалась включенной в глобальное бинарное пространство нового мира. Крымская история в этом смысле просто стала тем рубежом, который Россия не может пересечь, как и пружина когда-то вынуждена разогнуться.

14 августа 2014 года в ялтинском курортно-санаторном комплексе «Мрия» Владимир Путин выступил перед депутатами Госдумы в связи с началом нового политического сезона. Ялтинское выступление развивало тезисы крымской речи. Президент пообещал, что Россия сделает все от нее зависящее, чтобы как можно скорее прекратился конфликт на юго-востоке Украины. Выбор в пользу проведения встречи в Крыму был неслучайным, поскольку это обращение было в большей степени обращено вовне – зарубежным коллегам. Символический выбор места был наполнен и политическим значением: именно в Ялте когда-то были заложены основания для нового миропорядка, выстроенного на общеразделенном понимании многополярности.

Напоминание о ялтинских соглашениях одновременно служили напоминанием и о том, что попытки представить линифю столкновения НАТО-ОВД как борьбу свободы против диктатуры не совсем честны и справедливы. Ведь в западном обществе эта самая свобода была установлена не сразу после окончания Второй мировой войны, как это пытаются представить сегодня. Достаточно вспомнить, что генералиссимус Франсиско Франко правил Испанией до 1975 года, а жесткая диктатура Антониу ди Оливейра Салазара сохранялась в Португалии вплоть до 1974 года. И это не говоря уже о колониальных войнах Франции или ковровых бомбардировок Вьетнама Америкой.

Нелишнем будт отметить, что сам процесс ревизии ялтинской системы начался с Хельсинских соглашений, в результате которых начался процесс трансформации Европы в некий особый субъект. Идея создания уютного «общеевропейского дома» вытеснила ялтинскую идею глобальной ответственности. Новая в политическом измерении Европа стала вещью-в-себе, новым полем для конфликта между США и СССР. Именно это поле впоследствии стало шахматным и родило концепцию Бжезинского.

Очевидно, что для российского истеблишмента именно неуловимая «Ялта» является идеалом мирового порядка – основанная на глобальной ответственности, равенстве партнеров и уважении интересов друг друга.

Сама речь была сосредоточена на «рабочих» моментах: вновь был озвучен тезис, что Крым существовал в составе украинского государства на положении «бедного родственника». Теперь же задачей российского руководства является наиболее эффективная интеграция Крыма в РФ, обустройство его дел, которые привели бы к его экономической самодостаточности и динамическому развитию. Такое развитие будет опираться на атмосферу межрелигиозного согласия.

Любопытно, что в этот раз Владимир Путин отметил, что

символическое значение Крыма – это еще и кумулятивный опыт особняка Максимилиана Волошина, где находился приют и белым и красным. Этот ракурс вносит в крымский нарратив любопытный аспект: постулируется еще одна историческая линия примирения, которая смогла бы «восстановить связь времен и эпох», историческое единство России.

Валдайская речь, произнесенная в октябре 2014 года, сразу была названа многими экспертами второй мюнхенской. Действительно, именно в ней вновь прозвучала концептуальная оценка Путиным современного мироустройства. Выступление стало чуть ли не самым ярким проявлением антиамериканизма российского руководства в XXI веке:

- При этом, если антиамериканизм Мюнхена был направлен на необходимость преодолеть комплексы холодной войны и совместное комплексное обустройство единой архитектуры мировой безопасности, то Валдай отрицает партнерство с США.
- Мюнхенская доктрина безопасности стремилась выстраивать международные отношения с позиций многополярного мира и необходимости соблюдать правила международной политики. Валдай же признает, что на место подорванной мировой безопасности приходит плохо управляемый хаос. Это резко расширяет границы допустимого, в том числе, для России.
- В довершение всего, Путин сознательно упрощает геополитическую картинку реальности, представляя ее как результат односторонних действий США. Иными словами, игнорируется главное коммуникационное достижение западных коллег: формирование единого фронта и консолидированное принятие решений.

11 конференция дискуссионного клуба «Валдай» проходила под названием «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?». Выступая на ней, Владимир Путин обратил внимание, что мировой порядок

после Второй мировой войны строился на доверии, договороспособности и уважении партнеров. Это позволяло регулировать естественную конкуренцию государств. Однако уже в постсоветских реалиях США, по его мнению, решили не обновить международные договоры в соответствии с произошедшими измерениями – это бы вновь бы установило международные отношения на прочную правовую площадку – но самолично занять доминирующее положение в мире. Отсутствие новых прозрачных правил и стандартов усилило дисбаланс геополитических отношений в мире. В истории международных отношений открылась новая глава разночтений и умолчаний. Тотальный контроль над глобальными СМИ вкупе с экономической глобализацией позволял США фактически установить коммуникационную диктатуру над всем миром. В связи с этим Владимир Путин делится любопытным замечанием касательно видов «мягкой силы» в информационном обществе:

«Несомненно, что в глобальном соревновании вырастет роль гуманитарных факторов: образования, науки, здравоохранения, культуры. Это, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, в том числе потому, что ресурс так называемой мягкой силы будет в большей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изощрённости пропагандистских приёмов».²⁰¹

Иными словами, наличие одного центра силы в мире не приводит к повышению управляемости и безопасности мировых процессов. Фактически наличие одного доминирующего полюса силы противоречит сетевой логике. Любопытно, что сам Путин в противовес говорит о «надёжной страховочной сетке». Однако такой «сетки» нет, и вместо нее американские коллеги пытаются «воссоздать некоторое подобие квазидвуполярного мира, квазидвуполярной системы, как удобную модель воспроизводства в данном

201 Там же. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (дата обращения: 28.03.2015)

случае американского лидерства. И неважно, кто в американской пропаганде займёт место «центра зла», место СССР как главного оппонента: это Иран, как страна, стремящаяся к ядерным технологиям, Китай, как первая экономика мира, или Россия, как ядерная сверхдержава». На практике такие попытки скатываются в дроблении мира на группировки, что опять же противоречит глобальной коммуникационной бинарности – по крайней мере, в отношении тех группировок, что выталкиваются на коммуникационную маргиналию.

По мнению политолога Федора Лукьянова, один из главных итогов заседания стало то, что «возникшие в 1990-х иллюзии о том, что государства исчезают и замещаются глобальными сетями и сообществами, доказали свою несостоятельность. Государства не исчезли, но стали действовать в новом контексте». ²⁰² Это отчасти подтверждает наш тезис об откате России на позиции второй волны в условиях серьезных конфликтов: как мы рассматривали ранее, трансформация национальных государств в сетевые и их инкорпорирование в глобальную сеть сообществ и есть один из ключевых политических процессов «новой нормальности». В то же время, 2014 год убедил участников «Валдая», что ««извечные конфликты никуда не деваются, а такие понятия, как баланс сил, границы, суверенитет, не теряют значения и во времена глобальной взаимозависимости». ²⁰³

При разборе каждой речи Владимира Путина мы старались подчеркнуть то, что ван Дейк называет политическими импликатурами – иначе говоря, на те конкретные политические выводы, которые можно сделать на основе этих речей и их контекстов.

В целом, когнитивные модели, которые можно встретить в

202 Валдайский клуб объяснил причины политических катаклизмов 2014 года. URL: <http://top.rbc.ru/politics/11/03/2015/55003bc89a7947c86bc29209> (дата обращения: 28.03.2015)

203 Там же. URL: <http://top.rbc.ru/politics/11/03/2015/55003bc89a7947c86bc29209> (дата обращения: 28.03.2015)

выступлениях Владимира Путина, воспроизводят распространенные у нас социальные и политические убеждения. Это общее знание интегрируется в когнитивную модель текущей ситуации в обществе. И хотя мы учитываем, что выступающие всегда могут использовать лишь часть находящихся в их распоряжении когнитивных моделей – релевантных контексту текущей коммуникативной ситуации – не следует забывать о том, что текст, в широком понимании, является только вершиной айсберга. Вне зависимости от адресата и адресанта, всякий такой текст проходит через комплексный процесс декодирования, в результате которого складывается индивидуальная модель анализируемой ситуации.

Во всех выступлениях, так или иначе посвященных или затрагивающих украинский кризис, Владимир Путин описывал и формулировал его как системный кризис международной системы, формируя такую ментальную модель события, которая выгодна российской стороне. Тактики легитимации крымского референдума и участия в украинском конфликте в целом Россия придерживается на момент написания этих строк уже более года. Всё это время описанные выше импликации служили одной цели: узаконить российскую политику по отношению к Украине в новых реалиях, носили международный характер по ряду затрагиваемых вопросов и перекликались с рядом импликаций со стороны ЕС и США. Подобное пересечение лишней раз убеждает нас в интенсивности текущей информационной войны.

Со стороны России наиболее часто встречающиеся линии атаки (на Запад) можно классифицировать следующим образом:

- идеологическая поляризация (Мы – демократы, Они – считают, что им все дозволено)
- позитивная саморепрезентация на основе позиционирования личного морального превосходства (Мы не дали пролиться лишней крови)
- обращение к Западу «с позиции силы»

- дискредитация оппонентов в лице Запада и обвинения их в нарушении системы международного правового порядка
- придание эмоциональной окраски аргументам (демонстрация «твердых убеждений»).

В геополитическом разрезе критично важна такая способность контролируемо закладывать в умы партнеров допустимость возникновения альтернативных нарративных моделей. Как верно подмечал ван Дейк, «в тех случаях, когда аудитория воспринимает подобные дискурсы в виде речей политиков и текстов в СМИ, не имея при этом возможности доступа к идеологически альтернативным источникам информации, подобные модели могут обобщаться до уровня общепринятых абстрактных социальных репрезентаций о мусульманах, национальных меньшинствах, англичанах, иммигрантах». К примеру, если для Обамы или Меркель Крым был незаконно аннексирован, то для Путина он был возвращен России на правах исторической справедливости. Данное различие показывает, что то, что мы говорим и понимаем, зависит от структурных ограничений текущего контекста, включающего, например, установки, тип события, жанр, цели, действия, а также участников, их роли и знания. Выступаю в поддержку такой точки зрения ван Дейк утверждал, что «весьма существенным представляется то, что концепция персональных моделей ситуации позволяет объяснить, почему индивидуальные тексты и речь, основанные на уникальных персональных моделях события и контекста, всегда уникальны, даже в тех случаях, когда они основаны на одних и тех же коммуникативных ситуациях». ²⁰⁴

В то же время, выступления Путина характеризуются предельно четким определением контекстуальной ситуации, что позволяет российскому

204 Т. ван Дейк, Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — С. 283

руководству прокомментировать ту или иную политическую ситуацию, обозначить свои рекомендации по конкретным действиям. Поскольку все эти выступления протекали в новых политических условиях – возросшей политической и экономической изоляции в связи с присоединением Крыма – критически важно было описать такую ситуацию, в которой решения российского истеблишмента выглядели бы логичными, понятными и неизбежными.

В рамках этого подхода отчетлива видна, с одной стороны, мощнейшая символическая и утилитарная угроза санкций (как инструмента выключения цивилизации из глобального бинарного коммуникационного пространства) и неэффективность такого инструмента (если принять, что санатора движет желание решить конфликт оперативно и малой кровью) по отношению к России. Еще Морозов отмечал, что большая часть санкций США не достигают своей цели. К примеру, предположение, что руководство Зимбабве или Белоруссии предпочтет пользоваться американскими информационными сервисами (ценой политических уступок), нежели развивать альтернативную отечественную продукцию, как минимум противоречит здравому смыслу. Вдобавок, сама суть риторического дискурса США о свободе в Интернете противоречит каким бы то ни было ограничительным мерам в этом секторе относительно других государств. В то же время, отмечает Морозов, неэффективность санкций редко останавливает американское руководство от их введения.

Как совершенно справедливо отмечали в редакции *New York Times*, в случае с Крымом мы имеем дело с доминированием «реальных» политических интересов, навязанных на русское понимание исторической справедливости, над ценностями новой коммуникационной реальности. В данном случае присоединение Крыма в глазах российского руководства означало то же, что и состояться полноценной нацией.

В то же время, как отмечал руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН Александр Вадимович Рубцов, в политике «постмодернизм еще только осваивает возможности стратегии «плевать на все» и «все дозволено», но уже нет времени убеждаться, насколько это опасно, и искать другие стратегии.

Все это очень непростая история. Для начала надо как минимум осознать суть и масштаб задачи. Речь идет о новой логике, этике и эстетике сборок буквально во всем: в средообразовании и языке, в экономике и политике, в микрофизике власти и в архитектуре глобальных отношений. Придется войти в тот же размер шага: модерн, постмодерн, теперь выход из него... Косметическим ремонтом и мелкой перестройкой здесь уже не отделаешься. История с Украиной – первый звонок. Но какой!»²⁰⁵

Эту опасность виртуальной политики в образной парадоксальной манере в свое время подмечали Маклюэн: «в конце концов живых политиков окончательно вытеснят их образы в СМИ. И первым останется только благодарить вторых за свое изгнание из эфира, поскольку зажившие своей жизнью образы в масс-медиа смогут сделать столько, сколько политику-человеку и не снилось».

Как метко заметила в свое время газета Independent,²⁰⁶ после Минских договоренностей на Украине воцарился «мрачный мир гибридной войны». По мнению издания, последствия переговоров стали примерно такими, как и ожидалось: частичный обмен пленными и отвод тяжелых вооружений, намечаются первые ростки конституционных изменений. Ополченцы захватили стратегически важный город Дебальцево: они всегда собирались

²⁰⁵ Постмодернизм в политике - просто беда. URL: http://www.ng.ru/scenario/2014-03-25/14_chaos.html (дата обращения: 28.03.2015)

²⁰⁶ Ukraine: Where a dark world of hybrid warfare and murky loyalties prevails. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/in-ukraine-a-dark-world-of-hybrid-warfare-and-murky-loyalties-prevails-10066132.html> (дата обращения: 28.03.2015)

это сделать, а Киев знал, что это так и случится.

Поскольку в «новой нормальности» крупные конфликты редко вырастают до крупных международных боевых столкновений, постольку и пар конфликта начинает не вырываться из-под крышки, но искать другие выходы. Сочетание классических властных отношений и логики новых медиа приводит к возникновению так называемой «гибридной войны», где саботаж, дестабилизация и «черная пропаганда» принадлежат к совокупному комплексу атакующих действий, направленных на имидж и политическое положение противника.

К отмечает Павел Быков, эта война «явно имеет черты нелинейной операции. Нежелание России вводить войска, прямо вмешиваться в конфликт выглядит странным с точки зрения классических представлений о войне, однако при использовании нелинейного подхода все встает на свои места. <... > существуют такие процессы в борьбе двух «популяций», когда побеждает вовсе не та, которая на старте имела более сильные позиции и к тому же действовала более агрессивно, но, напротив, побеждает изначально более слабая и более гибкая сторона. Слабый побеждает, поскольку издержки политики тотального доминирования (избыточно мощная пропаганда, отвращение к творимому насилию, экономические потери) приводят к тому, что слабая сторона медленно, но верно берет верх (примерно как четвертая волна мобилизации приводит к массовому бегству мужчин из страны)».²⁰⁷

Автор отмечает, что «схожие механизмы используются при организации цветных революций, для успеха которых необходима являемая жесткость властей, ответную реакцию на которую можно использовать для мобилизации протестного потенциала, а затем и для раскола — на тех, кто «замазан», и на тех, кто «не замазан» в подавлении. А примером успешного

207 Уютные руины ялтинской системы. URL: <http://expert.ru/expert/2015/07/uyutnyie-ruinyi-yaltinskoj-sistemyi/> (дата обращения: 28.03.2015)

противодействия таким попыткам может стать рассеивание протестов в Гонконге — за счет не массированного централизованного влияния, но за счет (пусть и не столь впечатляющих) контрпротестов и точечного воздействия на протестующих со стороны недовольных неудобствами горожан».

Действительно, восставшие сетевые общности Кастельса отличаются тем, что они прошли социализацию в мире новых медиа. Сетевое устройство такой общности динамично реагирует на любое вертикальное политическое давление в лучших традициях цивилизации второй волны – и взрывается, передавая импульс недовольствия другим гражданам «новой нормальности». При этом любое ограничительное давление со стороны властей – будь то отключение Интернета, например – просто не работает: гибкая сетевая структура сразу находит новое решение. К примеру, большую популярность в 2014 году получил сервис FireChat,²⁰⁸ через который организовывались протесты в Гонконге и на Манежной. Для работы этого сервиса не требуется Интернет, что сводит устоявшуюся практику по его отключению в авторитарных государствах при протестной активности на нет. Ни один узел сети не способен контролировать распространение информации в рамках всей системы, так как сеть интерпретирует цензуру как поломку и обходит ее:

«Попытка заблокировать коммуникацию в одном из узлов просто вынудит сеть воспользоваться одним из многих миллионов альтернативных маршрутов. Чем больше возможных «фазовых сцеплений» существует между компонентами биосферы, тем больше у нее возможностей для самовосстановления и нейтрализации возмущений. Сходным образом основным законом компьютерных сетей является «естественная тенденция к

208 Russians Are Organizing Against Putin Using FireChat Messaging App. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-12-30/russians-are-organizing-against-putin-using-firechat-messaging-app> (дата обращения: 28.03.2015)

самоорганизации посредством хаоса». ²⁰⁹

Адхократичный характер «восстаний» объясняет и недолговечность их существования: мерцающие общества рассыпаются сразу же, как только оно выполнили задачу или потерпели поражение. Поражение же может произойти только если власти также будут использовать сетевую логику, только для контрпротеста. Любопытно, что это получилось в том числе и у китайского государства. В то же время нелишним будет напомнить, что удалось это и российскому политическому истеблишменту в ходе болотных протестов 2011-2012 годов.

Механизмы организации политических революций настолько существенны для определения развитости политической системы и политических коммуникаций, что мы остановимся на этом моменте еще немного, тем более, что восстание является одним из ключевых пунктов украинского конфликта. Мы уже говорили о том, что текущая политическая ситуация в России определяется переходным моментом между второй и третьей волнами примерно в той же степени, что и революционная ситуация начала XX века определялась переходом из первой волны во вторую. Появление и начало подлинной инкорпорации в жизнь новых коммуникационных технологий резко меняет политические практики.

Разница практик первой и второй волны хорошо показана в труде «Техника государственного переворота» Курцио Малапарте:

«Однако при виде юнкеров, охраняющих дворец, толпа в удивлении останавливается и, оставаясь на безопасном расстоянии от пушек и пулеметов, недоуменно разглядывает освещенные окна, безлюдную Дворцовую площадь, автомобили, выстроившиеся в цепочку у здания Генерального штаба. А Ленин? Где же Ленин? Где большевики?

²⁰⁹ Д.Рашкоф. Медиавирус. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/47886/Rashkoff_-_Mediavirus.html
(дата обращения: 28.03.2015)

Реакционеры, либералы, меньшевики и эсеры, еще не успевшие осознать происходящее, отказываются верить, что правительство свергнуто. Это все лживые слухи, которые распространяют провокаторы из Смольного. Министры собрались в Зимнем дворце исключительно по соображениям безопасности. Если полученные сведения соответствуют действительности, то произошел не государственный переворот, а несколько более или менее удавшихся (на этот момент ничего еще в точности не известно) покушений на государственные и городские службы технического обеспечения. Вся законодательная, политическая и административная власть по-прежнему в руках Керенского. Никто не пытался штурмовать Таврический дворец, Мариинский дворец и министерства. Ситуация, конечно, парадоксальная: никогда еще не бывало, чтобы восставшие объявляли о захвате власти и при этом оставляли правительству полную свободу действий. Такое впечатление, что большевики забыли о правительстве. Почему они не захватывают министерства? Разве можно подчинить себе государство, разве можно управлять Россией, не имея под рукой административных рычагов? Да, большевики захватили всю техническую структуру города: но Керенский не свергнут, вся власть у него, даже если он на какое-то время утратил контроль над железными дорогами, электростанциями, газовой сетью, коммунальным обслуживанием, телефоном, телеграфом, почтамтом, Государственным банком, угольными складами, нефте- и зернохранилищами». ²¹⁰

Корневой причиной успеха большевистского переворота была в том, что Ленин и Троцкий поняли: надвигается новая эпоха, и в этой эпохе возникают новые центры политической власти. Во второй волне железные дороги, телеграфы и почтамп и телефония – всё средства коммуникации – значат для государства больше, чем его бюрократическая аппаратура. Можно

210 К.Малапарте. Техника государственного переворота. URL: http://igpr.ru/library/glava_10 (дата обращения: 28.03.2015)

вспомнить настойчивость Ленина в вопросах организации революционной печати, однако лучше сразу перейдем к следующему заключению Малапарте, которое ясно покажет, как политическая практика восстания может быть перенята контрреволюционными силами и привести к успешному подавлению восстания в новых коммуникационных реалиях.

По мнению Малапарте, Сталин стал единственным политиком Европы, который полностью впитал инновационную практику восстания, используя ее для создания инновационной практики контрвосстания. Повстанческая тактика Троцкого была основана на создании и тренировки специальных штурмовых отрядов для резкого захвата ключевых узловых пунктов власти. Такой захват парализует снабжение, управление и коммуникацию в захваченном пункте. Сталин четко понимал, что устаревшие полицейские методы неспособны отразить штурмовую атаку повстанческого типа. И он приходит к идее создания специальных штурмовых контрпротестных отрядов по аналогии с троцкистскими:

«Техническое командование этим специальным отрядом, который размещается в последнем этаже здания ПЗУ на Лубянке, вверено Менжинскому: он лично контролирует отбор надежных людей из работников технических служб, электротехников, телеграфистов, телефонистов, железнодорожников, механиков и т. д. Каждый вооружен только ручной гранатой и револьвером, чтобы быть свободным в движениях. Специальный отряд состоит из ста «команд» по десять человек в каждой, которым приданы двадцать боевиков. Каждая команда располагает взводом пулеметчиков и двумя мотоциклистами для связи с другими командами и с Лубянкой. Менжинский, принявший все необходимые меры, чтобы сохранить в тайне сам факт существования «специального отряда», делит Москву на десять секторов: они будут связаны между собой секретной телефонной сетью, замкнутой на Лубянку. Кроме Менжинского, о существовании и схеме этой

телефонной сети знают только работавшие над ней монтеры. Таким образом, все жизненно важные технические центры Москвы связаны с Лубянкой посредством телефонной сети, которой не угрожает ни захват, ни попытка саботажа. В зданиях, находящихся в стратегически важных пунктах каждого сектора, размещены многочисленные «ячейки» для наблюдения, контроля и обороны: они представляют собой звенья одной цепи, являющейся нервной системой всей организации». ²¹¹

В ноябре 1927 года, когда Троцкий совершает попытку штурма, контрпротестные отряды выполняют свою функцию:

«Суть его оборонительной тактики в том, чтобы не защищать находящиеся под угрозой государственные объекты снаружи, привлекая воинские части, а отстаивать их изнутри, силами горстки людей. Невидимому натиску Троцкого он противопоставляет невидимую оборону. Он не расходует силы понапрасну, не отправляет людей охранять Кремль, народные комиссариаты, управления промышленных и торговых трестов, советы профсоюзов и административные учреждения. Пока полицейские подразделения ГПУ обеспечивают безопасность политических и административных органов государства, Менжинский сосредотачивает силы своего специального отряда на защите технических центров. Этого Троцкий не предвидел. Он слишком презирал Менжинского и был слишком высокого мнения о себе, чтобы считать руководителя ГПУ достойным противником. Слишком поздно он замечает, что враги сумели извлечь урок из событий октября 1917 года. Когда ему сообщают, что попытка захвата телефонных станций, телеграфа и вокзалов провалилась, и что события принимают непредвиденный, необъяснимый оборот, он сразу отдает себе отчет в том, что его повстанческая акция натолкнулась на систему обороны, не имеющую

211 К.Малапарте. Техника государственного переворота. URL: http://society.polbu.ru/malaparte_revolution/ch11_ii.html (дата обращения: 28.03.2015)

ничего общего с обычными полицейскими мерами, но все еще не отдает себе отчета в реальном положении вещей». ²¹²

Повстанческие тактики третьей волны одновременно и похожи на своих предшественниц – в силу политической составляющей – и непохожи – в силу новых коммуникационных условий. Схожесть в том, что инновация, как показал пример Гонконга, побеждается инновацией. Это развивает наш тезис о вынужденной природе включенности в «новую нормальность» государств второй волны в наши дни. В то же время, различия так же существенны. Восстание третьей волны, во-первых, медийно по своей природе: значимость акции определяется уровнем ее медийной освещенности, а ключевые узлы захвата – телеграф, почта или телефония – заменяются постмодернистскими симулякрами. Иными словами, ключевыми точками захвата в третьей волне становятся символы: свержение памятников Ленину, ²¹³ Небесная сотня и пр. Символическая и медийная насыщенность восстания общностей «новой нормальности» привлекает внимание наднациональных государств третьей волны, которые включаются в игру уже на более масштабном уровне. Иначе говоря, любой Майдан привлекает свою Викторину Нуланд с пирожками.

В этой новой повстанческой тактике ярко звучит гениальность тезиса Кастельса о сплетении информационного и глобального в новом обществе. Революционные праттики нового типа, являясь высшим выражением политической коммуникации, сплетают в себе информационных характер – медийная природа – и глобальный характер – медийная природа позволяет привлечь внимание глобальных геополитических арбитров. И, конечно, совершенно неслучайно, что

²¹² К.Малапарте. Техника государственного переворота. URL: http://society.polbu.ru/malaparte_revolution/ch11_v.html (дата обращения: 28.03.2015)

²¹³ В это связи особой иронией отличается новость об открытии на территории Ливадийского дворца Ялты памятник лидерам стран антигитлеровской коалиции: Черчиллю, Рузвельту и Сталину

победившие Советы сразу инкорпорировались в индустриальную глобальную цивилизацию, а победивший Майдан осуществляет интенсивные попытки инкорпорироваться в информационную цивилизацию, подчеркивая свою лояльность Западу.

Однако помимо подобных тектонических сдвигов в самом политическом существе, в рамках гибридной информационной войны мы сталкиваемся и с инструментальными изменениями, которые, в первую очередь, касаются новых медиа, информационных сервисов и социальных сетей.

Благодаря изложенному выше материалу становится понятно, что любое коммуникационное взаимодействие в «новой нормальности» - и особенно, если речь идет о политической борьбе – есть соприкосновение различных нарративов. Социальные сети в этом контексте являются универсальным проводником всякого коммуникационного акта, клочка информации, симулякра. Этот проводник имеет склонность к горизонтальному распространению каждой единицы данных, при этом данное горизонтальное распространение обладает способностью ускорять информационную интеракцию в геометрической прогрессии, трансформируя временнопространственное устройство сети в целом. Всё это имеет важнейшее значение в условиях политического конфликта.

Как мы уже указывали, социальные сети не организуют, но публицизируют действия политического или общественного движения. Для адхократических или оппозиционных движений эта функция социальных медиа относится, скорее, к разряду положительных.

В качестве примера такого публицизирования можно вспомнить о флешмобе #SaveOurGuys,²¹⁴ который был запущен в социальных сетях, чтобы спасти похищенных на Украине двух журналистов телеканала LifeNews. Этот

214 «Спасите наших парней». URL: <http://tjournal.ru/paper/save-our-guys> (дата обращения: 04.04.2015)

случай подтверждает нашу гипотезу о том, что именно способность формировать общественное – чаще всего апеллируя к Третьему – является ключевым источником власти в «новой нормальности» и позволяет проводить успешную коммуникационную политику. Флешмоб стал альтернативным нарративом, набравшим поначалу обороты исключительно в киберпространстве: в противовес официальному нарративу, в рамках которого власти России через ОБСЕ обратились к украинской стороне с потерпевшим фиаско требованием освободить журналистов. Впоследствии онлайн-флешмоб перетек в реальную жизнь: по сообщению ряда СМИ, по всей стране студенты выходили на улицы городов, держа в руках плакаты с хэштегом.

Будучи правильно срежиссированным, это адхократическое движение быстро перешло и на транснациональный уровень: о кампании в соцсетях написал авторитетнейший блог Mashable, обычно редко обозревающий феномены политического характера.

Постепенно кампания набирала обороты и паблисити, и в итоге журналисты были освобождены при содействии президента Чечни Рамзана Кадырова.²¹⁵

В то же время, социальные медиа могут в равной степени использоваться и государством – в своих интересах. Впрыскивание собственных агентов влияния в киберпространство становится одним из самых действенных методик по более или менее качественному регулированию не только повестки дня в виртуальном пространстве, но сами узлы сети – при условии, что вышеупомянутым агентам удастся удачно совершить инъекции желаемого нарратива во враждебную среду. А развитие технологий позволяет даже не тратиться на человеческие ресурсы.

215 Кадыров: «Я лично вел переговоры по освобождению журналистов».
URL: <http://izvestia.ru/news/571431#ixzz3WHZ0gb2t> (дата обращения: 04.04.2015)

К примеру, в апреле 2015 года сайт Global Voices опубликовал исследование известного интернет-аналитика Лоренса Александра, который занимался анализом Twitter-аккаунтов, распространявших, по его мнению, «прокремлевскую» информационную повестку в киберпространстве. Господин Александр насчитал примерно 20 000 так называемых "кремлеботов" - группу с отличной от "человеческих аккаунтов" топологией (высокий процент аккаунтов без информации о часовом поясе и любимых твиттеров).

²¹⁶

Более того, Министерство информационной политики Украины даже разработало инструкцию по ведению информационной войны в соцсетях. Сообщалось, что ведомство рекомендовало создавать «ботов» для комментирования новостей на российских информационных ресурсах. ²¹⁷ Позднее сообщалось, что первым объектом атаки информационных войск Украины станет российский телеканал LifeNews. ²¹⁸

Помимо принципиальной допустимости любого нарратива в киберпространстве, последнее также представляет угрозу для политического актора тем, что вводит своих посетителей в состояние гомеостаза. Находясь в нем, актор постепенно переключается на виртуальное восприятие времени и пространства, теряет бдительность. В условиях политического конфликта и при отсутствии коммуникационной дисциплины, подобные факторы могут привести к плачевным последствиям. ²¹⁹

По мнению Пола Левинсона, профессора университета Фордхэм (Нью-

²¹⁶ Исследователь оценил число «кремлеботов» в 20 000.

URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/04/03/issledovatel-otsenil-chislo-kremlebotov-v-20-000#.VR6bQqEQI9x.facebook> (дата обращения: 04.04.2015)

²¹⁷ На Украине создали инструкцию по борьбе с «агентами Кремля» в интернете.

URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/24/n_6955069.shtml (дата обращения: 04.04.2015)

²¹⁸ «Известия»: первым объектом атаки информвойск Украины станет телеканал LifeNews.

URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/27/n_6963401.shtml (дата обращения: 04.04.2015)

²¹⁹ В Приложении №2 можно ознакомиться с иранским опытом по использованию специфики устройства социальных сетей и киберпространства в свою пользу.

Йорк) в области исследований коммуникаций и медиа, социальные сети стали свидетельскими показаниями и в рамках движения "Окуппай Уолл-стрит":

"– Один из тех, с кем я говорил для моей книги, – журналист Тим Пул, у которого был небольшой смартфон с очень хорошей видеокамерой. Во время демонстраций в Нью-Йорке он передавал видео в режиме реального времени. Это было очень важно, потому что полиция арестовала некоторых людей и сделала это абсолютно незаконно: полицейские нарушили американскую конституцию, которая предполагает свободу мирных собраний людей. (И та же первая поправка говорит об этом). Но нью-йоркскую полицию это не волновало, они арестовывали мирных демонстрантов. В мае одно из судебных дел завершилось тем, что судья признал действия полиции незаконными, а демонстрантов – невиновными. И доказательством стало видео Тима Пула. Это – один из примеров, как социальные медиа повлияли на движение «Оккуппай Уолл-стрит», они фактически стали свидетельскими показаниями, и – показаниями для всего мира. Не говоря уже о том, что стало возможным организовать местные демонстрации по всей Америке".²²⁰

Если же государство не является ярким сторонником демократических и прозрачных процедур - то эту публичность социальных сетей вполне можно использовать и с обратным знаком (доказывая виновность активистов и пр.).

В условиях крупных политических конфликтов этот факт заслуживает еще большего внимания, ведь любой промах несет значительно большие последствия.

Одной из самых характерных таких кампаний стал раскручивающийся западными медиа нарратив вовлеченности российских военнослужащих и боевой техники в конфликт на Донбассе. В июле 2014 года российский

220 «Социальные медиа стали свидетельскими показаниями».

URL: http://slon.ru/world/sotsialnye_media_stali_svidetelskimi_pokazaniyami_i_pokazaniyami_dlya_vsego_mira-827236.shtml (дата обращения: 04.04.2015)

солдат-срочник опубликовал в своей социальной сети фотографию стреляющих артиллерийских орудий с комментарием: «всю ночь долбили по Украине». И хотя вскоре комментарий, а затем и фотография были удалены, социальные сети быстро разнесли скандальную информацию по киберпространству.²²¹

В разное время – пик был достигнут в августе 2014 года – журналисты газеты Financial Times, корреспонденты Guardian и Telegraph, указывали на доказательства такой вовлеченности, ссылаясь на социальные сети, где повсюду расцветали якобы подлинные фотографии погибших российских солдат, российской боевой техники, пересекающей украинскую границу и т.д.

Это многое говорит о сложности коммуникационных взаимоотношений акторов, прошедших социализацию и профессионализацию во второй или третьей волне. Не случайно в августе в Берлине был проведен журналистский форум Stereoscope Ukraine, в рамках которого около 30 представителей СМИ из Украины, России и стран ЕС обсуждали освещение разными изданиями событий на Украине.²²²

Взаимопроницаемость нарративов уже виртуального и еще традиционного пространства только на первых парах кажется проблемой абстрактной и оторванной от реальной жизни. Однако крупные конфликты всегда обнажает неправоту такой точки зрения, демонстрируя, что непонимание динамики складывающихся и распадающихся правил игры «новой нормальности» практически всегда имеет реальный результат, что убедительной показывает конфликт на Украине, приведший к крупнейшей изоляции России со времен Холодной войны.

221 Войска без комплексов. URL: <http://tjournal.ru/paper/shelled-ukraine> (дата обращения: 04.04.2015)

222 Украинский конфликт в СМИ: как журналистам услышать друг друга. URL: <http://ru.delfi.lt/abroad/global/ukrainskij-konflikt-v-smi-kak-zhurnalistam-uslyshat-drug-druga.d?id=65470936#ixzz3GbRIMpAx> (дата обращения: 04.04.2015)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании был рассмотрен новый этап развития информационного общества, для которого в данной работе был предложен термин «новая нормальность». Этот этап определяется системным конфликтом между традиционными социальными институтами и новой коммуникационной средой, который в то же время оказывает значительное влияние ход политических конфликтов. Именно благодаря «новой нормальности» сегодня происходит смена и перестановка игроков на международной политической арене, а также видоизменяются их взаимоотношения и их отношения с социумом.

Поскольку подобные изменения протекают именно в интернет-среде, особое значение приобретают сегодня такие характеристики информации, как скорость и цикличность. На фоне виртуализации политических практик подлинность информации отходит на задний план.

В ходе исследования было выявлено, что «новая нормальность» размывает символическую власть традиционных авторов сообщений (национальное государство, церковь, старшие члены семей). В то же время, наблюдается все больший запрос на идентичность новых проектов, основанных на ценностях сетевого общества.

Представленное исследование также показало, что специфика политических коммуникаций сегодня – как основного ресурса и инструмента политической борьбы на локальном и глобальном уровнях – заключается в столкновении альтернативных описательных нарративов. Нарративный подход к описанию политической борьбы в «новой нормальности» помогает выявить системный конфликт, который возник в результате раскола информационной системы. Этот раскол привел к тому, что в новомедийной среде способность формировать общественное мнение становится источником власти. Однако это общественное мнение является продуктом

противостояния системы репрезентации и системы коммуникации, в результате которого сетевые сообщества начали эмулировать собственную, альтернативную повестку дня, противостоящую нарративам со стороны традиционных институтов.

Анализ материалов СМИ позволяет сделать прогноз, что это противостояние будет только усиливаться. В то же время, вынужденный характер внешнеполитических коммуникаций, в которых пересекаются традиционные и новые коммуникативные практики разных акторов и центров власти, лишь обостряет указанное противостояние. Уже сегодня этот диссонанс разрушает привычные модели социальных взаимодействий и все чаще приводит к системным сбоям институтов власти – политическим конфликтам.

При этом современные медиа активно вовлекаются в создание интерпретационных моделей действительности наравне с политическими акторами, а в ряде случаев - и опережая их. Именно успешное создание таких моделей помогает акторам формировать общественное мнение в выгодном им русле. Это означает, что коммуникация становится все более значительным источником власти. Столкновение базирующегося на этой тенденции концепта медиаполитики с существующей параллельно новой коммуникационной средой сегодня определяет суть и характер властных отношений.

В ходе изучения сирийского и украинского конфликтов было подтверждено, что при возрастающей слабости традиционных каналов коммуникации политические акторы все чаще прибегают к ресурсам интернет-среды для формирования общественного мнения, что служит дополнительным источником влияния на ход конфликта.

В данном случае сирийский конфликт выступает примером успешного формирования общественного мнения посредством новой коммуникационной

системы, а украинский конфликт – примером потери способности такого формирования на фоне активного использования традиционных каналов коммуникации. Дисбаланс коммуникационных моделей во внешней политике приводит к взаимному непониманию акторов и дальнейшему несовпадению их описательных нарративов.

Выводы, сделанные в данной работе, подтверждают тезис М. Кастельса о кризисе природы и источников власти, который на ранних этапах политического кризиса становится причиной его эскалации. Усугубление ситуации приведет к всё большей зависимости властных отношений от тех процессов, которые протекают в новых медиа.

Перспективы дальнейших исследований по данной теме связаны с тем, что проблема истока и природы указанных противоречий между коммуникационными моделями, а также вопросы по их дальнейшему развитию все еще не исчерпаны. Неразрешенной остается и проблема соотношения роли СМИ, политических акторов и сетевого общества в коммуникационном выстраивании властных отношений.

За рамками исследования также остались методики по созданию описательных нарративов и фреймов в области политики. Также на момент завершения работы – весна 2015 г. – украинский кризис находится на стадии консервации, и это означает необходимость снова возвращаться к его анализу по окончании данного межцивилизационного конфликта.

Значимость представленного исследования заключается в том, что изучение и понимание противоречий между двумя описанными коммуникационными моделями представляется может помочь в анализе описанного в данной работе системного конфликта. В то же время понимание сути этого конфликта, а также тех властных отношений между политическими акторами, которые он порождает, имеет огромное значение для понимания природы многих современных политических событий и их

освещения в СМИ.

Практическая же значимость работы заключается в том, что сопоставительное исследование стратегий использования новых медиа двумя сторонами изучаемых геополитических конфликтов дает возможность оценить эффективность, преимущества и недостатки обеих, а также разработать на этой базе максимально рациональный метод использования интернет-коммуникаций.

Также подобное исследование дает возможность проанализировать системный конфликт между различными центрами власти и игроками, имеет огромное значение при понимании природы многих современных политических событий и их освещения в СМИ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проведенная работа показывает, что специфика политических коммуникаций сегодня – как основного ресурса и инструмента политической борьбы на локальном и глобальном уровнях – заключается в столкновении альтернативных описательных нарративов. Ассортимент строительного материала для последних, при этом, существенно расширился на фоне виртуализации политических и других практик, при которых возможен и допустим любой поток симулякров, а каждое коммуникационное действие так же весомо как ранее были только информационные факты.

Если Запад еще пока способен сохранять ключевые институты под коммуникационной бомбардировкой, информационной перенасыщенностью и под давлением всепроникающих потоков малых рассказов, то Россия вошла в новый мир без стабильных и укоренившихся идеологических базисов. По мнению Александра Рубцова, руководителя Центра исследований идеологических процессов, сегодня «экономика отодвинута от приоритетов едва ли не больше, чем в эпоху КПСС, – и как принцип, и с точки зрения «веса» экономического блока в правительстве. Приоритетом стала «геополитика», которая работает не на утилитарно понятый национальный интерес, а на квазиидеологию, причем в простейшем, пропагандистском ее виде. Понятно, какое будущее уготовано с таким давлением мифологии на прагматику». ²²³

При этом, символическая насыщенность международной политики не отменяет специфики последней: сочетания элитарности и массовости одновременно. Иными словами, речь идет о двойной кодировке и декодировке тех сообщений, которые транслируются и интерпретируются

223 Вернется ли государство и общество с войны.

URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/01/metafizika-vlasti-teleportatsiya-strani> (дата обращения: 04.04.2015)

крупными геополитическими авторами: массовая для общественности информация переходит в межгрупповую для целевого получателя – элиты. Разумеется, символы могут считываться по-разному. И в этом смысле разбалансировка коммуникационных потоков между Западом и Россией, которая свидетельствует, что Запад «постмодернизировался» основательнее и активнее, чем Россия, принимает угрожающее значение и обещает дальнейшее несовпадение описательных нарративов обеих сторон.

Это позволяет говорить о том, что интегрированное метафорическое описательное «знание» хотя и становится высшей целью, все еще не стало на деле центральной целью политической деятельности акторов по всему миру. В то же время, и медиа участвуют в этой деятельности, принимая участия в создании описательных нарративов или фреймов. Контролируя в известной степени проводимый политический дискурс, медиа и журналистика качественно видоизменили суть своей деятельности, все больше сдвигаются от собственно информационных функций к авторству символов, интерпретаций и навигации в мире «новой нормальности».

При том, что сирийский конфликт на настоящем этапе является исчерпанным, украинский конфликт продолжает эскалацию. На момент написания этих строк – весна 2015 года – является очевидным, что решить его можно только «новыми Хельсинскими соглашениями», заморозкой крымского вопроса и урегулированием конфликта на Донбассе.

По мнению Николая Злобина, президента Center on Global Interests, «уже никто не спорит с тем, что старый миропорядок, построенный по итогам Второй мировой войны, быстро уходит в прошлое. Последний его защитник – Россия – отказалась от этой роли еще в августе 2008 года, во время войны в Грузии. Выступив тогда формально против Запада, в методах внешней политики Россия оказалась с ним заодно. Вместе со старым миропорядком сегодня уходят все его атрибуты, начиная с послевоенной

системы международных организаций во главе с ООН, чей Совет Безопасности после распада СССР окончательно превратился в политически беспомощный орган, до международного права, отражающего ныне лишь реалии недавнего прошлого. Возникла необходимость формирования нового глобального мироустройства. Но его структура и правила функционирования пока даже не обговорены основными мировыми игроками. Да и непонятно, кто теперь эти игроки». ²²⁴ В то же время, как подчеркивает Александр Морозов, бывший шеф-редактор «Русского журнала», «70-летие ялтинских соглашений проходит под грохот систем залпового огня. А они сопровождаются совершенно фантастическими идейными конструкциями, которые захватывают умы миллионов. Сформировалась такая схема: Россия потерпела поражение в войне с Западом в 1991 году, случилась «геополитическая катастрофа», и вот теперь, через 23 года, накопив резервы, Россия якобы хочет переиграть результат крушения двухблокового мира. А поскольку он покоился на ялтинском мире, то в пропаганде российской «партии войны» вновь возникает тема Ялты. Кремлю и его теоретикам хочется верить в то, что ялтинская система «трещит по швам». Пришел исторический час, когда она окончательно исчерпала себя. И потому Россия якобы должна настаивать на новом всеобъемлющем договоре. А Крым и Донбасс — это лишь демонстрация требования, сигнал, который Россия посылает Западу. Почти через четверть века после окончания борьбы западного и восточного блоков Россия вдруг ставит вопрос о том, что 45-летняя война «двух систем» завершилась без договора, подобного Вестфальскому, Утрехтскому или Ялтинскому — великих договоров, определивших на десятилетия международную архитектуру». ²²⁵

224 Мир после Минска: почему все меньше желающих договариваться с Россией. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949994116648> (дата обращения: 04.04.2015)

225 Ялта и другие фантазии: в чем ошибается Россия. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949994116648> (дата обращения: 04.04.2015)

Возрастающее с 2007 года – если брать за точку отсчета Мюнхенскую речь – или с 2008 года – если брать за точку отсчета грузинский конфликт – недопонимание между Западом и Россией объясняется прежде всего именно расхождением описательных нарративов. По мнению Федора Лукьянова, главного редактора журнала "Россия в глобальной политике", «если считать Мюнхен-2015 барометром международной политической атмосферы, то стрелка движется в направлении деления "шторм". Но шторм не "идеальный", который сносит старое, чтобы на его месте построить что-то новое — более устойчивое и современное, а такой же, как и все остальное сейчас. Гибридный. Когда никто не знает, ради чего, собственно...». ²²⁶

Налицо некий «коммуникационный разрыв», возрастающая дезориентация основных политических институтов в современном мире. Как профессиональные коммуникаторы и навигаторы, политические акторы и медиапрофессионалы должны уделять этой проблеме первостепенное внимание. Для этого, в первую очередь, надо осознать четко и ясно свои функции и роли в дискурсе нового типа. Это довольно сложно, учитывая фундаментальную самоперепрограммируемость сети, однако цена вопроса слишком высока, чтобы не обращать на него внимание.

Мы убеждены, что подобные политические штормы суть запоздалая реакция на революционные изменения коммуникационного пространства последних десятилетий. Политические практики все больше интегрировались с законами медиа при недостаточном понимании политическими акторами последних. Как утверждал Иван Засурский, «общество дестабилизируется. Переустанавливается операционная система, на которой оно работает несколько столетий. <...> Главное, что всех бесит в Интернете, — это возникновение другой, еще малопонятной социальной реальности, другие

226 Последняя остановка перед развилкой.

URL: <http://kommersant.ru/doc/2654954> (дата обращения: 04.04.2015)

потоки внимания. В принципе, это можно изучить на примере кинематографа, эта проблематика блестяще представлена в последнем фильме Ланы и Энди Вачовски «Облачный атлас». Главная его мысль: мы все связаны, но каждый из нас сам по себе не имеет смысла. <...> Что сейчас происходит, в терминах теории русского космизма Вернадского можно описать как формирование ноосферы. <...> Интенсивность участия, принятие на себя разного рода ролей здесь во много раз сильнее, чем в традиционных религиях. Это та среда, в которой подобное поведение вознаграждается, приветствуется и является залогом эффективного функционирования всего общественного механизма. <...> В этих условиях средства массовой информации играют очень важную роль для того, чтобы преодолеть эти барьеры инерционного и по сути опасного непонимания роли Интернета и новой информационной среды, которая дает богатый доступ к знаниям и умениям. Неслучайно же информационное общество часто называют обществом знания – Knowledge Society». ²²⁷

Это снова заставляет нас думать о загадочной сущности той трансформации – коммуникационной, культурной, социальной и политической – свидетелями которой мы становимся. В силу укоренившегося историей и традициями цивилизация первой волны не нуждалась ни в какой специфической поддержке своей жизнедеятельности – эти задачи, вдобавок, решались за счет экспансии и войны, которые по факту очищали систему от потребности в саморефлексии.

Слепота такого положения и предопределила безапелляционность смены исторических вех. Вторая волна, со своей жестко сконструированной системой, нуждалась в людях для поддержки своей жизнедеятельности. Эта потребность существенно повлияла на социальные роли людей, сведя их

227 Иван Засурский: «Все знают всё про всех».

URL: <http://kinoart.ru/archive/2013/07/ivan-zasurskij-vse-znayut-vsjo-pro-vsekh> (дата обращения: 04.04.2015)

системное значение к взаимоинтегрирующимся винтикам – и в этом смысле разница между Троцким и рабочим на заводе Ford – простая формальность.

По-другому дело обстоит с нашей реальной виртуальностью третьей волны. Сетевая структура, функционирующая по типу электрических цепей, умеет поддерживать свою жизнедеятельность сама, являясь естественным продолжением потребностей людей, в нее инкорпорированных. Ключевая такая потребность сдвигается от информации к ориентации. Под давлением новых технологий люди все более склонны трактовать любую проблему как проблему незнания. Наряду с этим информационная перенасыщенность любого рынка – от политического до рынка финансов – создает потребность в техниках оценки, интерпретации, фильтрации и отбора данных. Добавочной стоимостью становится коммуникационная экспертиза, сопровождающая любой информационный продукт.

Такая модуляция предельно расширяет горизонты не только самореализации человека, но и самой гностической (познаваемой) реальности; мир наконец стал нерегулируемым океаном знаний, полным почти музыкальных потоков информации, которым нужен не архитектор, а дирижер.

Если собирательным символом первой волны следует назвать *памятник*, второй – *интегратора*, то сегодня мы приходим к ролевой модели *лодочника* – добровольца и волонтера, адепта медиазнаний, навигатора и картографа, который, с согласия общества, сумеет в конце концов помочь человеку вернуть его взгляд к небесам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники на русском языке:

1. **И.Засурский**. Ре-конструкция России Масс-медиа и политика в 90-е годы. – М.: Изд-во МГУ, 2001.
2. **Е.Вартанова**. МЕДИАЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Интернет-СМИ. Теория и практика. Под редакцией М.Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010.
4. **М.Лукина, И.Фомичева**. СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005
5. **С.Коновченко, А.Киселев**. Информационная политика в России. Монография. – М.: РАГС, 2004.
6. Медиаконвергенция, которая изменила мир? [Электронный ресурс] / Сборник статей к открытой сессии по медиаконвергенции. Под ред. М.С. Корнева. – М., 2014.
7. **Р.Барт**. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. - М., Прогресс, 1989
8. **М.Гундарин**. Книга руководителя отдела PR : практические рекомендации. СПб, 2009.
9. **Т.Кун**. Структура научных революций - М.: «АСТ Москва», 2009
10. **Э.Тоффлер**, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009
11. **М.Вебер**. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
12. **Т.ван Дейк**, Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013
13. **З. Бжезинский**, Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : [перевод с английского] - Москва: Астрель, 2013.
14. **О.Шпенглер**. Закат Европы. – М.: "Мысль", 1993
15. Политические коммуникации; под ред. *А.И.Соловьева* – М.: Аспект Пресс, 2004.

Источники на английском языке:

16. **К.Келли**. Out of Control. URL: <http://kk.org/mt-files/books-mt/ooc-mf.pdf>

17. **E.Morozov**, The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom – Public Affairs, 2011.
18. **M.Castells**. Communication power. Oxford University Press, 2009
19. **Fred Turner**. From counterculture to cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth network, and the rise of digital utopianism. The University of Chicago Press, Ltd., London 2006

Статьи на английском языке:

20. **S. Brand**. Spacewar: Fanatic Life and Symbolic Death among the Computer Bums. URL: <http://digitizingamerica.shanti.virginia.edu/sites/shanti.virginia.edu.digitizingamerica/files/SPACEWAR%20-%20by%20Stewart%20Brand.pdf>
21. Gilder, Men and Marriage, vii; Bronson, “George Gilder”
22. **J. P. Barlow**. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>

Электронные источники:

1. **М.Мамардашвили, Э.Соловьев, В.Швырев**. КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ ДВЕ ЭПОХИ В РАЗВИТИИ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ. URL: <http://psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm>
2. **Э.Шюре**. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/131450/Shyure_-_Velikie_posvyashchennye._Oчерk_ezoterizma_religiii.html
3. **Л.Яковлева**, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf
4. **М.Мамардашвили, Э.Соловьев, В.Швырев**. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=501&Itemid=55
5. **Р.Декарт**, ПЕРВОНАЧАЛА ФИЛОСОФИИ. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dek/dekart_1_297.htm
6. Декарт, Рене. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15649>
7. **М.Мамардашвили**. Классический и неклассический идеалы рациональности. URL: http://philosophy.ru/library/mmk/knir/mam_rat3.html

8. **А.Дугин.** Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124>
9. **Ж.Делёз.** Складка. Лейбниц и барокко. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze=le_pli=leibniz_et_le_baroque.htm
10. **Ж. Делёз.** Логика смысла. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica2.txt>
11. **Ж. Делёз.** Платон и симулякр. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/plat_sim.php
12. **И.Скоропанова.** Русская постмодернистская литература. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm>
13. **Ж.Бодрийяр.** Общества поребления. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=106836&p=4>
14. **Ж.Бодрийяр.** Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000.
15. **В.Гаков.** Рыцарь медийного образа. URL: http://web.archive.org/web/20080304152615/http://www.kommersant.ru/money-old/story.asp?m_id=2970
16. **Г. Семигин.** Антология мировой политической мысли. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php
17. **М.Кастельс.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php
18. **Э.Тоффлер.** Метаморфозы власти. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/index.php
19. **Н.Винер.** Я – математик. URL: http://grachev62.narod.ru/wiener/i_am_a_mathematician.html
20. **Я.Коломиец.** СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ТОРОНТСКОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ. URL: <http://www.newmediastudies.ru/2013.kolomiets.pdf>
21. ВВС : Виртуальная революция - Великое социальное равенство? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=1NRQJeDeEjg>
22. Обама и Putin запрещены в Китае. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2660408>
23. Can the Internet Defeat Putin? Aleksei Navalny and Russia's Protesters Face a Tough Battle. URL: <http://www.nytimes.com/2014/12/31/opinion/aleksei-navalny-and-russias->

- [protesters-face-a-tough-battle.html?gwh=60698160E1B914815535A3F25B96926E&gwt=pay&assetType=opinion](#)
24. «Раб на галерах»: яркие высказывания Путина за 15 лет. URL: <http://daily.rbc.ru/photoreport/26/03/2015/55141f889a7947aad814cdec/14.shtml>
 25. «Сейчас мы для Китая — "старшая сестра"». URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/19/riac/>
 26. Как устроен Роскомнадзор Даниил Туровский изучил работу главного цензурного ведомства России. URL: <https://meduza.io/feature/2015/03/13/kak-ustroen-roskomnadzor>
 27. Э. Бернейс. Пропаганда. URL: http://propagandahistory.ru/books/Edvard-Berneys_Propaganda/3
 28. The Guardian view on Russian propaganda: the truth is out there Editorial. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/mar/02/guardian-view-russian-propaganda-truth-out-there>
 29. Benchmarking Public Demand: Russia's Appetite for Internet Control. URL: <http://www.global.asc.upenn.edu/app/uploads/2015/02/Russia-Public-Opinion.pdf>
 30. Г. Киссинджер. "Понять Путина. Политика здравого смысла". URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1032647/46/Kissindzher_-_Ponyat_Putina._Politika_zdravogo_smysla.html
 31. Г. Киссинджер. "Дипломатия". URL: <http://mognovse.ru/bzc-nauchno-izdateleskij-centr-stranica-89.html>
 32. З. Бжезинский. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство? URL: <http://mognovse.ru/pqy-globalenoe-liderstvo-moskva-mejdunarodnie-otnosheniya-stranica-13.html>
 33. З. Бжезинский. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=181929&p=29>
 34. Виктор Янукович дал интервью российским и зарубежным СМИ. URL: <https://news.mail.ru/politics/17666211/?frommail=1>
 35. Russian and Ukrainian TV viewers live on different planets. URL: http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2015/02/26/russian-and-ukrainian-tv-viewers-live-on-different-planets/?tid=sm_tw
 36. Greece can be forgiven for looking to Russia, but it should beware. URL:

- <https://news.mail.ru/politics/17666211/?frommail=1>
37. Спецслужбы ЕС изучат связи между Кремлем и победившей в Греции партией. URL: <http://top.rbc.ru/politics/29/01/2015/54ca0f699a794752f1097937>
 38. Президент поставил ФСБ предвыборную задачу. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2694931>
 39. В Кремле изучают американские технологии в контексте выборов в Думу в 2016 году. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/10/elektoralnoe-importozameschenie>
 40. «Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности». URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>
 41. Консенсус ищет столицу. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Konsensus-ischet-stolicu>
 42. Бжезинский предложил США и России найти компромисс по Украине. URL: <http://top.rbc.ru/politics/18/03/2015/550938989a794712c15ff530>
 43. Русские заморозки: как быстрая победа в Крыму обернулась долгой войной. URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/12/2014/549bf0379a79474421c18b63>
 44. Ukraine Today начнет спутниковое вещание с 24 августа. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/08/14/n_6395441.shtml
 45. Британской BBC не хватает ресурсов для противодействия Russia Today. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/12/23/protiv-russkih-net-deneg>
 46. Германия начнет бороться с российской “пропагандой”. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/01/28/deutsche-welle-sobiraetsya-borotsya-s-rossijskoj-propagandoj>
 47. Джон Керри пожаловался на RT и попросил увеличить финансирование американской пропаганды. URL: <http://russian.rt.com/article/76448>
 48. Дэвид Кэмерон создал фонд борьбы с российским влиянием. URL: <http://top.rbc.ru/politics/20/03/2015/550baec69a7947e3800c2aae>
 49. Исследование: США проигрывает информационную войну России. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/03/25/n_7048221.shtml
 50. FT: Украина вступила в гонку гуманитарных конвоев с Россией. URL:

- http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/08/14/n_6394725.shtml
51. Russia Today: Vladimir Putin's On-Air Media Machine. URL: <http://time.com/rt-putin/>
 52. Ложь, гнусная ложь и российская дезинформация. URL: <http://www.stopfake.org/lozh-gnusnaya-lozh-i-rossijskaya-dezinformatsiya/>
 53. Журналист RT: На Западе все российские СМИ считают пропагандой – это необоснованно и оскорбительно. URL: <http://russian.rt.com/article/51651#ixzz3GbUvd1tD>
 54. Обращение Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/news/20603>
 55. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860>
 56. Валдайский клуб объяснил причины политических катаклизмов 2014 года. URL: <http://top.rbc.ru/politics/11/03/2015/55003bc89a7947c86bc29209>
 57. Постмодернизм в политике - просто беда. URL: http://www.ng.ru/scenario/2014-03-25/14_chaos.html
 58. Ukraine: Where a dark world of hybrid warfare and murky loyalties prevails. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/in-ukraine-a-dark-world-of-hybrid-warfare-and-murky-loyalties-prevails-10066132.html>
 59. Уютные руины ялтинской системы. URL: <http://expert.ru/expert/2015/07/uyutnyie-ruinyi-yaltinskoj-sistemyi/>
 60. Russians Are Organizing Against Putin Using FireChat Messaging App. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-12-30/russians-are-organizing-against-putin-using-firechat-messaging-app>
 61. **Д.Рашкоф.** Медиавирус. URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/47886/Rashkoff - Mediavirus.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/47886/Rashkoff_-_Mediavirus.html)
 62. **К.Малапарте.** Техника государственного переворота. URL: http://society.polbu.ru/malaparte_revolution
 63. «Спасите наших парней». URL: <http://tjournal.ru/paper/save-our-guys>
 64. Кадыров: «Я лично вел переговоры по освобождению журналистов». URL: <http://izvestia.ru/news/571431#ixzz3WHZ0gb2t>
 65. Исследователь оценил число «кремлеботов» в 20 000. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/04/03/issledovatel-otsenil-chislo-kremlebotov-v-20-%20000#.VR6bQqEQ19x.facebook>

66. На Украине создали инструкцию по борьбе с «агентами Кремля» в интернете. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/24/n_6955069.shtml
67. «Известия»: первым объектом атаки информвойск Украины станет телеканал LifeNews. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/27/n_6963401.shtml
68. «Социальные медиа стали свидетельскими показаниями». URL: http://slon.ru/world/sotsialnye_media_stali_svidetelskimi_pokazaniyami_i_pokazaniyami_dlya_vsego_mira-827236.xhtml
69. Войска без комплексов. URL: <http://tjournal.ru/paper/shelled-ukraine>
70. Украинский конфликт в СМИ: как журналистам услышать друг друга. URL: <http://ru.delfi.lt/abroad/global/ukrainskij-konflikt-v-smi-kak-zhurnalistam-uslyshat-drug-druga.d?id=65470936#ixzz3GbRIMpAx>
71. Вернется ли государство и общество с войны. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/01/metafizika-vlasti-teleportatsiya-strani>
72. Мир после Минска: почему все меньше желающих договариваться с Россией. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949994116648>
73. Ялта и другие фантазии: в чем ошибается Россия. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949994116648>
74. Последняя остановка перед развилкой. URL: <http://kommersant.ru/doc/2654954>
75. **Иван Засурский:** «Все знают всё про всех». URL: <http://kinoart.ru/archive/2013/07/ivan-zasurskij-vse-znayut-vsjo-pro-vsekh>
76. **И.Засурский.** Интернет и интерактивные электронные медиа: реальность и перспектива. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=143010>
77. **И.Засурский.** Репрезентация или коммуникация? URL: <http://index.org.ru/journal/13/zasur1301.html>
78. **Я.Засурский.** Информационное общество и средства массовой информации. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/8237275cd12d039fc32568b10037d11e>
79. **Е.Вартанова.** Медиаэкономика в информационном обществе. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/bpa/ba10d583b969e011c325719400318d49>

80. **А.Амзин.** "Новостная интернет-журналистика". URL: <http://alex-alex.ru/nij.php>
81. **Е.Лавренчук.** АУТОПОЙЕЗИС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ. URL: https://docs.google.com/document/d/13kGPoYohL5RjJdBICor_Xf3RZ3LXzHoIwxUzvOjb3zM/edit?pli=1
82. **Д.Белл.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. URL: <http://www.twirpx.com/file/682165/>
83. **А.Турен.** ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВУЮЩЕГО. URL: http://socioline.ru/files/5/39/alain_touraine.pdf
84. **М.Маклюэн.** Понимание медиа: Внешние расширения человека. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/makl2/
85. **Ю.Хабермас.** Вовлечение другого. Очерки политической теории. URL: http://royallib.ru/book/habermas_yurgen/vovlechenie_drugogo_ocherki_politicheskoy_teorii.html
86. **Ю.Хабермас.** Моральное сознание и коммуникативное действие. URL: <http://www.twirpx.com/file/57914/>
87. **D.Gilmor.** Mediactive. http://mediactive.com/wp-content/uploads/2010/12/mediactive_gillmor.pdf
88. **Y.Masuda.** The Information Society as Post-industrial Society. URL: http://books.google.ru/books/about/The_Information_Society_as_Post_indus.html?id=ynkmIxF1G3AC&redir_esc=y
89. **J.Barlow.** Cybernomics: Toward a Theory of Information Economy. URL: <http://www.20khvylyn.com/next/economy/cybernomics.html>
90. **Г.Алмонд.** Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/60.php
91. Бжезинский и Скоукрофт: Украина и Китай – две главные проблемы России. URL: <http://ttolk.ru/?p=21623>
92. **Ф.Лиотар.** Состояние постмодерна. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liot/
93. **А.Тойнби.** Постигание истории. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Toynbee/Index.php
94. **Ж. Бодрийяр.** Система вещей. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php
95. **Ж. Бодрийяр.** В тени молчаливого большинства, или конец

- социального. URL:
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Mol_Bol.php
96. **Ж. Бодрийяр.** Реквием по масс-медиа. URL:
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Rekviem.php
97. **Г.Дебор.** Общество спекталя. URL:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Debor/
98. **М.Фуко.** Археология знания. URL:
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/
99. **М.Фуко.** Воля к истине. URL:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/
100. **П.Бурдьё.** Социология политики. URL:
<http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki>